

Министерство образования Российской Федерации
Горно-Алтайский государственный университет

На правах рукописи

Лушникова Юлия Владимировна

**ЛИНГВОЭВОКАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИТУАЦИИ
НЕПОНИМАНИЯ В ТЕКСТАХ РАССКАЗОВ В.М.
ШУКШИНА**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
10. 02. 01 – русский язык

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор А. А. Чувакин

Горно-Алтайск – 2003

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ОВнешМ – объекты внешнего мира

ОВнутрМ – объекты внутреннего мира

СН – сигнал непонимания

СПП – сигнал, препятствующий пониманию

ТРА – теория речевых актов

УП – уровень понимания

Оглавление

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	2
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. СИТУАЦИЯ НЕПОНИМАНИЯ	
КАК ОБЪЕКТ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	19
1.1 Сущность ситуации непонимания и	
факторы ее создания	19
1.1.1 Понимание / непонимание: амбивалентный	
характер явления	19
1.1.2 Личностный фактор в речевой	
коммуникации как фактор	
наивысшего – смыслового – уровня понимания	24
1.1.3 Ситуация непонимания как тип	
коммуникативной ситуации	28
1.2 Ситуация непонимания и ее представление	
в текстах рассказов В. М. Шукшина.....	40
1.2.1 Эвокационный потенциал ситуации	
непонимания как основа эвокационного	
пласта художественного текста.....	40
1.2.2 Уровни реализации эвокационного	
потенциала ситуации непонимания	
в художественном тексте В. М. Шукшина	42
1.2.3 Структура ситуации непонимания:	
процесс заполнения «эвокационной матрицы»	59
Выводы	67
Глава 2. СИТУАЦИЯ НЕПОНИМАНИЯ	

КАК ПРОДУКТ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	69
2.1 Воспроизведенная ситуация непонимания в системе типов художественной коммуникации «персонаж – персонаж» и «повествователь – читатель»	70
2.2 Структура ситуации непонимания на уровне микро–, макроситуации и на уровне текстовой ситуации рассказов В. М. Шукшина	83
2.3 Ситуация непонимания как организующее начало текста рассказа В. М. Шукшина «Штрихи к портрету».....	120
2.3.1 Текст рассказа В. М. Шукшина «Штрихи к портрету» в аспекте синтагматики и парадигматики	120
2.3.2 Ситуация непонимания и способы ее представления в художественном тексте: функционально-сопоставительный аспект	130
Выводы	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	147
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	165

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа находится в ряду исследований коммуникативной структуры художественного текста и представляет собой лингвистический анализ воспроизведенной в художественном тексте ситуации непонимания как типа коммуникативной ситуации в текстах рассказов В. М. Шукшина.

Актуальность исследования обусловлена все возрастающим интересом к проблеме понимания/непонимания как в естественной речевой коммуникации (Н. Д. Арутюнова, Н. С. Гамалей, О. Л. Гвоздева, И. В. Соловьева и др.), так и в коммуникации персонажей в художественном тексте (Т. Г. Утробина, Е. Г. Эткинд и др.), и в тексте В. М. Шукшина в частности (Н. Д. Голев, С. М. Козлова, А. А. Чувакин, К. Э. Штайн и др.). Несмотря на наличие в современной лингвистике имеющихся исследований феномена непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина, актуальной остается проблема комплексного подхода в изучении данного феномена. Обозначая свое место в контексте обсуждения проблемы понимания, мы относим наше исследование к позиции филологической герменевтики (Г. И. Богин, А. А. Брудный, Г.-Г. Гадамер, Т. А. Голикова, А. А. Залевская, В. Г. Кузнецов, В. К. Нишанов, И. В. Соловьева, Г. Л. Тульчинский, В. П. Филатов, Д. Фоллесдаль, В. С. Швырев, П. Г. Щедровицкий, Г. Г. Шпет и др.), так как ситуация непонимания как понятие четко вписывается в терминологический пласт трудов по проблемам понимания/непонимания. Ситуацию непонимания оценивают как *аварийную* (А. А. Залевская), *проблемную* (А. М. Матюшкин, П. Г. Щедровицкий), наконец, как *герменевтическую* (И. В. Соловьева). Самую суть ситуации непонимания как явления в филологической герменевтике часто «расшифровывают» и сопрягают с понятием *факт непонимания*: «интерпретация – это средство <...> фиксации ситуации непонимания» [Арутюнова 1988: 62].

Современное состояние изучения проблемы понимания/непонимания и, в частности, ситуации непонимания, можно представить следующим образом.

Исследования общей направленности: называются лишь факты непонимания, представленные в качестве примера для иллюстрирования каких-либо других положений (А. Н. Баранов, Т. В. Булыгина, Д. Вандервекен, В. В. Дементьев, В. З. Демьянков, Д. А. Зарайский, Куайн У. В. О., И. В. Нестеров, Дж. Остин, В. В. Петров, Дж. Серль, П. Ф. Стросон и др.).

Специальные лингвистические исследования (И. Ф. Бревдо, Е. Л. Доценко, Я. А. Лупьян, В. К. Кантор, С. Крипке, В. И. Малов, А. В. Павлов, Т. Г. Утробина и др.): феномен непонимания рассматривается как средство создания анекдотичной ситуации (И. Ф. Бревдо); как характеристика процесса понимания юмористического текста (Т. Г. Утробина): исследуется юмористический текст и на примере анализа текста А. Аверченко «Гордеев узел», демонстрируется принцип возникновения ситуации непонимания. При этом учитывается личностный аспект: «Противопоставленность в исследовательской схеме комического смысла <...> текста конвенционального стереотипа «вагон для некурящих» и субъективного стереотипа «удовольствие курить» имеет не понятийную основу, а поведенческую (реальные поступки героев рассказа), поэтому на уровне противопоставления смыслов (конвенционального «вагон для некурящих» и личностного «удовольствие курить») возникает неразрешимое противоречие вследствие *личностного непонимания* (выделено мной. - Ю. Л.) <...> Соотношение понимания/непонимания и нежелания героя-курильщика является основанием противопоставленности стереотипов» [Утробина 1997: 50]. Таким образом, с точки зрения Т. Г. Утробины, в исследовании комического необходимо обращение к соотношению «понимание/непонимание», а также соотношению «объективный стереотип/ субъективный стереотип», тождественному, на наш взгляд, соотношению

«норма/не-норма». Противопоставленность стереотипов указывает на проблемный характер комического, имеющего в своей основе (по результатам исследований некоторых текстов) соотношение «понимание/непонимание». Для Т. Г. Утробиной поиск выхода из положения сопряжен с понятием проблемной ситуации. Результаты экспериментального анализа, проделанного Т. Г. Утробиной, содержат ценную для нас информацию: не все реципиенты смогли определить, что перед ними юмористический текст. Данный факт свидетельствует о том, что в художественном тексте должна существовать некоторая ситуация, расстановка смыслов, акцентов, «предметов» коммуникативного пространства, «работающая» на реализацию повествователем своего коммуникативного намерения. В ходе исследования Т. Г. Утробина отмечает влияние ситуации непонимания на процесс понимания реципиентом юмористического текста: «45 % респондентов воспроизводят только некоторые части смыслового поля юмористического текста, не соотнося их между собой, вследствие этого происходит непонимание структуры смысла, а негативная эмоция формируется не столько смысловым полем юмористического текста, сколько *ситуацией непонимания* (выделено мной. – Ю. Л.), отсюда и высокая доля агрессивности ответов респондентов» [Утробина 1997: 75]. Рассмотрение феномена непонимания сопряжено также с рассмотрением ситуации несоответствия человека «внутреннего» и человека «внешнего» (Е. Г. Эткинд). В специальных лингвистических исследованиях также имеет место и видение герменевтической ситуации в качестве проблемного феномена. Герменевтическую ситуацию по сути своей мы можем соотнести с ситуацией непонимания. Так, И. В. Соловьева исследует понимание текста читателей, попадающих в герменевтическую ситуацию, то есть ситуацию остановки понимания, когда «имеет место переживание факта непонимания» [Залевская 2001: 52]; непонимание рассматривается как отказ понимать (Н. С. Гамалей, О. Л. Гвоздева); Н. С.

Гамалей отграничивает непонимание от адекватности понимания: «Сколь неадекватно ни понимал бы реципиент текст, это все же будет пониманием <...> Истинное же непонимание представляет собой отказ от понимания: концептуальная система приведена в состояние хаоса, реципиент пытается построить некую удовлетворяющую его систему смыслов и после неудачной попытки <...> отказывается от поиска организующего начала» [Гамалей 2001: 78].

Специальное исследование феномена непонимания в творчестве В. М. Шукшина (Н. Д. Голев, С. М. Козлова, Г. Красников, Л. М. Шелгунова, К. Э. Штайн и др.). Разделение К. Э. Штайн явления «диалог-непонимание» [Штайн 1989: 90] на три вида – аналогично, на наш взгляд, разделению уровней понимания (по Г. И. Богину). Отмечается усиление драматичности ситуации (по нарастающей): **«диалог с наличием внешнего и отсутствием внутреннего речевого контакта»** (1-й уровень понимания, требующий знания норм общения и значения слов «общего» лексикона говорящих в данной коммуникативной ситуации. – Ю. Л.); **«диалог с наличием внутреннего (чаще всего вербального) и отсутствием внешнего речевого контакта»** (2-ой уровень понимания, требующий совпадения опыта (вкусов, взглядов); однако речевая дисгармония настолько велика, что влияет на внутреннюю гармонию коммуникации и разрушает ее; это тот самый случай, когда коммуниканты пользуются «речью-для-себя», но не «речью-для-другого». – Ю. Л.); **«диалог с отсутствием внешнего и внутреннего контактов»** [Штайн 1989: 90-91] (является наиболее драматичным и достигает высшего уровня непонимания; способом создания непонимания на 3-ем уровне является употребление эффекта «зеркального отражения» реплик коммуникантов: «одна и та же номинация <...> имеет для героев различную референцию: «Ну как – ничего? – Чего ничего? – не понял Сашка. – Забыл? – Что забыл? Я вчера на работе был! – Да? И сколько плотют за такую работу? На работе он был» («Обида»)) [Штайн 1989: 91].

Наряду с оптимальным способом, приближенным к способу комплексного изучения феномена непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина (К. Э. Штайн), существуют и фрагментарные, представленные теми работами, чья позиция является для нас неприемлемой. Одни исследователи, при изучении коммуникации персонажей в тексте В. М. Шукшина, заменяют (или, точнее, подменяют) понятие «непонимание» понятием «коммуникативные неудачи» и даже называют шукшинских героев «коммуникативными неудачниками» [Г. Г. Хисамова 2002: 200]. Данная позиция ученого уводит от исследования специфики воспроизведенной в художественном тексте В. М. Шукшина ситуации непонимания и снижает статус самого В. М. Шукшина как художника, чьи произведения становятся лишь объектом изучения с точки зрения наличия/отсутствия неудачного разговора персонажей в тексте. Другие говорят о персонажах-коммуникантах как о нарушителях правил общения, способствующих гармоничному протеканию диалога. Данный факт, возможно, объясняется влиянием и популярностью прагматического аспекта в рассмотрении понимания/непонимания в коммуникации, что характерно для западного сознания. Русскому же сознанию более близко осмысление проблем коммуникации в аспекте понимания/непонимания, захватывающем, помимо прагматики, этику и эстетику речи. Несомненно, изучение прагматических средств передачи и получения информации – важная часть исследования коммуникации, однако для изучения творчества В. М. Шукшина наиболее адекватно ставить во главу угла понятие «понимание/непонимание» в целом.

Обзор литературы показывает, что в настоящее время шукшиноведение не располагает достаточным знанием о В. М. Шукшине как о художнике, чей текст содержит в качестве средства раскрытия художественной информации ситуацию непонимания. Данная проблема не получила сколько-нибудь системного решения. Сам факт того, что шукшиноведы заговорили о наличии в текстах писателя мотива непонимания, делает закономерным

наше обращение к ситуации непонимания как к продуктивному средству выражения художественных смыслов.

Таким образом, актуальность настоящего исследования состоит не столько в системном, комплексном изучении феномена непонимания в текстах В. М. Шукшина (данную цель должен преследовать любой диссертант), сколько в выборе самого понятия: ситуации непонимания как объекта воспроизведения, организующего художественный текст В. М. Шукшина. Многие ученые не столько игнорируют, сколько не актуализируют для себя терминологический вопрос: данный феномен обозначается то как неудачная коммуникация (Г. Г. Хисамова), то как конфликтная ситуация (Н. Д. Голев), то дается в виде синонимичного ряда названий: мотив непонимания, отчуждения (В. П. Никишаева); то как диалог-непонимание (К. Э. Штайн) – видимо, по аналогии с диалогом-спором, диалогом-рассуждением и т. п. Однако из разнообразия вариантов коммуникативных форм именно ситуация непонимания является продуктивным объектом воспроизведения. Эстетическая функция ситуации непонимания в художественном тексте В. М. Шукшина является движущей силой, силой, удерживающей художественные смыслы. Ситуация делает объемным художественное пространство и дает наиболее полное представление о положении дел и о взаимодействии художественных средств, создающих характер общения персонажей.

Актуальность исследования обусловлена также возрастающим интересом к проблеме видов межтекстовых отношений, одним из вариантов решения которой является эвокационная методика анализа текстов.

Таким образом, целостный взгляд на творчество писателя с герменевтических позиций позволяет увидеть новые пласты художественного текста В. М. Шукшина, выявить адекватные этому средства раскрытия художественной информации в коммуникативной системе «повествователь-читатель».

Объектом исследования является коммуникативная ситуация как лингвистическая категория (Н. Д. Арутюнова, Л. О. Бутакова, В. Г. Гак, Г. Гильдебранд, Е. Н. Иванова, И. М. Кобозева, Г. В. Колшанский, Н. М. Краевская, Е. С. Кубрякова, И. Б. Левонтина, Н. К. Рябцева, А. А. Чувакин и др.). Коммуникативная ситуация в настоящем исследовании является лишь моделью, в которой обозначено актуальное для нас количество и определенное название ее составляющих. Заметим, что осуществляемое нами лингвоэвокационное исследование ситуации непонимания вовсе не предполагает четкого разделения структурно выраженных элементов коммуникативной ситуации (ибо, по верному замечанию Г. О. Винокура, в речи нет ничего, чего не может быть в художественном тексте, и наоборот), но оно предполагает разделение преобладающих функций средств выражения информации: прагматической (в бытовой речи) или эстетической (в художественной речи) функции. Для настоящей работы значимыми являются следующие составляющие речевой коммуникации: поведение речевое и неречевое (В. А. Аврорин, Х. Арндт, О. Кафкова, К. Менг, Д. Ф. Морецкий, Р. И. Розина, Е. Ф. Тарасов, А. Д. Швейцер и др.); типичные структуры ситуаций, определяющие соответствующую ситуативную роль; нами принимается, в том числе, понятие фрейма (М. М. Бахтин), в рамках которого функционирует говорящий (ван Дейк Т. А., В. Г. Норикадзе, Т. Панченко, Х. Хеккгаузен, В. А. Штофф и др.); роль сознания человека как коммуницирующей личности при порождении высказывания (В. А. Баранов, Г. И. Берестенев, И. Я. Зимняя, А. А. Леонтьев, М. А. Петровская, В. А. Петровский и др.).

Предмет исследования – воспроизведенная в художественном тексте В. М. Шукшина ситуация непонимания как тип коммуникативной ситуации. Исследование продолжает традиции лингвоэвокационного исследования текста писателя в герменевтическом аспекте (Т. Н. Никонова, С. Н. Пешкова, А. А. Чувакин, К. Э. Штайн и др.). Думается, что для выражения смыслов

художник создает в тексте некую ситуацию – положение дел, которое дается в развитии. Но, вероятно, ситуация в художественном произведении не существует в виде модели, поскольку денотативна. Ситуация непонимания имеет определенные составляющие в своей структуре, придающие ей статус объекта воспроизведения. В настоящей работе таковыми элементами являются постоянные компоненты, конкретные наполнители которых (= переменные компоненты) составляют и формируют ситуацию непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина как продукт воспроизведения. Постоянные компоненты являются факторами воспроизведения, поскольку «фактор лингвопоэтической значимости (= *постоянные компоненты*. – Ю. Л.) средства воспроизведения выражает готовность средства воспроизведения (= *переменные компоненты*. – Ю. Л.) к эстетическому функционированию» [Чувакин 1996: 22]. Таким образом, ситуация непонимания в художественном тексте В. М. Шукшина – это тип коммуникативной ситуации, она имеет свои составляющие и функции.

Предмет лингвоэвокационного исследования рассматривается нами в герменевтическом, функциональном **аспектах**.

Герменевтический аспект (Г. И. Богин, С. А. Васильев, В. К. Нишанов, Л. В. Поляков, П. Рикер и др.) предполагает рассмотрение соотношения понятий «коммуникативная ситуация» (О. С. Ахманова, Л. О. Бутакова, Е. В. Волкова, В. Г. Гак, И. В. Гюббенет, Дейк ван Т. А., Г. В. Колшанский, Н. М. Краевская, И. Б. Левонтина, Е. А. Реферовская, Н. К. Рябцева, Дж. Серль, И. В. Труфанова, Л. П. Якубинский и др.) и «ситуация непонимания» (Н. Д. Арутюнова, Н. С. Гамалей, О. Л. Гвоздева, В. К. Кантор, С. М. Козлова, Соловьева, К. Э. Штайн и др.). В данном случае имеет значение наличие/отсутствие элементов в структуре коммуникативной ситуации, «работающих» на реализацию мотива непонимания в художественном тексте В. М. Шукшина. В случае наличия в коммуникативной структуре названных элементов можно говорить о функционировании в тексте В. М. Шукшина

ситуации непонимания. Таким образом, ситуация непонимания является типом коммуникативной ситуации.

Функциональный аспект предполагает рассмотрение конкретного результата процесса реализации эвокационного потенциала ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина. В данном случае вступает в силу понятие микроситуации, макроситуации и текстовой ситуации в целом (ван Дейк Т. А., В. Н. Дигмай, В. Л. Каракчиева, Г. В. Колшанский, А. А. Чувакин и др.). Поскольку «шукшинский рассказ организует ситуация» [Апухтина 1986: 53], постольку и ситуация *непонимания* функционирует в текстах рассказов В. М. Шукшина в качестве организующего начала. Ситуация непонимания, с позиции нашего исследования, имеет статус макроситуации и, таким образом, является «медиумом», образующим систему взаимодействия микроситуации и текстовой ситуации. На уровне микроситуации изучаются элементы структуры ситуации непонимания (переменные компоненты: сигналы, препятствующие пониманию, и сигналы непонимания), создающие конкретной «наполненностью» и взаимозависимостью определенный тип ситуации непонимания, исследуемый уже на уровне макроситуации. И наконец, на уровне текстовой ситуации рассматривается сам результат процесса реализации эвокационного потенциала ситуации непонимания: функциональная значимость ситуации непонимания на уровне текста и произведения в целом.

Лингвоэвокационное исследование предполагает рассмотрение предмета (в нашем случае – ситуации непонимания) с точки зрения реализации его эвокационного потенциала в художественном тексте В. М. Шукшина (Т. Н. Никонова, С. Н. Пешкова, А. А. Чувакин и др.). Понятие «эвокационный потенциал», с нашей точки зрения, сопряжено с понятием «эстетическая функция». В данном случае имеет значение наличие/отсутствие качества гибкости у предмета эвокационного воспроизведения, заключающейся в способности/неспособности становиться

эстетически значимой единицей художественного текста. В настоящем исследовании реализация эвокационного потенциала выражается в способности элементов структуры ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина – объектов внешнего мира и объектов внутреннего мира – функционировать в качестве постоянных и переменных. Постоянные элементы структуры ситуации непонимания имеют свойство «наполняться» потенциально возможными переменными компонентами (процесс заполнения «эвокационной матрицы»). Переменные компоненты выступают в качестве эстетически значимых.

Цель работы – выявить закономерность и специфику функционирования художественных средств текста В. М. Шукшина (коммуникативных сигналов в герменевтическом аспекте: сигналов непонимания и сигналов, препятствующих пониманию) в качестве факторов, реализующих эвокационный потенциал ситуации непонимания и преобразующих ее из объекта воспроизведения в продукт воспроизведения.

Обозначенная цель предполагает решение следующих **задач**.

1. Выстроить адекватную методику лингвистического анализа воспроизведенной ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина.

2. Осуществить лингвистический анализ текстов рассказов В. М. Шукшина с позиции функционирования в них ситуации непонимания как организующего начала художественного текста.

3. Установить степень значимости эвокационного потенциала воспроизведенной ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина.

Общетеоретической и методологической базой являются: 1) лингвистическая концепция уровней понимания (Г. И. Богин, С. А. Васильев, Н. В. Селиванова, Я. Яноушек и др.); 2) теория речевых актов (В. З. Демьянков, У. В. О. Куайн, Дж. Серль и др.); 3) лингвистический способ

анализа коммуникативной ситуации в аспекте понимания/непонимания (С. Л. Сахно, А. А. Чувакин, К. Э. Штайн); 4) положение о возможности функционирования элементов художественного текста В. М. Шукшина на уровне микро-, макроситуации и на уровне текстовой ситуации в целом (В. Л. Каракчиева).

Для осуществления предметного исследования в работе применен эвокационный метод, предполагающий поэтапное движение от объекта эвокации (ситуации непонимания в бытовой коммуникации) к продукту эвокации (ситуации непонимания в художественной коммуникации) через средства воспроизведения, каковыми в нашей работе являются виды сигналов непонимания и сигналов, препятствующих пониманию (переменные компоненты как наполняющие постоянных компонентов). Ситуация непонимания в бытовой коммуникации воспроизводится в художественном тексте В. М. Шукшина; функционально преобразуется в художественном произведении, тем самым определяя специфику ситуации непонимания в художественном тексте В. М. Шукшина.

Источником исследуемого материала являются тексты рассказов В. М. Шукшина. Поскольку ситуация непонимания, с позиции нашего исследования, имеет функцию организующего начала художественного текста В. М. Шукшина, постольку в работе рассматриваются тексты рассказов в целом. Анализируемые произведения объединяет присутствие в них ситуации непонимания в том или ином ее представлении (с точки зрения исследователя-интерпретатора). В процессе работы исследовано более пятидесяти рассказов, написанных В. М. Шукшиным в разные периоды его деятельности. Из 100 % (= 75 рассказов) рассмотренных нами рассказов (путем сплошной выборки) – 75 % (= 55 рассказов) содержат ситуацию непонимания в той или иной форме. Данный факт свидетельствует о несомненной значимости для писателя проблемы понимания/непонимания. Единицей анализа в работе является текстовой фрагмент (фрагмент

коммуникации персонажей), законченный в смысловом отношении и имеющий в своем составе сигналы непонимания и сигналы, препятствующие пониманию, - элементы коммуникативной ситуации. Каждый текст содержит несколько таких фрагментов, каковых исследовано около 200.

Гипотеза исследования базируется на актуальной оппозиции «повествователь - читатель» относительно художественных текстов вообще (М. М. Бахтин, Л. О. Бутакова, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. Л. Гришунин, Ю. П. Сологуб, К. Г. Косенкова, С. А. Минеева, Л. Н. Мурзин, Н. Л. Мышкина, В. П. Никишаева и др.) и относительно текстов рассказов В. М. Шукшина в частности (В. А. Апухтина, З. В. Валюсинская, Н. А. Волкова, С. М. Козлова, Г. В. Кукуева, Т. Н. Никонова, С. Н. Пешкова и др.) в их сопряженности с теорией эвокации, выдвигающей идею эвокационного потенциала (Т. Н. Никонова, А. А. Чувакин и др.). Диссертационное исследование предположительно видит ситуацию непонимания в качестве реализации повествователем своего коммуникативного намерения в диалоге «повествователь - читатель». Предполагается также, что В. М. Шукшин в функции коммуниканта выглядит подчеркнуто риторично.

Новизна работы состоит в том, что

- в ней впервые представлен опыт рассмотрения воспроизведенной в художественном тексте В. М. Шукшина ситуации непонимания, выстроена адекватная методика ее лингвистического анализа, предполагающая принцип наложения модели «эвокационной матрицы» на художественный текст;

- выявлена закономерность функционирования воспроизведенной ситуации непонимания как организующего начала текстов рассказов В. М. Шукшина, заключающаяся во взаимодействии мотива понимания и мотива непонимания как на уровне предложения, так и на текстовом уровне в целом;

- определено, что степень значимости эвокационного потенциала воспроизведенной ситуации непонимания в текстах рассказов В. М.

Шукшина довольна высока, что выражается в гибкости и динамичности структуры ситуации непонимания.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что представленный в нем опыт рассмотрения важен для разработки теории коммуникации в герменевтическом аспекте. Актуализация лингвопоэтической значимости воспроизведенной ситуации непонимания в художественном тексте позволяет пополнить знания в области системы художественных средств раскрытия мотива непонимания. Обозначенные результаты диссертационного исследования существенны при осмыслении творчества В. М. Шукшина в целом. В работе намечается перспектива исследования художественных текстов других писателей с точки зрения функционирования в них ситуации непонимания на уровне микро-, макроситуации и на уровне текстовой ситуации в целом. В диссертационном исследовании содержится опыт функционально-сопоставительного анализа типов ситуаций непонимания в текстах разных писателей, что дает начало развитию типологико-сопоставительного аспекта: взгляд на ситуацию непонимания как на продуктивный объект воспроизведения, обладающий высоким эвокационным потенциалом.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования результатов исследования при изучении коммуникации персонажей в художественном тексте, в частности, при анализе способов раскрытия и выражения информации. Проведенный анализ ситуации непонимания может быть использован в учебных курсах интерпретации художественного текста, спецкурсах и спецсеминарах по изучению языка художественных произведений. В работе представлен принцип лингвоэвокационного анализа художественного текста, предполагающий реализацию модели «эвокационной матрицы». Данный принцип расширяет эвристические возможности лингвоэвокационной методики.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследуемые тексты рассказов В. М. Шукшина содержат воспроизведенную ситуацию непонимания, выступающую в качестве типа коммуникативной ситуации и представляющую собой структуру взаимодействующих элементов – сигналов, препятствующих пониманию, и сигналов непонимания.

2. Динамичность воспроизведенной ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина выражается в способности ситуации непонимания функционировать на трех уровнях текста: уровне микроситуации, уровне макроситуации и на уровне текстовой ситуации в целом.

3. Воспроизведенная ситуация непонимания обладает высоким эвокационным потенциалом, что подтверждается результатами функционально-сопоставительного анализа текстов как в рамках современной теории гнезда родственных текстов (А. А. Чувакин), так и в рамках классической теории коммуникации «повествователь – читатель» (М. М. Бахтин).

4. Функционально-эстетическая нагрузка воспроизведенной ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина выражается в ее организующем начале.

5. Личностный фактор смыслового уровня понимания (по Г. И. Богину) является основным причинным звеном в коммуникации персонажей. Наличие/отсутствие в ситуации непонимания текстов рассказов В. М. Шукшина такой личностной черты персонажа как «коммуникативная гибкость» влияет на характер и результат коммуникации, а также на возникновение в тексте типов ситуации непонимания (явного непонимания, скрытого непонимания, иллюзорного понимания, мнимого непонимания, намеренно созданного непонимания).

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены автором на Всероссийской сессии научно-методической конференции «Риторика диалога» (Пермь, 2001), на Второй Международной научной конференции «Предложение и слово» (Саратов, 2002), на Международной научной конференции «Язык. Время. Личность» (Омск, 2002), на Всероссийской научной конференции «Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте» (Барнаул, 2003), а также на аспирантском семинаре кафедры русского языка, стилистики и риторики Алтайского государственного университета (Барнаул, 2002). Основные положения и результаты исследования отражены в 6 публикациях общим объемом 1,5 п. л.

ГЛАВА 1

СИТУАЦИЯ НЕПОНИМАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ

Цель главы первой – представить теоретическую базу для исследования и принципы анализа ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина, вследствие чего поставлены следующие задачи:

а) определить эффективность амбивалентного подхода изучения проблемы понимания/непонимания;

б) определить теоретический контекст осмысления *понимания/непонимания* и *коммуникативной ситуации* как основных понятий, формирующих предмет исследования – ситуацию непонимания;

в) назвать составляющие структуры ситуации непонимания (объекты внутреннего мира, объекты внешнего мира, характер и результат их взаимодействия) и определить принцип заполнения «эвокационной матрицы» в качестве способа построения структуры ситуации непонимания.

1. 1. Сущность ситуации непонимания и факторы ее создания

В первом разделе первой главы предполагается рассмотреть «понимание/непонимание» в качестве понятия, формирующего содержательную сторону структуры ситуации непонимания.

1.1.1 Понимание/непонимание: амбивалентный характер явления

Конец двадцатого – начало двадцать первого веков актуализирует проблему речевой коммуникации. Парадокс одновременного существования мировой связи в Интернете и жесточайшего чувства одиночества каждого отражает проблему коммуникации современного мира. Проблемы эпохи становятся видны в результате знакомства с трудами великих философов и писателей. В ряду таких личностей (А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, М. А. Булгаков, М. А. Шолохов, В. С. Высоцкий, А. И. Солженицын) был и В. М. Шукшин. По утверждению Т. Пономаревой, С. А. Герасимов (современник В. М. Шукшина) произнес однажды: «Мы сами не понимаем, что живем в эпоху Шукшина» [Пономарева 2001: 120]. Текст (философский или художественный) как концентрация какой-либо идеи, проблемы, мысли - становится координирующим сознание граждан в определенный период их жизнедеятельности.

Думается, отправной точкой в исследовании В. М. Шукшиным окружающей его действительности является жизнь человека как личности коммуницирующей. Иными словами, писатель познает художественным методом то, что научным методом исследуют ученые: непонимание - патология ли это, или средство понимания мира? Думается, В. М. Шукшин видит диалектическое решение вопроса. Осознав, что тебя не понимают, ты вдвойне силен в понимании мира и себя самого: «понимание своей выделенности из прочего <...> и само-определенность оборачиваются выяснением отношений не только с окружающим миром, но и с самим собой» [Каганов 2001: 202]. В творчестве В. М. Шукшина так и происходит: гармония мира и познающего его человека достигается посредством осуществления патологических отношений в коммуникации – посредством непонимания. Патология в тексте В. М. Шукшина – свидетельство живого общения между персонажами.

Для решения стоящих перед нами задач необходимо определить контекст, в котором находится наше представление о понятии «понимание».

Анализ известных нам обзоров [Залевская 2001; Нишанов 1990] позволил определить собственную позицию относительно понятия «понимание». Для настоящего исследования актуальна точка зрения М. М. Бахтина: он видит понимание как «превращение чужого в «свое-чужое» [Бахтин 1979: 371]. А это, действительно, не что иное, как «возделывание «общего поля говоримого» [Гадамер 1991: 48]. Именно коммуникативная гибкость говорящего – в равной мере как и слушающего – позволяет максимально сблизить позиции «чужое» и «свое-чужое». А. Ф. Лазурский называет дар слова одним из проявлений душевных процессов личности. В основе данного проявления лежит «обилие словесных образов и способность к быстрому и свободному их ассоциированию» [Лазурский 1995: 74]. Следует назвать это коммуникативной гибкостью.

Коммуникативная гибкость (с позиции нашего исследования) – это способность говорящего / слушающего с высокой степенью оперативности соотносить высказывание своего собеседника с абсолютно разными возможными ситуациями. Иначе говоря, гибкость коммуниканта проявляется в способности проектировать высказывание на несколько ситуаций. В данном случае имеет значение корреляция: номинативная ситуация / производные ситуации, поскольку причиной непонимания часто служит факт разрешения проблемы наложений ситуаций в пользу типизированной (номинативной) ситуации. По нашему предположению, в текстах рассказов В. М. Шукшина «ненормативность» сказывается в наличии такого качества персонажа-коммуниканта как «стремление к нарушению норм» речевой и неречевой коммуникации, в том числе нарушению норм риторических [см. Сковородников 2002].

Наиболее близкими теориями для нашего исследования являются герменевтика и теория речевых актов, поскольку именно в них чаще всего упоминается феномен непонимания. Различие состоит лишь в том, что герменевтика рассматривает онтологию проблемы, теория речевых актов – ее

гносеологию. Вследствие названного факта различаются методы и понятийный аппарат, с помощью которых идет постижение процесса понимания.

Основываясь на теоретических разработках лингвистов, настоящее исследование определяет «понимание» следующим образом.

Понимание / непонимание – это бинарная категория, отражающая динамику сближения / отдаления позиций «чужое» / «свое-чужое» в системе взаимодействия субъектов коммуникации (говорящий / слушающий как коммуницирующие личности, межтекст (высказывание) и метатекст (обстоятельства)), называемой коммуникативной ситуацией. Параметрами динамики обретения единства названных позиций являются уровни понимания: семантизированный, когнитивный и смысловой (по Г. И. Богину).

Следует также отметить, что решающим в осмыслении понятия «понимание» является определенность параметров формирования значения. Данные параметры отвечают за то, «каким образом люди усваивают значение и оперируют им» [Залевская 2001: 47]. Для нас таковыми параметрами будут: языковой опыт коммуниканта (речевое поведение) и надъязыковой опыт коммуниканта (взаимодействие с объектами внешнего мира).

В настоящей работе в рассмотрении проблемы понимания преобладает склонность к позициям отечественных филологов, поскольку, на наш взгляд, понимание - прежде всего проблема языковая в широком смысле слова и потому национальна, несмотря на интернациональность направленности самого процесса коммуникации, тесно связанного с процессом понимания. Чтобы приблизиться к сути процесса понимания, необходимо сузить рамки рассмотрения данного вопроса до рамок русской ментальности. Понимание как многоаспектная проблема в своем рассмотрении провоцирует обращение

к актуальному минимуму имени трудов ученых, работавших и работающих над данным вопросом.

Ввиду широкой разработки проблемы понимания, называемой традиционно проблемой понимания текста, мы вынуждены оговориться, что, определяя понятие *текст*, мы примыкаем к позиции ученых, полагающих, что текст - это «дискурс, помещенный в ситуацию общения» [Карасик 2000: 5]. Текст (в контексте нашего исследования) – это вербально и невербально выраженная информация, принадлежащая говорящему субъекту как личности, находящейся в определенной коммуникативной ситуации и имеющей интенции по отношению к слушающему.

Как становится видно, для нас актуально смотреть на понимание как на явление амбивалентное, в силу чего проблема получает несколько иную номинацию: понимание / непонимание. Существует множество точек зрения, подтверждающих несомненную эффективность амбивалентного подхода. Вот лишь некоторые из них: «Упорядоченная структура не может существовать без неупорядоченности, порядок без хаоса» [Бранский 2000: 113]; « <...> в ситуациях, когда приходится сталкиваться со случаями либо неправильного понимания, либо вообще с невозможностью понять нечто, мы вынуждены задумываться <...> над самим процессом понимания и над причинами, препятствующими его успешному протеканию» [Нишанов 1990: 32]; « <...> понимание и непонимание - одно и то же. Каждый шаг на пути истины заставляет их меняться местами. Несчастье в том, человек не в силах остановиться» [Вязанцев 1997: 3]; « <...> как только возникает понимание, возникает и непонимание» [Ажар 2000: 24]; « <...> когда люди осуществляют такие шаги, как «предположение», «подтверждение», они думают, что понимают явление. И только тогда, когда они совершают шаги «поиск», «критика», «постановка под сомнение», они чувствуют, что они не понимают» (Н. Мияке. – цит. по [Нишанов 1990:139]); «всякое понимание есть <...> примирение тех сторон, которые остаются разлученными вне этого

понимания» (Г. Гегель. – цит. по [Нишанов 1990: 5]); «понимание никак не отделено от непонимания <...> понимание возможно лишь благодаря непониманию» [Баткин 1986: 11]. Таким образом, эффективность амбивалентного подхода в рассмотрении проблемы понимания становится очевидной. Примечательно, что А. А. Залевская называет аварийные ситуации (ситуации непонимания как проблемные) полезными: «когда мы пытаемся понять то, что не вписывается в имеющиеся рамки (*рамки нашего опыта*. – Ю. Л.), <...> это заставляет нас остановиться» [Залевская 2001: 4].

Эффективность рассмотрения проблемы понимания возможна при обращении к феномену непонимания как «подводному камню» данной проблемы, оборотной ее стороне. Непонимание в коммуникации изучено, но все же не столь достаточно, чтобы можно было обратиться к какой-либо системе точек зрения (или к разработанной теории). Поскольку задачей настоящего исследования является не только и не столько гносеологическое, но и онтологическое исследование феномена непонимания в творчестве В. М. Шукшина, – для нас актуальными будут те точки зрения на проблему понимания/непонимания, которые могут быть применимы в той или иной степени к исследованию нашего предмета, каковым является ситуация непонимания. Возможно говорить о ситуации непонимания как о некоем смыслообразующем элементе текстов рассказов В. М. Шукшина. Основанием данной гипотезы служит факт регулярности и обязательности появления феномена непонимания в рассказах писателя. Как было отмечено выше, проблема понимания / непонимания связана с проблемой коммуникации, причем коммуникации с точки зрения ее эффективности. Данное положение в настоящее время, думается, не вызывает особых возражений и содержит потенции раскрытия сути обоих процессов: и понимания, и коммуникации.

1. 1. 2. Личностный фактор коммуникации как фактор наивысшего - смыслового - уровня понимания

Процесс понимания предполагает уровни понимания – «этапы присвоения чужого смысла» [Васильев 1988: 197]. Известные нам обзоры, касающиеся проблемы классификации уровней понимания [Гусев 1985], позволили определить позицию настоящего исследования: для нас актуальна концепция Г. И. Богина. Последний выделяет три уровня понимания: семантизированный, когнитивный и смысловой.

Семантизированный – его суть: «декодирование единиц текста, выступающих в знаковой функции» [Богин 1982: 53].

Когнитивный – «освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание» [Богин 1982: 59]. Понимание на втором уровне достигается за счет личного опыта коммуниканта, ситуации, объясняющей причину непонимания.

Смысловой - на этом уровне идет «распредмечивание идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных все же именно в средствах текста. Последние выступают <...> не как знаковые образования, а как ассоциаты другого рода» [Богин 1982: 53].

Представляется возможным говорить о личностном пласте как о глубинном факторе смыслового уровня понимания. Данный уровень тем более актуален, что теория речевых актов рассматривает коммуникацию не иначе как личностные отношения. Говоря о личностном пласте смыслового уровня понимания, мы имеем в виду проявление значимых особенностей человеческого характера, формирующих его как уникального субъекта коммуникации. Одно из доминирующих определений понятия «диалог» свидетельствует о личностном характере коммуникации: «диалог – форма

речи, сущность которой характеризуется <...> обусловленностью высказываний контекстом, ситуацией, *личностными свойствами* (выделено мной. – Ю. Л.) участников диалога» [Шелгунова 2001: 123].

Личностный фактор смыслового уровня понимания основан на специфических чертах характера коммуниканта в его обращенности к объектам внешнего мира. К таковым чертам (объектам внутреннего мира) относим черты экзистенциального плана, как-то: абсурдность образа жизни; свобода, заключающаяся в несвободе выбора (роль-клеймо, приписываемая окружающими) и прочее.

Я. Яноушек в своей классификации уровней коммуникации называет третий уровень как уровень, на котором коммуникантам «наиболее существенно <...> понять установки и взгляды друг друга» [Яноушек 1981:169]. По сути, речь идет о принятии/непринятии собеседника как личности, о доминировании личностных характеристик человека при понимании в коммуникации.

Вслед за А. А. Залевской, мы отмечаем в герменевтическом подходе также личностный аспект рассмотрения в коммуникативной ситуации: называются три вида понимания Другого (по Г. - Г. Гадамеру): «объяснение поведения Другого через знание природы человека (это не является межличностным пониманием в строгом смысле термина, поскольку Другой рассматривается как объект); через знание особенностей *именно этого человека* (выделено мной. – Ю. Л.) (через его уникальность), в таком случае отношение с Другим не воспринимается как взаимное; третий вид понимания Другого является взаимным, это диалог, в ходе которого имеет место изменение обоих участников» [Залевская 2001: 46].

Личностный фактор, предлагаемый в нашей работе в качестве фактора, влияющего на исход коммуникации, – имеет несколько аналогов: картина мира (психолингвистический аспект), индивидуальный смысловой контекст (философский аспект), языковой и надязыковой опыт субъекта

коммуникации (теория речевых актов), предпонимание (герменевтический аспект), личностный потенциал (психологический аспект: проблема понимания / непонимания в данном случае отражает проблему реализации себя как коммуницирующей личности в обществе).

Поскольку «личностный опыт в ядре своем коммуникативен» [Сухих 1988: 23], то в коммуникативной структуре личности говорящего можно выделить «барьер характера» среди прочих «отрицательных барьеров восприятия» [Сухих 1988: 24]. При этом личность понимается как «совокупность всех <...> свойств <...> темперамента, социальной направленности, <...> интеллекта, особенности памяти, мышления» [Сухих 1988: 21].

В. Г. Норакидзе установил в связи с доминирующим личностным началом типы коммуницирующих личностей: гармоническую личность с пластично-динамической установкой, конфликтующую личность с сугубо-статической установкой и импульсивную личность [Норакидзе 1966: 38].

Гармоничный тип личности отличает волевое поведение в коммуникации, стремление к поддержанию темы разговора, следование правилам вежливости в общении, соблюдение социальных норм коммуникативного поведения, отсутствие выраженной борьбы за роль ведущего в разговоре.

Конфликтный тип личности характеризует доминирование в ведении разговора, нарушение логики беседы, отступление от социальных норм.

Импульсивный тип личности своего рода «раб ситуации», его отличает быстрая смена точек зрения, склонность к отрицательному оцениванию социальных норм-стереотипов, на данный тип личности легко воздействовать.

Таким образом, личностный фактор влияет на ход и результат коммуникации (понимание / непонимание).

При подходе к рассмотрению структуры ситуации непонимания, способу ее формирования и составу компонентов, – необходимо изучить понятия-основы: «понимание» и «коммуникативная ситуация». Первая операция и была проведена в **1. 1. 1.** При общем обзоре расстановки точек зрения мы дали свое определение пониманию. Рассмотрение же понятия «коммуникативная ситуация» предполагается в **1. 1. 3.**

1. 1. 3.

Ситуация непонимания

как тип коммуникативной ситуации

Многоаспектное изучение коммуникативной ситуации позволяет рассмотреть ее и в аспекте понимания / непонимания. Закономерно поэтому обращение к ситуации непонимания как к типу коммуникативной ситуации. Широкий спектр определений понятия «коммуникативная ситуация» – как в отечественной, так и в зарубежной современной лингвистике (Т. Г. Винокур, ван Дейк Т. А, Г. Г. Кларк, И. Б. Левонтина и др.) – заставляет ограничиться актуальными для нас признаками. Наша позиция зиждется на убеждении о динамической сущности коммуникативной ситуации.

Термин «ситуация», получивший широкое распространение в отечественной лингвистике в 80-е годы 20-го века, остается спорным в своих определениях. Сложность кроется уже в самой основе понятия: *situatio* (от *позднелат.*) – положение. Какие элементы составят некоторое «положение», какие из них будут более актуальными – вот те точки, от которых ведутся линии различий. Разделение на позиции «коммуникативная ситуация – статична» и «коммуникативная ситуация – динамична» – также идет из этимологического корня: положение ли это, данное раз и навсегда (и тогда оно может меняться («ситуация изменилась»), но не развиваться); или это

положение, формирующееся определенными составляющими структуры (и тогда оно может развиваться («ситуация развивалась в его пользу»)).

Коммуникативная ситуация как понятие рассматривается, в основном, лингвистикой, социолингвистикой, психолингвистикой и стоящей особняком, но весьма актуальной для нас теорией речевых актов.

Лингвистическая концепция (Г. В. Колшанский, Н. М. Краевская, И. Б. Левонтина, Л. П. Якубинский и др.) рассматривает наибольшее количество вариантов названия ситуаций (что зависит от целей и задач исследования): языковая ситуация / знаковая ситуация, ситуация речевого акта / ситуация высказывания, коммуникативная ситуация / некоммуникативная ситуация. Однако общепризнанно, что ситуация является одним из важных экстралингвистических факторов коммуникации. Лингвистика называет следующие параметры коммуникативной ситуации: прошлый речевой опыт коммуникантов, общность интересов, предшествующий разговор, знание говорящих о предмете речи, письменная / устная форма общения, число говорящих.

Социолингвистическая концепция ставит своей задачей исследовать факторы влияния на речь метатекста – социальных характеристик говорящих, а также исследование ролевой структуры общения (В. А. Аврорин, Х. Арндт, О. Кафкова, К. Менг, Д. Ф. Морецкий, Р. И. Розина, Е. Ф. Тарасов, А. Д. Швейцер и др.). В этом случае говорят о классах ситуаций, которые вырабатывают традиционные способы организации речи – речевые жанры (= нормы построения текстов). В связи с этим понятно определение коммуникативной ситуации с позиций социолингвистики: коммуникативная ситуация – это речевая ситуация, в которой основную роль играет речевое поведение, трактуемое как процесс выбора варианта для построения социально корректного высказывания [Никольский 1976: 121].

Психолингвистическая концепция (В. А. Баранов, Г. И. Берестенев, И. Я. Зимняя, А. А. Леонтьев, М. А. Петровская, В. А. Петровский и др.)

определяет коммуникативную ситуацию как «совокупность таких факторов предречевой ориентировки, которые являются константными в различных конкретных условиях ориентировки и изменение которых влияет на изменение программы или операционной структуры речевого действия» [Леонтьев 1973: 58-60]. Психолингвистика называет основными параметрами коммуникативной ситуации апперцепционные возможности собеседников, фон для прогнозирования вариантов действий, совокупность факторов предречевой ситуации, отраженность ситуации в сознании говорящих.

Обращаясь к анализу позиции *теории речевых актов*, мы рассматриваем труды современных отечественных ученых. Направленность анализа будет носить «герменевтический» характер, то есть акцент будет ставиться на взаимозависимости процесса понимания и коммуникативной ситуации.

Отечественная «теория речевых актов» (А. В. Дорошенко, И. М. Кобозева, Н. К. Рябцева и др.) говорит о зависимости исхода коммуникации (понимание/непонимание) от расстановки компонентов коммуникативной ситуации: «Осуществляемая коммуникантом интерпретация предстает как многоаспектный процесс, регулируемый общими прагматическими и коммуникативными целями, иерархиями ценностей, <...> социально-ролевыми и индивидуально-психологическими характеристиками участников коммуникации» [Кобозева 1994: 64]. Результатом коммуникации как процесса понимания И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер называют «когнитивным представлением» [там же: 64]. Исследователи обозначают следующие составляющие коммуникативной ситуации: автор, интерпретатор и аудитория. При этом «каждый из них строит свое когнитивное представление для каждого речевого акта <...> представление, соответствующее коммуникативному намерению Автора <...> представление, возникающее в сознании Интерпретатора <...> представление, возникающее в сознании Аудитории» [Кобозева 1994: 65].

И. Б. Левонтина [Левонтина 1994: 71–75] называет три типа коммуникативной ситуации: разговор, беседа и диалог. При этом основанием для разделения служит семантика, включенность самих слов (разговор, беседа, диалог) в синтагматический ряд, а также функционально-целевой и жанровый аспекты.

Н. К. Рябцева определяет коммуникативную ситуацию, ставя во главу угла понятие «иллокутивная сила», которое организует коммуникацию в целом: «иллокутивная сила – интегральная характеристика высказывания: она связывает прагматическую (внешнюю) ситуацию и собственно коммуникацию, говорящего и адресата, прагматический (предметный) и коммуникативный смысл их высказывания» [Рябцева 1994: 82].

Коммуникативный модус отражает целевые установки коммуниканта, его коммуникативные намерения. Примеры Н. К. Рябцевой: – *Дверь открыта* (сообщение); – *Не откроешь ли дверь?* (просьба); – *Дверь-то открыта* (удивление) [Рябцева 1994: 83]. Н. К. Рябцева разделяет сообщение и речевое действие, что говорит о наличии корреляции «статика / динамика» в коммуникативном процессе. «<...> В отличие от сообщения, – пишет Н. К. Рябцева, – речевое действие <...> не описывает прагматическую ситуацию, а актуализирует ее, превращая в объект изменения» (*динамический аспект*. – Ю. Л.) [Рябцева 1994: 84]. Разделяются также коммуникативная ситуация и прагматическая ситуация. При этом прагматическая ситуация имеет статус своеобразного «усилителя» коммуникативных действий говорящих. Непосредственно речевое действие актуализирует прагматическую ситуацию. Динамика коммуникативной ситуации выражена в том, что «реакция адресата <...> обязательно должна последовать» [Рябцева 1994: 85]. Таким образом, главная роль в коммуникативном процессе отводится речевым действиям, которые «преобразуют интенцию говорящего в побуждение адресата участвовать в изменении ситуации и накладывают на говорящего ответственность за происходящее» [Рябцева 1994: 86]. Характер

речевых действий выражается в умении использовать коммуникативный модус – языковые средства формирования информации. Таким образом, в позиции Н. К. Рябцевой видна ясная мысль о динамике коммуникативной ситуации.

Ряд исследователей (Н. Д. Арутюнова, М. А. Дмитриевская и др.) считает актуальным рассмотрение внутри коммуникативной ситуации некоторых компонентов, влияющих на исход коммуникации. По их мнению, следует выделить компонент «молчание» в качестве нулевого речевого акта [Арутюнова 1994]. К этому добавим, что молчание, в случае его использования говорящим в ситуации непонимания, – может способствовать возникновению мнимого понимания или же намеренного умолчания своего непонимания.

А. В. Дорошенко, говоря о коммуникативной ситуации, ставит во главу угла способность коммуниканта ориентироваться в коммуникативном пространстве. «Выбор языкового средства, – пишет он, – нельзя считать полностью произвольным, так как он зависит от ряда коммуникативных и семантических условий. На выбор влияют свойства самого интерпретируемого речевого акта <...> и прагматические факторы <...> ситуации» [Дорошенко 1989: 79].

И. В. Труфанова [Труфанова 2001: 56-65], подходя в своей работе к пониманию коммуникативной ситуации, определяется вначале с понятиями, формирующими таковую. Речевой акт она называет термином, важным для обозначения высказывания как процесса [с. 56], в то время как речевой жанр – это «термин, обозначающий тип текста и высказывания как продукта» [с. 56]. Выражая свое несогласие с некоторыми моментами, отметим, что речевой жанр – это высказывание-*действие*, при этом меняющее свою сущность в зависимости от коммуникативной ситуации. Речевой жанр не может быть текстом или высказываем *только*, речевой жанр – это синоним фрейма, это условие создания определенного типа высказывания-действия.

Высказывание имеет динамическую сущность, поскольку оно находится в постоянном движении интерпретационного процесса. Тактика, с точки зрения И. В. Труфановой, – это вид стратегии. Таким образом, коммуникативная ситуация «находится в рамках более широкого социального контекста, включающего сферу социально-политической деятельности и тему деятельности общения, тип отношений говорящего и слушающего <...> на фоне которых производится речевое действие» [Труфанова 2001: 59].

Количество и конкретная номинация элементов коммуникативной ситуации достаточно устоялись [Краевская 1981: 130]. В основе разделения взглядов на коммуникативную ситуацию, как мы видим, лежит акцент на каком-либо ее составляющем.

Ситуация непонимания как тип коммуникативной ситуации рассматривается нами с использованием категорий, которыми оперируют – *социолингвистика* (В. А. Аврунин, Е. Ф. Тарасов, А. Д. Швейцер и др.): поведение речевое и неречевое; *теория ситуационных ролей* (ван Дейк Т. А., В. Г. Норикадзе, Т. Панченко, Х. Хеккгаузен, В. А. Штофф и др.): типичные структуры ситуаций, определяющие соответствующую ситуационную роль (нами принимается в том числе понятие фрейма как речевого жанра (см. М. М. Бахтина), в рамках которого функционирует говорящий); *психолингвистика*: роль сознания человека как коммуницирующей личности при порождении высказывания (В. А. Баранов, Г. И. Берестенев, И. Я. Зимняя, А. А. Леонтьев, М. А. Петровская, В. А. Петровский и др.).

Мы придерживаемся позиции, утверждающей динамичность коммуникативной ситуации и предлагаем свое видение процесса коммуникации. Динамика ситуации непонимания обусловлена «принципом проблемы».

Говорящий – 1 и Говорящий – 2 как два бриллианта: на первом этапе коммуникации на определенном уровне говорящие соприкасаются друг с

другом, каждый – какой-то гранью своего внутреннего мира. При этом не обязательно происходит понимание на глубоком уровне: коммуникация может быть сведена к внешнему результату: речевые нормативные фразы, обусловленные коммуникативной ситуацией (в том числе, правилами хорошего тона). В данном случае возможно также мнимое понимание или скрытое непонимание.

Если же собеседники хотят добиться в общении друг с другом глубинной коммуникации, им следует перейти на другой виток общения - второй уровень, предполагающий соприкосновение вторыми, доселе неизвестными гранями, которыми обладает каждый из коммуникантов. Для самого начала перехода во второй период коммуникации – требуется некий кризис в существующих на данный момент отношениях. Однако для осуществления соприкосновения граней внутреннего мира говорящих – необходимо обоюдное стремление и согласие не только к контакту второго периода коммуникации, но и паритетные отношения. Оба собеседника должны чувствовать (или осознавать) ситуацию, ее стремление изменить собеседников, почувствовать ситуацию изменения самих себя. Без обоюдного стремления изменить себя, вследствие возникшего кризиса коммуникативных отношений, невозможно соприкосновение вторыми гранями. Если же соприкосновение произошло по желанию лишь одного из коммуникантов, – возможна негативная реакция, вызванная вторжением на территорию, которую второй говорящий не желает открывать, при этом не желая и менять кризисную коммуникативную ситуацию, пусть даже и осознанную им. По сути, Говорящий – 1 насильно втягивает Говорящего – 2 во второй период протекания коммуникации. В данном случае возможен целый спектр реакций: смена темы, вставание в позу, уход в себя, прямые оскорбления и пр. В предлагаемом случае коммуникация может остаться на уровне мнимого понимания со стороны одного из собеседников. Частичный переход во второй период произошел, но не произошло понимания.

В случае же осуществления соприкосновения граней при обоюдном стремлении коммуникантов изменить ситуацию и себя – коммуникация может иметь оптимистичную перспективу. При дальнейшем постоянном стремлении изменять все новые кризисные ситуации - коммуниканты, переходя от одной грани к другой, начнут «притираться друг к другу». И, в конце концов, максимально приблизятся к наивысшему уровню понимания. И тогда коммуниканты – это уже не бриллианты с гранями, а шаровидные образования с максимально стертymi углами, образующимися между гранями внутреннего мира каждого из говорящих.

Возможен ли случай абсолютно круглых, шаровидных образований – спорно, так как это – идеал, к которому должны стремиться коммуниканты.

Итак, непонимание обязательно присутствует: а) как начально / срединный элемент коммуникации (и тогда это продуктивный процесс и средство достижения понимания); б) как конечный элемент (и тогда это – непродуктивное образование и представляет собой результат коммуникации).

Таким образом, структура ситуации непонимания необходимо включает понимание в качестве промежуточного результата коммуникации.

Поскольку для нас важна динамика отношений элементов структуры коммуникативной ситуации, – совершенно верным будет тезис Н. М. Краевской: «при подходе к ситуации <...> важны <...> характеристика участников коммуникации, их взаимоотношения» [Краевская 1981: 122].

И здесь важно определить, каковы же эти участники. Мы назовем их объекты внутреннего мира (ОВнутрМ), объекты внешнего мира (ОВнешМ). Обоснование данных понятий последует ниже.

Одна из задач исследования – показать, *что* делает коммуникативную ситуацию ситуацией непонимания.

В процессе реализации схемы коммуникативной ситуации образуется парадигма, представляющая собой совокупность типов коммуникативной

ситуации. Возможность обрести форму (а вместе с ней и содержание), определяющую тип в парадигме, – задается промежуточным слоем - слоем реализации схемы коммуникативной ситуации.

Данный слой представляет собой систему взаимоотношений объектов коммуникативного пространства. Составляющими элементами вышеназванного слоя являются *конституенты* [термин: Ломтев 1976: 219] - или постоянные компоненты коммуникативного пространства. *Переменные* же *компоненты* являются по своей функции наполняющими объем конституентов.

Таким образом, на основе конкретного наполнения постоянных компонентов переменными осуществляется процесс реализации – разведения коммуникативной ситуации на разные типы с определенным набором включенных в них средств. Конкретная наполненность конституентов схемы коммуникативной ситуации определяет тип коммуникативной ситуации в парадигме и, следовательно, определяет структуру ситуации непонимания как одного из типов коммуникативной ситуации. Закономерность введения при исследовании коммуникативной ситуации таких понятий, как *постоянные* и *переменные компоненты* – основана на позиции, более четко высказанной М. Н. Краевской: «Многообразные коммуникативные акты различаются не своим строением <...>, а качественными характеристиками (= *переменными компонентами*. - Ю. Л.) компонентов (= *постоянных компонентов* - Ю. Л.), лежащих в основе <...> структуры» [Краевская 1981: 126].

Итак, конституентами коммуникативной ситуации являются:

I объекты внутреннего мира персонажа; объекты внешнего мира персонажа;

II характер взаимодействия объектов внутреннего мира персонажа и объектов внешнего мира;

III результат взаимодействия объектов внутреннего мира персонажа и объектов внешнего мира.

Мы ни в коей мере не отделяем речевую ситуацию от предметной, называя ее элементы – объекты внутреннего мира, объекты внешнего мира, характер и результат их взаимодействия, – поскольку важным фактором в протекании коммуникации является интенциональность. В результате определенности в своих интенциях – коммуникант осуществляет самый речевой акт: произнесение высказывания. Без интенций говорящего (ОВнутрМ) по отношению к слушающему (ОВнешМ) невозможна сама коммуникация. В связи с этим, важно замечание о динамике высказывания, реакция на которое определит характер и результат взаимодействия объектов внутреннего мира и объектов внешнего мира.

Если коммуникативная ситуация – это совокупность действий, соотнесенных с определенным положением дел (я делаю нечто (действие) в определенном месте, в определенное время и при определенных обстоятельствах (положение дел)), – то ситуация непонимания – такое соотношение действий и положения дел, которое провоцирует возникновение неадекватного декодирования информации (к примеру, вульгарные выражения в устах человека (действие), которого вы до сих пор считали культурным (положение дел)).

Поскольку ситуация непонимания является типом коммуникативной ситуации, попытаемся определить: что делает коммуникативную ситуацию ситуацией непонимания. Большинство определений понятия «коммуникативная ситуация», приводимых в работах лингвистов, так или иначе сводится к трем основным положениям (компонентам): субъекты коммуникации (говорящий и слушающий); характер протекания коммуникации; ее результат.

Обобщим (или расширим) понятия «говорящий» и «слушающий» до ОВнутрМ и ОВнешМ, и тогда наше видение структуры коммуникативной

ситуации будет аналогичным традиционному. Разница (и удобство) в том, что, оперируя объектами внутреннего мира и объектами внешнего мира как компонентами коммуникативной ситуации, мы увеличим шанс выйти на уровень формирования структуры ситуации непонимания. Однако без характера и результата отношений объектов внешнего мира и объектов внешнего мира невозможно окончательное построение структуры ситуации непонимания.

Характер данных взаимоотношений зависит от качеств и умений субъектов вести диалог, причем предмет коммуникации является причинным фактором возникновения непонимания лишь при определенных условиях: в данном случае имеет значение и знания коммуникантов, и предзнание, и социальные характеристики, и ментальность. Однако главным фактором, влияющим на протекание диалога, является коммуникативная гибкость говорящего и слушающего. И в данном случае следует согласиться с определением Г. Бейкера [Нишанов 1990: 36], что понимание – это способность, и ничего более. В ситуации возникновения непонимания коммуникативная гибкость более ярко проявляет черты коммуницирующей личности.

Из целого спектра многочисленных теорий, разрабатывающих понятие «коммуникативная ситуация», – мы выбрали за основу наиболее приемлемую для нашего исследования позицию – позицию теории речевых актов.

Теория речевых актов (ТРА) - один из вариантов теории речевой деятельности. Сторонники данной теории (Д. Вандервекен, У. В. О. Куайн, Ж. Серль, Д. Фоллесдаль и др.) утверждают, что объектом исследования является акт речи, состоящий в произнесении говорящим предложения в ситуации общения (в ситуации коммуникативной). Причем, коммуникация рассматривается как *личностные* отношения. ТРА предлагает свою модель коммуникативной ситуации: говорящий, слушающий, высказывание,

обстоятельства, а также цель и результат речевого акта. В соответствии с этим, в зависимости от эффективности реализации своей цели (= коммуникативного намерения) получается соответствующий результат.

Предварительно наметим основные элементы структуры ситуации непонимания: объекты внутреннего мира персонажа, объекты внешнего мира (= обстоятельства); характер их взаимодействия (= высказывание как реализация цели в зависимости от содержания объектов); результат коммуникации в зависимости от характера взаимодействия объектов внешнего и внутреннего мира (= в зависимости от удачной/неудачной реализации цели - результат). Таким образом, объекты внешнего и внутреннего мира представляют обстоятельства и, следовательно, положение дел. Объекты внешнего мира в то же время функционируют как понимаемые кем-то в коммуникативном процессе, поскольку «понимание может быть направлено не только на языковые образования, но и на предметы объективного мира» (П. Зифф. цит. по: [Нишанов 1990: 39]). При дальнейшем же соотношении положения дел с действиями – вступает в силу возможность описания характера данных отношений. Таким образом, высказывание как действие, совокупность обстоятельств – как положение дел. Зарождение динамического характера процесса коммуникации возникает при условии, когда высказывание становится высказыванием-действием, провоцируя тем самым вступление в диалог доселе статичных сторон ситуации (внешний и внутренний мир). Именно направленность на адресата делает высказывание динамичным элементом коммуникации.

Следует отметить, что мы разделяем понятия «ситуация» и «коммуникативная ситуация». Основанием для дифференциации служит не видо-родовой признак, а динамико-статичный. Действительно, в отличие от любой другой ситуации коммуникативная ситуация – динамична. Одним из доказательств может служить факт наличия разного рода результатов коммуникативного процесса, одним из которых может быть непонимание

между собеседниками. Собственно диалог – «живая жизнь» – и является основой процессуальности коммуникации.

Качественно иначе обстоит дело в области художественной коммуникации. Поскольку художественный текст – это концентрация смысла, высказывание в нем является принадлежностью не только говорящего, но и собеседников говорящего, и других объектов коммуникативного пространства. Вследствие данного факта высказывание как элемент структуры коммуникативной ситуации в художественном тексте получает статус принадлежности и объектам внутреннего мира персонажа, и объектам внешнего мира как такового. Высказывание персонажа в художественном тексте В. М. Шукшина – это широкий спектр действий: от речевого акта до акта самоубийства.

Объекты внутреннего мира персонажа представляют собой факторы формирования структуры ситуации непонимания, поскольку провоцируют и притягивают ее возникновение. Причины непонимания кроются именно в такой коммуникативной ситуации, структура которой содержит характер отношений объектов внутреннего мира и объектов внешнего мира, обозначенный как канал «Я – ОН» (по теории Ю. М. Лотмана). Данный канал, как известно, характеризуется отдаленностью и даже отчужденностью общающихся сторон (в отличие от диалогических (в понятии М. М. Бахтина) отношений в канале «Я – Я»).

В первом разделе главы первой дано теоретическое обоснование понятия «ситуация непонимания» как объекта воспроизведения. Теоретическую базу предмета исследования составило понимание / непонимание как амбивалентное явление. Личностный аспект в речевой коммуникации реализуется в структуре воспроизведенной ситуации непонимания в качестве функционирования личностного фактора смыслового уровня понимания. С позиции нашего исследования, *ситуация непонимания – это воспроизведенный в художественном тексте тип*

коммуникативной ситуации, реализующий свой эвокационный потенциал посредством функционирования переменных компонентов определенной номинации в модели «эвокационной матрицы».

1. 2. Ситуация непонимания и ее представление в текстах рассказов В. М. Шукшина

Второй раздел ставит задачей выстроить методику выявления специфики ситуации непонимания как типа коммуникативной ситуации.

1. 2. 1. Эвокационный потенциал ситуации непонимания как основа эвокационного пласта художественного текста

Эвокационная методика лежит в основе лингвоэвокационного исследования. Данная методика (см. работы А. А. Чувакина) позволяет исследовать эвокационный пласт художественного коммуникативного пространства. Эвокационный пласт – это межпространство художественной и жизненной реальности, он представляет собой совокупность художественных приемов, принципов, которые в системе трансформационных средств функционируют как основа построения «эвокационной матрицы». Упорядочение совокупности художественных средств производится путем заполнения ячеек матрицы (номинативно) художественными приемами, принципами построения художественного текста. В рамках терминологии настоящего исследования выявленные при анализе художественные средства, приемы, принципы являются переменными компонентами, представленными в качестве *классифицируемых* объектов, формирующих в дальнейшем тип ситуации непонимания как разновидности коммуникативной ситуации. *Классификаторами* в эвокационной матрице выступают постоянные

компоненты: объекты внутреннего мира, объекты внешнего мира, характер и результат их взаимодействия.

Вариант структуры ситуации непонимания зависит и складывается из определенной наполненности постоянных компонентов переменными. Ситуация непонимания является межпространством, являющим собой средство реализации повествователем своего коммуникативного намерения в коммуникации с читателем. Вследствие чего в терминологии эвокационной теории ситуацию непонимания в тексте В. М. Шукшина мы назовем не объектом, но продуктом воспроизведения. *Объектом* же воспроизведения является в нашем исследовании ситуация непонимания в разговорной речи. Составляющие структуры ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина – переменные компоненты – представляют собой средство воспроизведения. Постоянные же компоненты структуры являются *факторами воспроизведения*, поскольку «фактор лингвопоэтической значимости (= *постоянные компоненты*. - Ю. Л.) средства воспроизведения выражает готовность средства воспроизведения (= *переменные компоненты*. - Ю. Л.) к эстетическому функционированию» [А. А. Чувакин, 1996, с. 22]. Не будет противоречием и то, что мы назовем ситуацию непонимания «*частичным продуктом*» воспроизведения, поскольку он «несет часть эстетической нагрузки целого» [А. А. Чувакин, 1996, с. 23]. *Целостным же продуктом* воспроизведения является художественный текст.

1. 2. 2. Уровни реализации эвокационного потенциала ситуации непонимания в художественном тексте В. М. Шукшина

Задача настоящего раздела – рассмотреть воспроизведенную ситуацию непонимания в художественном тексте В. М. Шукшина, реализующую свой эвокационный потенциал на функциональном и структурном уровнях. Данный этап исследования, *разделяющий* названные уровни, позволит

определить степень гибкости «формальных» и «содержательных» средств трансформации ситуации непонимания как объекта – в продукт воспроизведения. *Во второй главе* ситуация непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина рассматривается как реализующая свой эвокационный потенциал на *взаимодействующих* функциональном и структурном уровнях (что подтверждает смысло- и текстообразующую функцию ситуации непонимания в текстах В. М. Шукшина: охватывается вертикальный и горизонтальный уровни текста).

В функциональном плане (горизонтальный уровень) ситуация непонимания представляется нам системным образованием, включающем лингвистические и экстралингвистические элементы, определенное взаимодействие и взаиморасположение которых способствует созданию неадекватного декодирования слушающим поступающей информации.

В структурном плане (вертикальный уровень) ситуация непонимания видится нам в качестве образования, составляющими которого являются переменные компоненты, функционирующие как наполняющие постоянных компонентов.

Рассмотрим воспроизведенную в художественном тексте ситуацию непонимания, реализующую эвокационный потенциал на функциональном уровне.

Проведем анализ текста рассказа В. М. Шукшина «О смысле жизни» - в качестве наиболее яркого примера проявления риторического в тексте В. М. Шукшина. Обращение к теме риторического обусловлено необходимостью решения одной из задач работы: доказать гипотезу о подчеркнутой риторичности повествователя-Шукшина, реализующего свое коммуникативное намерение художественным средством «ситуация непонимания».

Риторическое в текстах рассказов В. М. Шукшина связано с понятием проблемной ситуации: нарушение постулатов общения посредством

риторических приемов делает возможным для персонажа В. М. Шукшина выйти за рамки стереотипа восприятия, тем самым придавая ситуации непонимания статус проблемной ситуации. О ситуации непонимания как о проблемной ситуации см. в лекциях П. Г. Щедровицкого (1990–92 г. г.).

Результаты анализа текста рассказа В. М. Шукшина «О смысле жизни» в функциональном аспекте следующие.

Риторичность персонажа В. М. Шукшина заключается в способности создавать проблемную ситуацию в процессе общения, что достигается посредством нарушения постулатов и норм риторических принципов коммуникации. Поскольку риторически грамотный человек – это человек, умеющий, как минимум, конструировать высказывание таким образом, чтобы достичь коммуникативной цели, – то и персонажа В. М. Шукшина с большей долей уверенности можно отнести к личности грамотной в области риторики. Он намеренно «рвет» нормативную канву коммуникации, осуществляемой на уровне бытового разговора. Действительно, мыслящего персонажа В. М. Шукшина не устраивает разговор бытового характера. Диалог, рождающий живую мысль и живое слово, – вот что требуется шукшинскому герою. Персонажу нужна именно проблемная ситуация. Данная ситуация и создается им самим посредством определенных «риторических» шагов. Однако непредсказуемый персонаж В. М. Шукшина как нарушает некоторые постулаты риторического строения высказывания, так и следует оным. Так, Князев («О смысле жизни») не соблюдает целевые установки, предусмотренные во вступлении публичной речи [Михайличенко 1994: 35], а именно: «подготовить аудиторию к восприятию речи» и «установить взаимопонимание» [там же: 35]. В то же время третья целевая установка, предполагаемая во вступительной части – «вызвать интерес, овладеть вниманием аудитории» [Михайличенко 1994: 35], – им осуществляется.

Предлагаем иллюстрации к названным видам нарушения.

Нарушение эффекта расположения к себе как к риторю осуществляется уже самим несоответствием внешнего вида персонажа и ситуации говорения (рыбалка, деревня, отдых). Ср.: *«Сильченко посмотрел на Князева, отметил его нездешний облик – галстук, запонки с желтыми кружочками»* [Шукшин 1980: 166].

К невербальным средствам нарушения риторических законов строения коммуникации «подключаются» собственно вербальные. Ср.: (Следите за речью Князева) *«Старик как раз был в оgrade, и тот самый Сильченко тоже был в оgrade, налаживали удочки. – А – а! – весело сказал старик. – Поудить нету желания? А то мы вот налаживаемся с Юрием Викторовичем. – Не люблю, – сказал Князев. – Но посижу с вами на бережку. – Рыбалку не любите? – спросил Сильченко, худощавый мужчина таких же примерно лет, что и Князев, – около сорока. – Чего так? – Трама времени»* [там же: 166].

К вербальным средствам нарушения риторических законов коммуникации относится и использование Князевым «постулата о контроле темпа речи» [Михальская 1996: 297]. В данном случае последовательность высказываний персонажа – это «слишком быстрая речь как недостаток» [там же: 297]: текст изобилует знаками «тире», создающими впечатление быстро движущейся мысли. Ср.: *«Что же случилось? Ведь вот – горсть земли, – Князев показал ладонь, сложенную горстью, – а с другой стороны – холм. Что же случилось? Чудо? Никаких чудес: накопление количества. Так создавались государства – от Урарту до современных суперов. Что может сделать слабая человеческая рука?.. – Князев огляделся, ему на глаза попалась удочка, он взял ее из рук старика и показал обоим. – Удочка. Вот тоже произведение рук человеческих – удочка. Верно? – Он вернул удочку старику. – Это – когда один человек. Но когда они непрерывно идут друг за другом и бросают по горстке земли – образуется холм. Удочка – и холм. – Князев победно смотрел на Сильченко...»* [Шукшин 1980: 167 - 168].

Князев ведет себя вызывающе в буквальном смысле слова: он провоцирует возникновение ситуации непонимания, в условиях которой коммуникация получит непредсказуемый результат. Непредсказуемость тем более важна, что однозначность результата – это, скорее, дидактика, нежели диалог. Действия и высказывания персонажа носят прагматический характер, определяемый целью: спровоцировать конкретную реакцию слушающего.

Нарушение постулатов строения начала коммуникации – проверка персонажем собеседников на возможность / невозможность довериться без предварительного представления и знания о собеседнике.

Однако, вследствие неприятия собеседником условий игры Князева, - дальнейший текст персонажа представляет собой лишь «пожинаемые плоды» начала коммуникации: срединная часть речи Князева, призванная по законам риторики, «сообщать информацию, обосновывать точку зрения, убеждать аудиторию» [Михайличенко 1994: 35], – вызывает лишь один эффект: побуждает слушателя к конкретным действиям. Однако существует несоответствие между действительным и желаемым результатом. Впрочем, нарушение постулатов неизменно повлечет за собой нарушение ожиданий. Собственно, нарушение и требовалось Князеву - нарушение норм в речи и поведении собеседника. Однако данное нарушение коснулось лишь сферы эмоциональной реакции: *«Ты просто дурак! Долбо... – И Сильченко матерно выругался. И вскочил с верстака. – Чего тебе от меня надо?! – закричал он. – Чего?! Ты можешь прямо сказать? Или я тебя попру отсюда поленом!.. Дурак ты! Дубина!...»* [Шукшин 1980: 170]. Интеллектуальная же направленность диалога не получила своего развития.

Возникает вопрос: в чем состоит смысл коммуникации персонажа В. М. Шукшина, если он обречен на непонимание со стороны слушателя? Дело в том, что персонаж видит *продуктивность ситуации непонимания как процесса, но не как результата*. И если ситуация непонимания как процесс

не осуществляется, то данная ситуация становится результатом коммуникации.

Таким образом, ситуация непонимания в тексте В. М. Шукшина имеет две ипостаси: ситуация непонимания как процесс (и тогда она продуктивна) и ситуация непонимания как результат (и тогда она непродуктивна).

Ситуация непонимания в качестве продуктивного образования (но не осуществленного) представлена на уровне речевого поведения персонажа (Князева). Ситуация непонимания в качестве непродуктивного образования представлена (и осуществлена) на уровне повествовательной структуры текста в целом.

Созданию ситуации непонимания как проблемной ситуации способствуют лингвистические и экстралингвистические компоненты – то есть именно те компоненты, которые делают коммуникативную ситуацию ситуацией непонимания.

Выявляя специфику функционирования лингвистических и экстралингвистических элементов, способствующих возникновению непонимания между говорящим и слушающим в коммуникации текста рассказа В. М. Шукшина «О смысле жизни», отметим, что данные элементы художественной коммуникации характеризуют речь персонажей как реализацию ими определенного коммуникативного намерения.

В качестве лингвистической реализации выступают иллокутивно вынуждающие реплики (термин А. Н. Баранова), провоцирующие ответ; пример из разговорной речи: « – Ты идешь в кино? – С кем? – Со мной. – Да» [Баранов 1992: 89]. Реплика *С кем?* – иллокутивно вынуждающая, так как на ней действительно трудно закончить разговор. Однако существует значительное расхождение в характере и результате функционирования иллокутивно вынуждающих реплик в сфере обыденной и сфере художественной коммуникации. Дело в том, что произнесение иллокутивно вынуждающей реплики в разговорной речи имеет целью продолжить

разговор, тем самым обеспечивается «коммуникативная нить» [Хундснуршер 1998: 41] диалога. Иллокутивно вынуждающие реплики в художественной коммуникации, напротив, произносятся с целью закончить разговор, так как они являются реализацией коммуникативного намерения, выражающегося в нежелании продолжать диалог. Ср.: (Сильченко): *«Не понимаю, чего вы хотите сказать... То холм, то бревно какое-то... Вы приехали отдохнуть? – Приехал отдохнуть»* [Шукшин 1980: 169].

Таким образом, иллокутивно вынуждающие реплики говорящего в художественной коммуникации В. М. Шукшина провоцируют слушающего прекратить диалог или, по крайней мере, сменить тему и функционируют в связи с этим как лингвистические элементы коммуникации, способствующие возникновению непонимания. Данное расхождение в коммуникативных намерениях говорящих в разговорной речи и в художественном тексте при одном и том же средстве их реализации (имеется в виду иллокутивно вынуждающие реплики) свидетельствует о специфике функционирования лингвистических элементов художественной коммуникации В. М. Шукшина, способствующих возникновению непонимания в общении персонажей.

В качестве экстралингвистической реализации коммуникативного намерения персонажей в тексте рассказа В. М. Шукшина выступает коммуникативное поведение при «аргументации», «дисциплинировании» и «торге» [Хундснуршер 1998: 44]. В данном случае важную роль играет целенаправленность коммуникативного поведения говорящего.

При «аргументации» цель говорящего – убедить слушающего в чем-либо путем обращения к собственному опыту. Князев же, обращаясь к «аргументации», акцентирует свое внимание не на своем опыте, а на опыте собеседника Сильченко, что звучит как упрек и создает негативный эффект. Ср.: (Князев): *«Вот представьте себе: все прошли и бросили по горстке земли... А вы – не бросили! Тогда я вас спрашиваю: в чем смысл вашей жизни?»* [Шукшин 1980: 168]. Экстралингвистическим элементом,

способствующим возникновению непонимания в художественной коммуникации между говорящим и слушающим в данном случае является нарушение законов аргументации.

При «дисциплинировании» цель говорящего – заставить действовать слушающего с помощью «апеллирования к предпочтительности (предполагается вознаграждение)» [Хундснуршер 1998: 44]. Ср.: (Князев): *«В данном конкретном случае отпуск возможен, когда мы это бревешко пронесем положенных сто метров и бросим – тогда отдыхайте»* [Шукшин 1980: 169]. Экстралингвистическим элементом, способствующим возникновению непонимания, является неудачный выбор коммуникативной стратегии: ставить условия вознаграждения в незавуалированном виде, что представляет неэффективной данную реализацию коммуникативного намерения.

При «торге» цель собеседников – найти взаимоприемлемое решение проблемы. Однако употребление штампов при ответе как способ реализации намерения примириться свидетельствует как о нежелании, так и о неумении говорящего быть искренним в данной коммуникативной ситуации. Ср.: (Сильченко – на вопрос Князева, в чем его смысл жизни): *«Чтобы работать, быть честным, защищать Родину, когда потребуется...»* [Шукшин 1980: 170].

Поскольку коммуникативное поведение говорящего задает тон разговору и во многом определяет его тип, то к экстралингвистическим элементам, способствующим возникновению непонимания, относится и смешение говорящим (Князевым) в своей стратегической игре двух типов разговора: «планирующего» разговора и разговора-«консультации» [Хундснуршер 1998: 46]. Навязывая решение проблемы, не актуальной для собеседника в данный момент беседы (= планирование), Князев сам пытается давать советы (= консультация). Подобная направленность

разговора – монологическая – свидетельствует о пессимистически-фатальном конце многократных попыток обрести понимание.

Таким образом, специфика функционирования лингвистических и экстралингвистических элементов, способствующих возникновению непонимания, – заключается в характере соотношения коммуникативного намерения и способа его реализации говорящим – персонажем. Характер данного соотношения обусловлен коммуникативной ситуацией художественного текста.

Функционирование лингвистических и экстралингвистических элементов, способствующих возникновению непонимания в художественной коммуникации, определяет и специфику композиционной целостности текста рассказа. Таковая целостность создается за счет когерентности синонимичных структур диалогов. Диалог сохраняет как линейную связь с другими диалогами-синонимами, так и парадигматическую, основанную на повторяемости параллельно выстраивающихся синонимичных диалогов-парадигм. Ср.:

а) *--Вы кто по профессии?*

– Какое это имеет значение?

– Ну все же.

– Художник-гример.

б) *– Вы в курсе дела, как насыпаются курганы?*

– Причем здесь курганы?

– Ну, в кино-то видели же?

– Ну... допустим... [Шукшин 1980: 167].

Повторяемость диалогов-синонимов обусловлена спецификой соотношения коммуникативного намерения и его реализации.

Непонимание собеседниками друг друга в тексте рассказа создается за счет цикличности композиционной структуры повествования. Данная цикличность характеризуется особыми субъектно-предикатными

отношениями, в которых субъект (предмет диалога), имеющий несколько предикатов (сообщений и подходов к предмету), не получает своего развития.

Рассмотрим ситуацию непонимания в структурном аспекте.

Объекты внутреннего мира, объекты внешнего мира, характер и результат их взаимодействия - функционируют как корреляты «постоянные компоненты - переменные компоненты» и влияют на формирование типа структуры ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина. Обратимся к объектам внутреннего мира персонажа. В данном случае, личностный фактор - один из объектов внутреннего мира – функционирует как способствующий созданию ситуации непонимания в художественном тексте В. М. Шукшина. Сама сущность персонажа, вытекающая из его природного характера, способствует созданию проблемы в коммуникативном пространстве текстов писателя. Отсутствие проблемности в общении персонажей ставит под сомнение в принципе саму возможность существования коммуникативной жизни в текстах В. М. Шукшина.

Представим в общем, пока в предположительном виде, объекты внутреннего мира персонажа, влияющие на структуру ситуации непонимания.

Объединяющим принципом личностных особенностей персонажа В. М. Шукшина для нас представляется парадоксальность натуры.

Персонажи В. М. Шукшина самоутверждаются (и, таким образом, реализуют свои коммуникативные намерения) «путем отрицания другого Я» (Николай Князев, Глеб Капустин и др.) и «путем самопреодоления» («Верую») [Никитин, Харламенкова 1997: 102]. Парадоксальность героя В. М. Шукшина также в том, что, будучи инициатором беседы, он достаточно неуверенно себя ведет, в то время как, по утверждению психологов, уверенность - неотъемлемый атрибут человека, желающего начать разговор. Неуверенность в себе может быть обусловлена предубеждением

непонимания. Уверенность же – «презумпцией непонимания». Однако последняя названная тактика характеризует монологически направленный стиль общения. И отсюда опять парадокс: одинокие, не понимаемые окружающими персонажи писателя *вынуждены*, будучи диалогически направленными в беседе, выглядеть монологичными.

Парадокс, идущий уже от восприятия героя окружающими, состоит в том, что актуализируется какая-либо интересная черта личности («шоу» - черта), формирующая вынужденную маску, на которую «работает» персонаж. При этом личность как целостное образование - отвергается. По утверждению Г. Л. Тульчинского, «в русском языке имеется лишь 2000 лексических единиц выражения индивидуальных черт личности. Для сравнения: в немецком таких слов – 4000, в английском – 17000» [Тульчинский 1991:177]. Закономерна поэтому далее мысль о том, что «индивидуальность другого человека <...> явно не предмет повышенного интереса в этом духовном опыте» [там же 1991: 177]. Развитие общества привело к появлению понятия «социальный характер личности» [Фромм 1999: 318]. Данное понятие покоится на убеждении, что «каждое общественное устройство вынуждено использовать человеческую энергию в той специфической форме, которая необходима для функционирования данного общества» [там же 1999: 318]. Таким образом, в ситуации непонимания одним из главных факторов является, условно говоря, «удобство восприятия собеседника». Примечательно (и парадоксально), что в ситуации непонимания В. М. Шукшина язык как средство общения является наипервейшим препятствием в понимании. Возможно, это объясняется тем, что русский язык – язык выражения эмоций и поэтому «глубоко личностно ориентирован» [Тульчинский 1991: 177]. В то время как искусство, его реализация (песня, стихи, игра актеров) и атрибуты (музыкальные инструменты: балалайка, гармонь и др.) несут в себе функцию сближения и понимания собеседников («Одни», «Вянет, пропадает» и пр.).

Аналогию между музыкой и речью проводит Л. А. Джалагония [Джалагония 2001: 132]: «Музыка изначально воспринималась как определенного рода речь, как нечто коммуникативное». Однако оригинальность мысли цитируемого исследователя состоит в том, что на уровне интонации каждое из названных средств общения имеет различную эффективность: «интонации речи при восприятии требуют от слушателя большей творческой работы, но далеко не каждый утруждает себя этим при общении; в результате часто возникает непонимание между людьми: человек цепляется за слова, не вдумываясь в интонации, корректирующие смысл» [Джалагония 2001: 133]. Резонно в таком случае высказать предположение о том, что музыка как средство общения сильнее по воздействию и эффективней по преодолению непонимания, хотя бы потому, что «Музыкальные структуры с их ритмической организацией звуков обладают способностью приводить в движение психические механизмы употребления, «заражения» и «внушения» [там же 2001: 130–131].

Парадоксальность персонажа также состоит и в том, что перед нами цельная натура и, в то же время, страдающая от некой двойственности.

Обретение целостности личности осуществляется посредством сбрасывания маски - одной из сторон медали-двойственности. Причем, сторонами «медали-странности» являются: *дурак*, в образе которого «моделируется «наивное непонимание» [Дуров 1996: 8] и соответственно трагический тип отношения к реальности; и *шут*, в образе которого «моделируется «ложное непонимание» [там же 1996: 8] и, соответственно, комический тип отношения к реальности. Данное замечание непосредственно относится к текстам В. М. Шукшина: персонаж-дурак, попадающий в ситуацию непонимания, вынужден, будучи трагическим типом, играть роль шута, комически относящегося к себе и окружающим. Постоянная внутренняя напряженность свидетельствует о пограничном состоянии персонажа. Он как бы идет по «канату коммуникации», по одну

сторону которого – ситуация внутреннего мира, по другую – ситуация внешнего мира. Раздвоенность – одно из экзистенциальных состояний [Фромм 1999]. Соответственно, возможны лишь два варианта результата коммуникации персонажа с собой и миром: либо резкий крен в сторону проблемных отношений с самим собой – и тогда это самоубийство; либо резкий крен в сторону проблемных отношений с миром – и тогда это открытый конфликт. Третьего не дано, поскольку герой вне пограничных ситуаций – не шукшинский герой. Отсюда и произрастает причина трагических отношений в коммуникации текстов В. М. Шукшина: персонажа не понимают в принципе, а не ситуативно. Этим и актуален личностный аспект рассмотрения феномена непонимания в текстах В. М. Шукшина. Таким образом, одновременно нести две маски для персонажа оказывается возможным, но очень дорогой ценой. В сущности, шукшинский герой, как верно заметил А. А. Дуров, «индикатор кризисной ситуации» [Дуров 1996: 19]. Однако он и *индикатор ситуации непонимания*, которая выявляет свое существование при появлении героя в коммуникативном пространстве текстов В. М. Шукшина.

Е. Г. Эткинд, обращаясь к проблеме понимания/непонимания в литературе девятнадцатого века [Эткинд 1999], считает эффективным способом выявления сути личности посредством наблюдения над его внешней речью с учетом соответствия / несоответствия ее внутренним ценностным ориентирам: «чем у персонажа внутренняя речь больше отличается от внешней, тем этот персонаж человечески содержательнее» [там же 1999: 49]. Однако несоответствие «внутреннего» человека и внешней речи выводит исследование коммуникативной ситуации на уровень рассмотрения проблемы двойственности говорящего. Коммуникативная ситуация становится ситуацией непонимания, когда при обмене информацией имплицитно присутствует несоответствие «внешнего» человека и внутренней речи. Иными словами, собеседники скрывают друг от

друга (или один из них) истинные коммуникативные намерения. Мотивы данного поведения могут быть различными и столь многочисленными, что нет смысла подробно их перечислять. Более важно другое – само умение / неумение раскрыть себя в диалоге и результат: при умении и желании раскрыться коммуникант либо обнаружит свою искусственную сущность, либо изменит свою внешнюю речь, сделав ее соразмерной своей внутренней сути (и тогда результат - понимание); при неумении и / или нежелании раскрываться результат - непонимание. Заметим, что речь идет об обоюдном желании самораскрытия. Более глубоким уровнем непонимания персонажей друг другом является личностный. В текстах В. М. Шукшина соотношение внешнего и внутреннего диалога следующее: внешний диалог с внутренним подтекстом. Данный факт имеет значение для научного исследования, поскольку коммуникативная ситуация может стать ситуацией непонимания еще и в том случае, если собеседниками «прочитывается» за внешней речью «внутренний» человек, однако неадекватный тому, что он на самом деле собой представляет. В данном случае причиной непонимания может являться как особенность личностного декодирования информации, так и внешняя речь самопредъявляющегося (но не самовыражающегося) говорящего - своего рода фон, препятствующий истинному видению вещей (см. Щедровицкого П. Г.). В истинном диалоге происходит снятие маски, обретение целостности вследствие разрушения двойственности природы. Именно коммуниканты создают атмосферу общения – друг для друга. Положение «отражение во внутреннем мире внешнего мира» [Лурия 1998: 21] предполагает, на наш взгляд, следующий подтекст: язык не только нецелесообразно, но и невозможно рассматривать в отдельности от личности, пользующейся данным средством общения, поскольку жизнь языка «течет» в речи личности. Именно поэтому возможно их обоюдное развитие.

Проблема несоответствия «внутреннего» человека и внешней речи - это не только проблема означающего и означаемого («мысль изреченная есть ложь»), но и проблема *состояния* личности в коммуникативной ситуации: в ситуации непонимания человек находится в условиях, не дающих возможности выразить себя адекватно уровню восприятия собеседника.

Таким образом, парадоксальность натуры персонажа В. М. Шукшина создает причины возникновения проблемы в коммуникативном пространстве текстов.

Персонаж В. М. Шукшина – человек пограничных ситуаций.

Человек перед лицом свободы – также одна из пограничных ситуаций. Однако этимология показывает, что понятие «свобода» не всегда ассоциировалось с дерзостью и стремлением к автономии. Напротив, свобода понималась древними как кротость, и «свободный человек был кроток именно потому, что подчинял свои интересы общим» [Яржембовский 2001: 205]. Что же герои В. М. Шукшина? Свободны ли они хотя бы по одному из противопоставленных признаков? Вероятно, персонажи его, сложные по своей сути личности, – *несвободны оттого, что понимают* невозможность быть абсолютно свободными, и одновременно *свободны, оттого что не понимают* мир, не дающий им свободно творить и поэтому просто творят. Иными словами, парадокс в том, что персонажи творят, ощущая себя свободными в мире, где для них нет свободы самовыражения, заключающейся в понимании со стороны окружающих того, что они делают. Герои свободны благодаря (а не вопреки) несвободе. И поэтому они – личности, и поэтому они – думающие, а значит, понимающие/непонимающие, понимаемые/непонимаемые.

Двойственность персонажа заключается также в сосуществовании внутреннего религиозного состояния и внешнего атеистического сознания советского человека.

Подтекст многих персонажей В. М. Шукшина состоит в их религиозности (ср.: *«Его (Гриньку. – Ю. Л.), например, ни за какие деньги, никакими уговорами нельзя было заставить работать в воскресенье»* («Гринька Малюгин») [Шукшин 1985: 116], *«Еще с детства помнил Семка, что если идешь в Талицу и задумаешься, то на повороте, у косогора, вздрогнешь – внезапно увидишь церковь, белую, легкую среди тяжелой зелени тополей»* («Мастер») [там же 1985: 500]. Собственно, это и есть путь обретения той свободы, о которой говорит С. Яржембовский: *«Свобода <...> есть предание себя воле Божьей»* [Яржембовский 2001: 207].

Проблема свободы относит нас к проблеме экзистенциального состояния человека. В. П. Филатов называет внутренний мир сущностным, экзистенциальным ядром личности [Филатов 1991: 191]. Экзистенция персонажа В. М. Шукшина состоит в том, что он существует, поскольку творит.

Общение для шукшинского персонажа – своего рода стимулятор, средство приглушить тоску и скуку своего существования. Совершенное согласие вызывает мнение, что *«о том, что такое скука, рабочие знают гораздо больше, чем средние буржуа и высшие слои»* [Фромм 1999: 307]. Тем более поэтому закономерно следствие: рабочий человек В. М. Шукшина, способный творить после рабочего дня, – имеет волю к действию, желание и силу, ибо для него главным является постулат: *«творю, следовательно существую»*.

Примечательно, что в шукшинских текстах редко выражение сущности персонажа посредством так называемой внутренней речи: мировоззрение персонажа видится в его диалогическом действе. Прерогатива диалога с Другим, - не диалога с самим собой. Налицо полное совпадение с позицией М. М. Бахтина: человек таков, каким он себя являет в диалоге. Поскольку В. М. Шукшин выступает в роли повествователя, ведущего диалог и с самим собой, – вполне закономерным будет наше

утверждение о том, В. М. Шукшин сам был прототипом своих героев. Приведем некоторые факты. По сведениям Т. Пономаревой, «Василий Макарович <...> в компаниях больше молчал. Слушал. Внимательно, как бы издалека, не понуждая говорившего, давал ему возможность вольготно излагать свои мысли как угодно душе и порывам ее <...> Перед Шукшиным хотелось исповедоваться» [Пономарева 2001: 92]. Такое умение расположить к себе собеседника характерно для некоторых персонажей В. М. Шукшина (Поп («Верую!»), художница («Солнце, старик и девушка»)). Однако большинство героев, представая в роли говорящего, страдают от недостатка внимания к себе (Матвей («Думы»), Алеша («Алеша Бесконвойный»), Князев («Штрихи к портрету») и др.). Некоторая чужаковатость была присуща и самому В. М. Шукшину: «У Васи Шукшина обнаружилась ненормальная, по понятиям сельчан, страсть к чтению» [Т. Пономарева 2001: 94]. Религиозность персонажей («Мастер») – основа духовного состояния и самого писателя: «У Василия Шукшина был необычный блокнот: обложка металлическая, на верхней половине распятие изображено» [Пономарева 2001: 103]. Тетрадки – своеобразный «дом для мыслей» – важная часть необходимых вещей не только персонажей (ср. Князев («Штрихи к портрету»)), но и самого В. М. Шукшина: однажды «Рыжов (*актер.* – Ю. Л.) попытался помочь донести его (*чемодан.* – Ю. Л.), был удивлен тяжести: как будто в чемодане находились кирпичи. В номере (*гостиницы.* – Ю. Л.) выяснилось, что чемодан Шукшина был до отказа набит тетрадками» [там же, 2001: 117].

Отсутствие «внутренней» речи персонажа в традиционном понимании (речь персонажа, помещенная в кавычки), некая расплывчатость и неопределенность, отсутствие однозначной точки зрения в повествовательном пласте текста рассказов В. М. Шукшина – все говорит в пользу того, что писатель ведет диалог не только и не столько с читателем, сколько с самим собой. Как и у любого говорящего, у В. М. Шукшина также

есть средства выражения своих коммуникативных намерений. Для понимания оных следует определить для себя как для слушающего / читающего: каким образом автор пытается донести до меня свою мысль. Вчитываясь в тексты В. М. Шукшина, невольно приходишь к заключению: автору явно интересно понять, как люди находят общий язык, и если не находят, то почему это происходит и как это изменить? Тем более что есть факт обращения самого В. М. Шукшина к проблеме единения разных людей: «Один, наверное, не прочитал за свою жизнь ни одной книжки, другой «одолел» Гегеля, Маркса. Пропать! Но есть нечто, что делает их очень близкими – Человечность. Уверен, что они сразу бы нашли общий язык» [Пономарева 2001: 94]. Учитывая современные воззрения на личностную коммуникацию, имеющие в основе положение о том, что высший тип человеческого союза – это утверждение в другом *человечности* (*курсив мой.* – Ю. Л.) [Абульханова – Славская 1981: 227], – можно с уверенностью отнести мнение В. М. Шукшина к актуальным и сегодня. Встречаются довольно типичные ситуации общения, характеризующиеся непониманием между персонажами. К. Э. Штайн называет данное явление «диалог-непонимание» [Штайн 1989: 90]. Несомненно, данная идея перспективна и, на наш взгляд, перспектива ее состоит в том, чтобы рассматривать рассказы В. М. Шукшина под углом проблемы понимания / непонимания, но не в диалоге, а более широко: в ситуации. Вследствие всего выше сказанного, ситуация непонимания и является для нас средством осуществления коммуникативного намерения Шукшиным-говорящим.

Как справедливо замечает К. А. Абульханова – Славская [1981: 225], логикой совместно созданного отношения и чувствами личностей обусловлен характер общения. Данное положение отсылает нас к проблеме диалектики отношения личности и мира, а именно: вопрос первозначимости влияния личностных характеристик и объектов внешнего мира. Что создает тип коммуникативной ситуации: внутренний фактор притягивает внешний

или наоборот? Диалектическое решение данного вопроса является, несомненно, эффективным. Действительно, «сами отношения, будучи типичными, осуществляются реальными людьми, то есть предполагают личностный способ своего существования <...> Типичность ситуаций, на первый взгляд, ограничивает спектр поведения, <...> на самом же деле личность становится субъектом <...> поведения» [Абульханова – Славская 1981: 223]. Остается добавить, что личность становится субъектом не только поведения, но и всей ситуации в целом. Возникновению непонимания на личностном уровне может способствовать и нарушение условий «высшего типа человеческого союза - утверждение в другом человечности» [там же 1981: 225]. Основываясь на положении, что «независимо от того, выступает ли человек <...> в качестве другого «Я», близкого «Ты» или <...> далекого «Он», личность должна строить отношения к нему как к субъекту, а не как к объекту» [там же 1981: 228], – предлагаем закономерное, на наш взгляд соотношение: в ситуации понимания: S – S; в ситуации непонимания: S – O, O – O, O – S, где S – субъект, O – объект.

Шукшин не дает историю становления личности либо потому, что его персонаж – уже личность, либо потому, что экзистенциальность существования персонажа предполагает фактическое пребывание человека «здесь и сейчас».

Итак, мы рассмотрели уровни реализации эвокационного потенциала ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина: функциональный и структурный.

1. 2. 3. Структура ситуации непонимания: процесс заполнения «эвокационной матрицы»

Структурный аспект рассмотрения проблемы понимания/непонимания предполагает определенный набор компонентов, входящих в структуру

исследуемого явления. В качестве таковых мы представляем объекты внутреннего мира, объекты внешнего мира, характер и результат их взаимодействия.

Наблюдается определенная закономерность в соотношении объектов внешнего мира и объектов внутреннего мира, характера и результата их взаимодействия. Данная закономерность свидетельствует о системности элементов внутри коммуникативного пространства текстов В. М. Шукшина, и, следовательно, о реально существующей структуре типа коммуникативной ситуации – ситуации непонимания. Предлагаем отследить упомянутые закономерности.

Ядром структуры ситуации непонимания текстов В. М. Шукшина являются объекты внутреннего мира персонажа. На периферии, соответственно, – объекты внешнего мира, характер и результат их взаимодействия. Характер и результат взаимодействия зависит от обстоятельств, в которые помещается персонаж. Объекты внешнего мира – это и есть обстоятельства. Вариативность характера и результата отношений обусловлена разными объектами внешнего мира, с которыми сталкивается персонаж в своей коммуникативной действительности. Однотипные герои в разных ситуациях по-разному себя проявляют. При одном и том же ядре наличествуют различные периферийные компоненты. Таким образом, в основе формирования структуры ситуации непонимания текстов В. М. Шукшина лежит ядерно-периферийный принцип построения отношений переменных компонентов. Напомним, что постоянными компонентами схемы коммуникативной ситуации являются ОВнутрМ, ОВнешМ, характер и результат взаимодействия ОВнутрМ и ОВнешМ.

Конкретной наполняемостью в текстах В. М. Шукшина – или переменными компонентами – являются, соответственно:

- *объекты внутреннего мира персонажа*: умение / неумение говорящего реализовать коммуникативные намерения; двойственность

персонажа, заключающаяся в том, что он – русский, но при этом еще и советский человек с принципиальным нивелированием национального сознания; результат функционирования такого «гибрида» в тексте В. М. Шукшина - непонимание; современное шукшиноведение должно учитывать исторический аспект исследования творчества писателя, жившего в советский период, поскольку герои художественных произведений живут в определенном времени. Японский исследователь Терцо Оки говорит об отрицательном результате сосуществования в человеке «русского» и «советского» начал (о рассказе «Осенью»): «Трагичность жизни Филиппа заключается в том, что он хотел стать настоящим советским человеком, и напротив, потерял индивидуальность, духовность как русский человек» [Оки. Цит. по: 2001: 45]; интеллигентно-народный тип мышления и жизни как неразрешимая проблема для русского человека; отсутствие самоиронии, приводящее к трагическому восприятию происходящего; творческая натура, провоцирующая в определенных социальных условиях роль «чудика» как вынужденную роль;

- *объекты внешнего мира персонажа*: собеседник персонажа; социальные условия существования персонажа;

- *характер взаимодействия объектов внутреннего мира персонажа и объектов внешнего мира* (слой формирования причин непонимания): конфликт персонажа с собеседником; невозможность реализовать себя в деревне; проблема невозможности соединения в русском человеке интеллигентской сложности и народной простоты; одиночество как переходный фактор (период смирения с действительностью; при этом проблема самоубийства, сопряженная с проблемой одиночества, снимается или отодвигается на определенный период);

- *результат взаимодействия объектов внутреннего мира персонажа и объектов внешнего мира*: диалог, заканчивающийся непониманием (как следствие конфликта персонажа с собеседником); убийство: физическое,

коммуникативное, фигуральное (убийство-образ); одиночество как причинный фактор (долгое одиночество и непонимание провоцирует самоубийство); самоубийство: физическое, коммуникативное.

Результаты анализа текста «Штрихи к портрету» [Шукшин 1980] демонстрируют, каким образом на основе конкретного наполнения конститuentов выявляется структура ситуации непонимания.

Итак, персонажа Николая Николаевича Князева характеризует конкретный переменный компонент как наполнитель конститuenta «объекты внутреннего мира персонажа», а именно: неумение эффективно реализовать коммуникативное намерение. Оно проявляется, в частности, в нарушении законов аргументации при обращении к таковой: Князев, при попытке убедить собеседника, апеллирует не к собственному опыту, а к опыту собеседника, причем с упреком: (Князев) *«Вот представьте себе: все прошли и бросили по горстке земли... А вы – не бросили! Тогда я вас спрашиваю: в чем смысл вашей жизни?»* [Шукшин 1980: 168]. Данный способ реализации коммуникативного намерения представляется неэффективным, о чем и свидетельствует непонимание в конце текста рассказа. Помимо поведения как экстралингвистического фактора, присутствуют и собственно лингвистические компоненты-наполнители, а именно: анафорический характер реплик и персонажа, и собеседника. Принцип анафоры в построении диалога усиливает эффект непонимания в силу его функции – функции «торможения» коммуникативного процесса. Реплики Князева: *«Вот представьте себе: все прошли и бросили по горстке земли... А вы – не бросили! Тогда я вас спрашиваю: в чем смысл вашей жизни?»* [Шукшин 1980: 168]; *«Вот представьте себе: мы втроем – я, вы, дедушка – несем бревно»* [там же, с. 169]; *«В чем смысл нашей жизни вообще?»* [с. 168]; *«В чем главный смысл?»* [с. 170]; *«В чем же тогда ваш смысл жизни?»* [с. 170]. Реплики Сильченко (собеседника Князева): *«При чем здесь курганы?»* [167]; *«При чем здесь одно и при чем другое?»* [с. 168].

При конститuyente «объекты внешнего мира» наполняющими переменными компонентами являются как окружающее Князева общество в целом, так и конкретный собеседник.

Взаимодействие персонажа с объектами внешнего мира носит характер конфликта, о чем свидетельствуют, в частности, реплики Сильченко, переходящие в крик: *«Ты просто дурак! Долбо... – И Сильченко матерно выругался. И вскочил с верстака. – Чего тебе от меня надо?! – закричал он. – Чего?!»* [с. 170].

В зависимости от характера взаимодействия персонажа с внешним миром получается соответствующий результат процесса коммуникации: диалог, заканчивающийся непониманием. Наряду с лингвистическими факторами, характеризующими результат взаимодействия персонажа с внешним миром, – присутствуют и факторы художественно-коммуникативного пространства в целом. В частности, убийство-образ. Имеется ввиду не физическое, но моральное уничтожение персонажа. В тексте В. М. Шукшина факт убийства дан в качестве картины-образа: *«Князева подтолкнули вперед... Вывели на улицу и пошли с ним в отделение милиции. Сзади несли его тетради. Прохожие останавливались и глазели»* [с. 181]. Подобно тому, как при шествии похоронной процессии *впереди* тела несут регалии покойного, так и регалии «покойного» Князева – его тетради – несут *позади* него. Данным противопоставлением достигается эффект, связанный с ироническим характером повествования. В то время как сам персонаж, скорее, не склонен к самоиронии.

Как частичный результат анализа коммуникативного пространства художественных текстов В. М. Шукшина – представляется следующая система наполняемости постоянных компонентов – переменными (в качестве примера).

– **ОВнутрМ:** абсурдность – несоответствие огромной духовной, физической силы и реализации данной силы;

ОВнешМ: социальная структура общества;

ХАРАКТЕР: тоска;

РЕЗУЛЬТАТ: самоубийство («Мастер»);

– **ОВнутрМ:** эгоцентризм – направленность на самое себя, а не вовне;

ОВнешМ: собеседник;

ХАРАКТЕР: агрессия;

РЕЗУЛЬТАТ: драка, убийство;

– **ОВнутрМ:** двусторонняя сущность персонажа как свойство явления двойничества (ср.: персонаж Федор Грай /*Играй!*/ (рассказ «Артист Федор Грай») и персонаж Шива /*Вшивый*/ (рассказ «Танцующий Шива»));

ОВнешМ: собеседник;

ХАРАКТЕР: конфликт;

РЕЗУЛЬТАТ: победа одной из сторон двойственной природы: активное начало (Грай) побеждает, пассивное (Играй!) – уничтожается; Божественное начало (Шива) побеждает, бесовское (Вшивый) – самоустраивается: вшивость-прозвище «натурализуется» в собеседнике: *«И вот Ванька на работе. Раз ударит по гвоздю, минуту смотрит на небо, чешется... нашел даже вишу под рубахой, убил. – Падла, – сказал Ванька. – У меня сроду вшей не было»* [Шукшин 1985: 522 - 523];

– **ОВнутрМ:** понимание персонажем истинного назначения и сути искусства (рассказы: «Мастер», «Степка Разин», «Артист Федор Грай»);

ОВнешМ: собеседник (некомпетентные судьи, соперники, «учителя»);

ХАРАКТЕР: спор на тему об искусстве;

РЕЗУЛЬТАТ: рождение истинных произведений искусства (из дерева («Степка Разин»), из камня («Мастер»), из словесного материала («Артист Федор Грай»));

– **ОВнутрМ:** стремление к истине;

ОВнешМ:

а) позитивный компонент ситуации (например, церковь как средство познания истины);

б) негативный компонент ситуации (например, собеседник – поп – как ложный путь к постижению истины);

ХАРАКТЕР: откровение, уход в себя;

РЕЗУЛЬТАТ: непонимание самого себя, смутное состояние души, вопрос: востребован ли мой талант обществом? – остается открытым (рассказы: «Мастер», «Упорный»);

– **ОВнутрМ:** «презумпция непонимания» (= «все равно не поймут» и поэтому «поймут или нет - не имеет значения»): Глебу Капустину, например, совершенно индифферентно, поймут его или нет, он, по сути, и не заботится об этом; данный факт замечает и С. М. Козлова: «Он (*Глеб. – Ю. Л.*) как будто не способен отчетливо определить тему разговора, вызывая *непонимание* (*курсив мой. – Ю. Л.*) и раздражение оппонента... Он нарушает правило «качественности» разговора, *не заботясь об истинности своих посылок* (*курсив мой - Ю. Л.*)» [Козлова 1995: 73];

ОВнешМ: новый собеседник;

ХАРАКТЕР: игра «в гости»;

РЕЗУЛЬТАТ: убийство-образ (Глеб Капустин как «убивающий» (см. схему текстообразования рассказа «Срезал» в монографии С. М. Козловой [Козлова 1995: 92]) и Николай Князев как «убиваемый» (рассказ «Штрихи к портрету»);

– (тема «отцы и дети») **ОВнутрМ:** дед, отец, ровесник собеседника;

ОВнешМ (соответственно): внук, сын, ровесник собеседника (актуально возрастное обозначение, не отрицающее при этом родственных отношений);

ХАРАКТЕР:

а) коммуникация деда и внука – *понимание как норма* и постоянный характер диалога (*статика*) (рассказы: «Солнце, старик и девушка», «Критики», «Демагоги», «Космос, нервная система и шмат сала»);

б) коммуникация отца и сына – *ситуативное возникновение понимания* при постоянном непонимании как норме (*динамика*: понимание между отцом и сыном возникает при оппозиции по отношению к ним объекта внешнего мира (в рассказе «И разыгрались же кони в поле» таковым объектом становится служащий ВДНХ; в рассказе «Игнаха приехал» - ОВнешМ: Игнаха, ОВнутрМ - отец Игнахи);

в) коммуникация ровесников: *непонимание как норма (статика)* («Свояк Сергей Сергеич», «Одни» и др.);

РЕЗУЛЬТАТ:

а) возможно непонимание как ненорма;

б) понимание или непонимание в зависимости от ситуации, создаваемой объектами внешнего мира;

в) возможное возникновение понимания как вспышка и ненорма на фоне непонимания – статическом элементе коммуникации (закономерность: чем меньше разница в возрасте, тем большая вероятность возникновения непонимания);

– **ОВнутрМ:** парень;

ОВнешМ: девушка;

ХАРАКТЕР:

а) любовь как проверка на способность / неспособность понимать;

б) любовь как высший уровень понимания;

РЕЗУЛЬТАТ (соответственно):

а) любовь-понимание трансформируется в любовь-непонимание, а затем в не-любовь («Степкина любовь»);

б) душевный покой («Классный водитель»).

Во втором разделе первой главы представлен вариант реализации эвокационного потенциала ситуации непонимания в художественном дискурсе на двух уровнях.

На функциональном уровне рассмотрена система взаимодействия лингвистических и экстралингвистических художественных средств текстов рассказов В. М. Шукшина, провоцирующих непонимание в коммуникации персонажей.

На структурном уровне рассмотрено строение действующих в воспроизведенной ситуации непонимания переменных компонентов как наполняющих постоянные (в «эвокационной матрице») – объектов внешнего мира и объектов внутреннего мира. Начальный этап исследования показал, что лингвистические и экстралингвистические элементы воспроизведенной ситуации непонимания несут эстетическую нагрузку, заключающуюся в наличии в художественном тексте В. М. Шукшина противоречивого образа персонажа-говорящего. Последний создает проблемный характер коммуникации для осуществления продуктивного диалога. Объекты внешнего мира и объекты внутреннего мира как характеристики собеседников, актуализирующие структурный уровень воспроизведенной ситуации непонимания, – также имеют функционально-эстетическую направленность. Причиной непонимания в художественном типе коммуникации «персонаж – персонаж» становится личностное начало: коммуникативные черты героя, выраженные в текстовых средствах, реализующих герменевтический аспект рассмотрения названного типа коммуникации.

Выводы

В первой главе рассмотрена ситуация непонимания как объект воспроизведения, представляющий собой потенциально реализующуюся в

художественном тексте эвокационную систему взаимодействующих компонентов.

Теоретическую базу понятия «ситуация непонимания» как типа коммуникативной ситуации составило амбивалентное понятие «понимание / непонимание».

Методика выявления специфики эвокационных средств воспроизведения ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина – представляет собой процесс заполнения модели «эвокационной матрицы». Последняя является сетью взаимоотношений постоянных и переменных компонентов как предметов коммуникативного пространства, формирующих характер общения собеседников в данном пространстве. В случае рассмотрения текстов рассказов В. М. Шукшина таковыми компонентами стали: объекты внутреннего мира и объекты внешнего мира, характер и результат их взаимодействия (постоянные компоненты); переменные компоненты – коммуникативные сигналы в герменевтическом аспекте как конкретная номинация постоянных компонентов (в дальнейшем именуемые нами сигналами непонимания и сигналами, препятствующими пониманию).

Таким образом, задача исследования *представить специфику ситуации непонимания как типа коммуникативной ситуации* решается посредством *номинации постоянных компонентов* при вписывании их в модель «эвокационной матрицы».

Задача исследования *представить специфику ситуации непонимания как воспроизведенный в художественном тексте тип коммуникативной ситуации* решается посредством *номинации переменных компонентов* при вписывании их в модель «эвокационной матрицы».

В первой главе рассмотрены также варианты реализации модели «эвокационной матрицы» воспроизведенной в художественном тексте В. М. Шукшина ситуации непонимания: имеются ввиду следующие два уровня.

На функциональном уровне рассмотрена система взаимодействия лингвистических и экстралингвистических художественных средств текстов рассказов В. М. Шукшина, провоцирующих непонимание в коммуникации персонажей.

На структурном уровне рассмотрено строение действующих в воспроизведенной ситуации непонимания переменных компонентов как наполняющих постоянные (в «эвокационной матрице») – объектов внешнего мира и объектов внутреннего мира. Начальный этап исследования показал, что лингвистические и экстралингвистические элементы воспроизведенной ситуации непонимания несут эстетическую нагрузку, заключающуюся в наличии в художественном тексте В. М. Шукшина противоречивого образа персонажа-говорящего. Последний создает проблемный характер коммуникации для осуществления продуктивного диалога. Объекты внешнего мира и объекты внутреннего мира как характеристики собеседников, актуализирующие структурный уровень воспроизведенной ситуации непонимания, – также имеют функционально-эстетическую направленность. Причиной непонимания в художественном типе коммуникации «персонаж – персонаж» становится личностное начало: коммуникативные черты героя, выраженные в текстовых средствах, реализующих герменевтический аспект рассмотрения названного типа коммуникации.

На данном этапе результатом работы над поставленной в начале проблемой является выведенное нами определение ситуации непонимания.

Ситуация непонимания как предмет художественного выражения – это воспроизведенный в художественном тексте тип коммуникативной ситуации, реализующий свой эвокационный потенциал посредством функционирования переменных компонентов определенной номинации в модели «эвокационной матрицы».

ГЛАВА 2

СИТУАЦИЯ НЕПОНИМАНИЯ КАК ПРОДУКТ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ

Глава вторая предполагает решение следующих задач:

а) выявить функциональные различия понятий «образ автора», «автор», «слово персонажа» и «слово повествователя»;

б) аргументировать выбор направления исследования текста, связанного с исследованием коммуникации «автор – читатель», но не «повествователь – персонаж» (во-первых, проблема коммуникации «повествователь – персонаж» требует отдельного рассмотрения в силу сложности, во-вторых, данный тип художественной коммуникации не имеет исследовательской новизны, поскольку изучался довольно глубоко современными лингвистами (Н. А. Волкова, Г. В. Кукуева, А. А. Чувакин и др.);

в) гипотетически определить эстетическую функцию ситуации непонимания в художественном тексте вообще (создание комического, трагического и трагикомического эффекта);

г) определить текстовые художественные средства, создающие сигнал непонимания и / или сигнал, препятствующий пониманию на определенном уровне понимания (исследование на уровне микроситуации);

д) выделить типы ситуации непонимания, соотнося данные анализа на уровне микроситуации и данные анализа структуры ситуации в целом (исследование на уровне макроситуации);

е) исследовать на уровне текста в целом характер коммуникации «персонаж – персонаж» с точки зрения наличия / отсутствия внешнего/внутреннего контакта;

ж) выйти на уровень анализа типа художественной коммуникации «читатель – автор» (уровень рассмотрения художественного произведения в целом, уровень определения степени понимания читателями автора как личности художника (эвокационный аспект)).

2.1 Воспроизведенная ситуация непонимания в системе типов художественной коммуникации «персонаж – персонаж» и «читатель – повествователь»

Исследовательский круг работ, посвященных проблеме художественного диалога, довольно широк: Бахтин М. М., Виноградов В. В., Винокур Г. О. и др. (= начало 20 – го века); Валюсинская З. В., Дементьев В. В., Козлова С. М., Минеева С. А., Никишаева В. П., Сологуб Ю. П., Чувакин А. А. и др. (= начало 21 – го века). Поскольку проблема представляется сложной, исследователи разумно разводят понятия «устный диалог в разговорной речи» и «художественный диалог». Основой разделения являются функции: прагматическая и эстетическая. Однако под понятием «художественный диалог» можно разуметь как «внешний» диалог (диалог «повествователь - читатель»), так и «внутренний» (диалог персонажей в самом тексте). Для настоящего исследования и то и другое понимание художественного диалога является актуальным.

Во втором разделе второй главы актуален «внутренний» диалог («персонаж – персонаж»).

В третьем разделе второй главы актуален «внешний» диалог («повествователь – читатель»).

Особенно интересным представляется соотношение диалогов «повествователь – читатель» и «персонаж – персонаж». В настоящей работе гипотетически предполагается следующее: повествователь (В. М. Шукшин) использует средства донесения художественной идеи (мысли) адекватно своему субъективному состоянию. Иначе говоря, В. М. Шукшин использует в качестве общения с читателем ситуацию, в которой находится сам. Представляется довольно эффективным методом то, что предлагает В. М. Шукшин: повествователь хочет, чтобы его поняли (но его не понимают), и показывает ситуацию непонимания, возникающую в общении персонажей, проецируя данное положение на себя.

Для раскрытия художественной информации для собеседника-читателя повествователь использует деструктивное средство - ситуацию непонимания. Парадокс состоит в том, что в художественном тексте В. М. Шукшина ситуация непонимания приобретает функцию смыслообразующую - конструктивную. Данный факт еще раз подтверждает наше убеждение в том, что ситуация непонимания – бинарная категория: она может и создавать многозначность, и устранять ее. В структуре ситуации непонимания важным элементом является причина непонимания. Причина непонимания – в контексте настоящего исследования – это категория в тексте В. М. Шукшина, отвечающая за тонкую грань между состоянием понимания и состоянием непонимания в речевой коммуникации. Любой компонент структуры коммуникативной ситуации может стать причиной непонимания: он и препятствует пониманию, и способствует ему. Гибкость данной категории зависит от сверхзадачи повествователя и тех средств, которые для этого используются.

Так, «блуждающий» персонаж (Князев) может быть как комичным (в рассказе «Чудик»), так и трагикомичным (в рассказе «Штрихи к портрету»),

– все зависит от текстовой ситуации. В. М. Шукшин отмечал в своих рабочих записях: «Будет одна и та же ситуация, но будут действовать два разных человека, будет два разных рассказа – один про одно, другой совсем про другое» [В. М. Шукшин, 1999, с. 581].

В контексте данных размышлений закономерно возникает идея рассмотрения художественного текста В. М. Шукшина в качестве риторического текста. При этом поведение повествователя можно назвать риторическим поведением, обусловленным риторической ситуацией. Следуя логике высказываний С. А. Минеевой, риторическая ситуация – это ситуация, в которой «осознается потребность действовать риторически (с помощью текста, специально созданного и исполняемого здесь и сейчас автором). Автор демонстрирует риторическое поведение (не стихийное речевое, а продуманное, разработанное)» [Минеева 2001: 63]. Таким образом, *риторичность повествователя* заключается в способности так рассказать историю, чтоб в нее поверили. Не убедить в своей правоте (данная задача стоит перед ритором в изначальном смысле этого слова (оратором, выступающим)), а дать возможность настолько поверить в изображаемое, что создать с читателем диалог, предполагающий спор, возражения, вопросы. Данный способ общения В. М. Шукшина убедительно проиллюстрирован исследователями творчества писателя (М. А. Деминова, А. А. Чувакин и др.). *Риторичность персонажа* заключается в способности таким образом построить речевое поведение, чтобы коммуникант смог принять как роль *слушающего* (равного собеседника, желающего понять персонажа), так и роль *слушателя* (пассивного собеседника, не желающего или не способного понять персонажа; часто в данной роли выступает «третье лицо» (ср. рассказы «О смысле жизни» (слова старика: «Я слушаю»); «Срезал» (мужики, ходившие с Глебом посмотреть, как он «срезет» очередного «кандидата»)).

Поскольку «Нет более общительного процесса, нежели собственно творчество» [Батищев 1997: 436], постольку можно говорить о существовании некоего художественного поведения повествователя, которое отличается определенными признаками. Для нашего исследования актуально утверждение В. Л. Каракчиевой о том, что для основы коммуникативного центра художественного текста важны такие элементы, как «внутреннее состояние персонажа, психологический портрет, речевое поведение» [Каракчиева 2000: 19].

Структура ситуации непонимания содержит элементы, в числе которых - личность коммуниканта. О структуре личности коммуниканта в настоящее время говорят многие лингвисты. Так, И. П. Тарасова называет личность адресанта одним из факторов речевого общения [Тарасова 1992: 103]. Исследователь считает, что «построение смысла коммуникативной единицы отражает различные функциональные составляющие личности человека говорящего, такие, как Я социальное, Я телесное, Я интеллектуальное, Я психологическое, Я речемыслительное» [Тарасова 1992: 109]. В нашей работе названные составляющие принадлежат объектам внутреннего мира и объектам внешнего мира в разных аспектах рассмотрения.

В процессе коммуникации В. М. Шукшин предстает перед читателем и как автор, и как повествователь. Рассмотрение нами личности В. М. Шукшина как **автора** художественного произведения отсылает к **ситуации жизненной** и предполагает автобиографическую и творческо-генетическую [Борев 1997: 572] методику исследования текстов. Рассмотрение нами В. М. Шукшина в качестве **повествователя** отсылает к **ситуации художественного текста** и предполагает соответственно методику анализа художественного текста. В первом случае приводятся биографические факты из жизни писателя, анализируется его морально-эстетическая позиция (на основе данных публицистики, черновиков, интервью и пр.). Во втором случае осуществляется непосредственный анализ художественного текста В.

М. Шукшина с точки зрения эффективного функционирования художественных средств текста в формировании структуры ситуации непонимания.

Категория «образа автора» имеет особую позицию: он является зачинщиком всего происходящего в художественном мире, предстающем перед читателем (ср. *auctor* (от лат.) – виновник, основатель, сочинитель [Литературный энциклопедический словарь 1987: 13/1]). «Образ автора» – категория «между». Это и не реальный автор «из жизни», и не повествователь «из текста» – это своеобразное воплощение художественной идеи в речевом образе. В коммуникации «автор – читатель» именно «образ автора» является тем «медиумом», который осуществляет взаимодействие мира автора и мира читателя.

«Слово повествователя» и «слово персонажа» функционируют в нашем исследовании на уровне организации текста, но не на уровне их диалога между собой. Если в работе и встречаются случаи рассмотрения взаимодействия «слова персонажа» и «слова повествователя», то это не является самоцелью, а преследует задачу выяснить влияние данного взаимодействия на формирование в тексте структуры ситуации непонимания.

Под «словом повествователя» подразумеваются разные стили, «маски» «образа автора», несобственно-прямая речь, описание – все элементы непосредственно текста, имеющие функцию «образователей» художественного пространства, причем пространства, в котором присутствует ситуация непонимания.

Как было отмечено нами ранее, эвокационная методика предполагает рассмотрение структуры ситуации непонимания в качестве преобразованной структуры вследствие попадания ее в качественно иную среду – среду художественного текста. В контексте эвокационной теории объектом воспроизведения является структура ситуации непонимания в бытовой

коммуникации. Средство воспроизведения – совокупность функционирующих элементов художественного текста на уровне макро-, микроструктуры текста и на уровне текстовой ситуации в целом. Продукт воспроизведения – структура ситуации непонимания в художественном тексте В. М. Шукшина. Теория эвокации имеет прямое отношение к процессу коммуникации автора и читателя: из жизненного бытия волей автора вызывается к существованию в художественном бытии ситуация непонимания. В результате происходит осмысление художником явления непонимания как средства раскрытия для читателя художественной информации. Ситуация непонимания в художественном пространстве в целом может служить созданием как комического в тексте, так и трагического. Например, комическое в тексте создается за счет актуализации такого объекта внутреннего мира персонажа, как «рассеянность» (ср.: – *Как Вас зовут? – Лейтенант Коломбо. – А имя? – Лейтенант. – Ну, как хотите. (= Можете не отвечать. – Ю. Л.)*) («Лейтенант Коломбо»). В данном примере сигналом непонимания является высказывание собеседника персонажа «*Ну, как хотите*», при этом для собеседника не актуально, что Коломбо – просто рассеянный человек и не станет преследовать цель пошутить таким образом. В то же время актуализация рассеянности присутствует в тексте, и создана она повествователем для усиления эффекта комического вследствие присутствия мотива непонимания. Пример создания трагического за счет ситуации непонимания, в основном, объясняется неречевым объектом внутреннего мира персонажа (например, «склонность к самоубийству»), а также наличием какого-либо вида конфликта между персонажами. В текстах В. М. Шукшина ситуация непонимания часто имеет функцию создания трагикомического в тексте. Возможно, это связано с неоднозначностью авторской позиции в тексте вследствие диалогического поведения, ведь «произведение – художественно-коммуникативное средство диалога на равных» [Борев 1997: 565]. Автора преследуют сомнения, он

искушен в создании «масок», он оставляет много вопросов в конце текста и для себя, и для читателя. Трагичность и комичность так же органично переплетаются в тексте В. М. Шукшина, как мотив понимания и мотив непонимания.

Известна заметная зацикленность шукшиноведов на позиции «шукшинский персонаж – это «чудик». При всей верности данной характеристики персонажа, существующая позиция несколько упрощает взгляд на довольно сложного по своей сути героя В. М. Шукшина. Одним из первых шагов «развенчания» и одновременного дополнения традиционной позиции стали работы С. М. Козловой, увидевшей в персонаже В. М. Шукшина противоречивую натуру. Еще дальше в своих измышлениях пошел Г. Красников: «никакие они не «чудики», а все те же, известные русской истории и литературе, «очарованные странники», а, говоря по-старинному, «праведники». Ничуть не святые, а очень даже живые и грешные, но от того и чувствующие так болезненно остро в сердце своем тревожную тоску и неизъяснимую маету <...> никакой иной подоплеки, кроме игры (на выигрыш!) здесь нет. А что игра порою становится жестокой, так в том вины Капустиных нет» [Красников 2000: 155–157].

Н. Д. Голев, определяя персонажа В. М. Шукшина в ситуации конфликта, видит проблему персонажа в коммуникативном аспекте. Нам же кажется, что следует также выделять личностный аспект общения. Причина непонимания между персонажем и окружающими в том, что он – в такой же степени субъект понимания, в какой и объект понимания. Объект понимания, пребывая в коммуникативной ситуации, разрушает традиционные алгоритмы (штампы) процесса понимания такой чертой как абсурдность, парадоксальность. Н. Л. Мухелишвили в связи с этим отмечает, что «объекты абсурдны тем, что не могут поместиться в реальном мире без нарушения царивших в нем <...> законов» [Мухелишвили 1998: 25]. Абсурдность существования влечет за собой неотвратимые события.

Парадоксальность природы нагнетает атмосферу невыразимой скуки, тоски и одиночества, иногда являющуюся причиной самоубийства героя. Персонаж В. М. Шукшина – объект понимания окружающих, которому мешает его субъектность. *Персонаж (объект) обладает набором признаков, качеств, не способствующих вызвать адекватную реакцию окружающих.*

Таким образом, в тексте В. М. Шукшина структура ситуации непонимания представляет собой следующее: объекты понимания (объекты внутреннего мира и объекты внешнего мира), характер и результат их взаимодействия. Традиционное название коммуникантов «субъекты» – в настоящем исследовании заменено на «объекты» (объекты внутреннего мира и объекты внешнего мира) на основании известной оппозиции «объект – субъект», вследствие чего сам факт субъектности коммуниканта в процессе общения не отрицается нами. В новом назывании коммуникантов (объекты внутреннего мира и объекты внешнего мира) есть свой смысл. Имеет значение коммуникативная позиция. Субъектность в структуре ситуации непонимания существует как дифференцирующее основание: объекты внутреннего мира соотносятся с субъектом коммуникации; объекты внешнего мира соотносятся с объектом, на который направлено понимание субъекта коммуникации. Однако в тексте В. М. Шукшина строго однозначных позиций не существует, как не существует только пассивного или только активного начала в коммуникативной ситуации. Вследствие названного, элемент структуры ситуации непонимания «объекты внешнего мира» также может стать субъектным началом, если данный элемент структуры займет позицию *понимаемого*.

Таким образом, в коммуникации текста В. М. Шукшина субъектным началом может являться понимаемый. Данный факт отражает парадоксальность положения и состояния персонажа (объекта понимания) и характеризует ситуацию непонимания В. М. Шукшина в литературной текстовой парадигме как оригинальную коммуникативную структуру. Таким

образом, субъект (персонаж-говорящий), будучи активным по своей сути, несет в себе все характеристики понимаемого кем-то объекта. Говорящий принимает роль слушающего. Данное положение – одно из положений, составляющих ситуацию непонимания в тексте В. М. Шукшина. Иными словами, говорящий В. М. Шукшина (персонаж, которого не понимают) – это человек, предпринявший все попытки докричаться до слушающего, опускает руки, и соглашается на роль пассивно воспринимающего к себе отношение (непонимание).

Таким образом, говорящий В. М. Шукшина имеет средства раскрытия информации о себе, но это все равно, что он их не имеет. Говорящий В. М. Шукшина находится в худшем положении, чем немой: немой может быть понят, поскольку выражается адекватно сознанию понимающего его. Говорящий же В. М. Шукшина – выражается адекватно *своему* сознанию. Именно поэтому личностный аспект в коммуникативной ситуации шукшинского текста имеет важное значение.

Парадоксально, но идеальный собеседник-персонаж В. М. Шукшина – это собеседник-унисон, выражающийся также адекватно своему сознанию и создающий проблемную ситуацию. Средствами выражения сознания персонажа в настоящем исследовании называются объекты внутреннего мира. Можно заметить метонимию в терминологии. Однако мы четко разделяем употребляемые понятия. *Так, когда говорится об объектах внутреннего мира и объектах внешнего мира как об элементах структуры ситуации непонимания, имеющих статус **постоянных** компонентов, – тогда объекты внешнего мира и объекты внутреннего мира относятся к общему (= субъект коммуникации). Когда же говорится об объектах внутреннего мира и объектах внешнего мира как об элементах, имеющих статус **переменных** (наполняющих) компонентов, – тогда объекты внутреннего мира и объекты внешнего мира относятся к частному (= признаки субъекта). Данный принцип рассмотрения структуры ситуации*

непонимания перенесен в эвокационную матрицу и рассматривается в качестве одного из методов исследования в настоящей работе.

Известно, что литература – это высшая форма человеческой коммуникации. Коммуникация персонажей, в свою очередь, характеризуется оценочностью со стороны каждого из коммуникантов. Оценка – начало понимания. Вследствие данного факта можно утверждать, что абсолютного непонимания, так же, как и абсолютного понимания, – не существует. Есть «понимание по-своему», «понимание не так» и т. п. Но при этом в каждом непонимании обязательно есть элемент понимания. Возможно, это - закон сохранения гармонии коммуникативной ситуации. Основа ее - баланс «понимание / непонимание». Именно поэтому проблема называется многими лингвистами амбивалентно. С первых шагов коммуникации персонажей идет процесс осмысления сообщаемого (высказывания). При этом имеет значение, каков характер этого осмысления, качество и результат (понимание / непонимание). Поскольку предметом лингвистического анализа в настоящей работе является письменный художественный текст, – постольку учитываются аспекты, связанные с рассмотрением специфичности письменного художественного текста. Так, говоря об интонации как о паралингвистическом элементе коммуникативной ситуации в художественном тексте, – мы оговариваемся, что на письме (в отличие от восприятия высказывания в устной речи) оригинальные интонации речи персонажа (поскольку интонация носит личностный характер) имеет смысл искать как в самой речи персонажа, так и в речи повествователя, а чаще всего идти от общей картины происходящего: например, угадывать интонацию предыдущего высказывания одного говорящего по следующим высказываниям другого говорящего и наоборот. Таким образом, художественный текст В. М. Шукшина позволяет функционировать внутри себя сразу нескольким координирующим интонацию персонажа элементам, как-то: речь персонажей, речь повествователя, структура текста в целом.

Ситуация позволяет увидеть положение дел наиболее объемно еще и потому, что в речевой коммуникации существует понятие Другой (в концепции М. М. Бахтина). Когда говорящий смотрит «Другими» глазами на мир, он знает не только то, что за спиной у Другого, но и то, что за спиной у него самого. Но для этого надо уметь вставать на место Другого. В. М. Шукшин умело использует данный принцип коммуникации: он создает такого типа коммуникативную ситуацию, которая позволит увидеть себя во всей полноте. Данное положение влечет за собой возникновение множества трагических судеб персонажей вследствие разных причин, но вызванных именно непониманием. Персонаж, таким образом, видит всю неприглядность, парадоксальность, безысходность своей ситуации.

Использование речевого пласта в качестве основы структуры ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина закономерно: «В конце концов, мы ведь так и составляем понятие о человеке – послушав его. Тут он не соврет – не сумеет, даже если захочет» [Шукшин 1981: 150].

Одна из причин непонимания между персонажами - наличие соотношения «форма – содержание». Говорящий как высказывающийся идет от содержания – к форме. Слушающий - от формы к содержанию. Таким образом, говорящий стремится найти средства выражения, наиболее адекватно передающие смысл высказывания. Слушающий же сначала видит предлагаемую форму и лишь затем декодирует смысл высказывания. Таким образом, общая область коммуникативной ситуации – это форма. Для говорящего предмет беседы предстает в виде содержания, обретающего адекватную форму. Для слушающего предмет беседы предстает в виде формы, отсылающей к множеству вариантов значений, которые интегрируются и создают смысл высказывания. Ср.: содержание слушающего – форма – содержание говорящего. В данном случае встает вопрос о роли возникновения понимания в общей структуре ситуации непонимания. Понимание зависит от того, какие традиционно

грамматические формы представляет слушающий для выражения содержания высказывания. Данные формы, во-первых, должны быть адекватными ситуации общения (жанру, фрейму); во-вторых, эти формы должны быть адекватны образу говорящей личности; наконец, эти формы должны быть адекватны ситуации, в которой говорящий предстает как адекватная своему стилю изложения личность. Встает вопрос о проблеме номинации: почему мой «индивидуальный контекст» диктует выразиться так, а не иначе в данную секунду времени? Я могу использовать (как говорящий) ситуацию как захочу: могу быть ей адекватным, но могу и не быть. В ситуации, когда я хочу, чтобы мое высказывание понимали, например, как шутку, – слушающий способен понять меня. Но он может меня и не понять, что будет свидетельствовать о его традиционном соотношении моего высказывания с данной коммуникативной ситуацией. Слушающий посчитал, что в данной ситуации мои личностные особенности и коммуникативные способности соотносятся именно с таким-то элементом коммуникации, из чего он делает вывод, что я не шучу. Вследствие названных шагов процесса понимания явствует (результатом которого становится непонимание), что слушающий совершенно не знает меня как личность, мои интересы, привычки, принципы в жизни и, что самое важное, мой коммуникативный стиль. У слушающего есть возможность меня понять, если он воспримет меня нетрадиционно: посчитает, что в данной ситуации я должен, но не буду себя вести так, как того требует от меня данная коммуникативная ситуация.

Таким образом, в настоящем разделе осуществлено функциональное разграничение понятий «образ автора», «автор», «слово повествователя» и «слово персонажа» как составляющих художественной коммуникации «повествователь – читатель» в эвокационном аспекте. Ситуация непонимания как средство раскрытия художественной информации функционирует на уровне микро–, макроситуации и на уровне текстовой

ситуации в целом и обеспечивает взаимодействие двух типов художественного диалога: «повествователь – читатель» и «персонаж – персонаж». Рассмотрение слова повествователя в риторическом аспекте отсылает к проблеме лингво-эвокационного исследования структуры ситуации непонимания. Шукшин-автор оперирует понятиями жизненной ситуации, Шукшин-повествователь – категориями коммуникативной ситуации художественного текста. *Образ автора – эвокационная категория.* Категория образа автора функционирует как единица взаимодействия мира автора и мира читателя. Ситуация непонимания в качестве средства осуществления повествователем коммуникативного намерения в диалоге с читателем рассматривается в эвокационном аспекте (Пешкова С. Н, Чувакин А. А. и др.): из жизненного бытия волей автора вызывается (ср.: лат. *evocatio* - вызов) к существованию в художественном бытии ситуация непонимания. Эстетическая функция ситуации непонимания заключается в создании трагического, комического и (чаще) трагикомического в художественном тексте В. М. Шукшина. Различное наполнение и варьирование сигналов непонимания и сигналов, препятствующих пониманию, как переменных объектов внутреннего мира и объектов внешнего мира – является в данном случае отправной точкой в осуществлении эстетической функции ситуации непонимания. В первом параграфе представлена позиция диссертационного исследования относительно теории диалога в аспекте понимания/непонимания в тексте В. М. Шукшина. В связи с этим актуальными элементами ситуации непонимания в художественном тексте В. М. Шукшина становятся: причина непонимания (область исследования сигналов, препятствующих пониманию), следствие непонимания (область исследования сигналов непонимания), процессуальная сторона возникновения непонимания (область исследования разной формо-содержательной направленности говорящего и слушающего в коммуникации (содержание слушающего – форма – содержание говорящего)). В структуре

ситуации непонимания текста В. М. Шукшина немаловажную роль играет наличие/отсутствие «третьего лица». Художественными приемами, «работающими» на создание ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина, являются средства художественного текста в определенной позиции, окружении и комбинации: сигналы непонимания и сигналы, препятствующие пониманию как переменные компоненты структуры ситуации непонимания с внутренним художественным наполнением. Во втором разделе второй главы предлагается рассмотреть сигналы непонимания и сигналы, препятствующие пониманию, в качестве переменных объектов внутреннего и внешнего мира на уровне микроситуации, с дальнейшим влиянием их функционирования на два остальных уровня исследования – уровень макроситуации и уровень текстовой ситуации в целом.

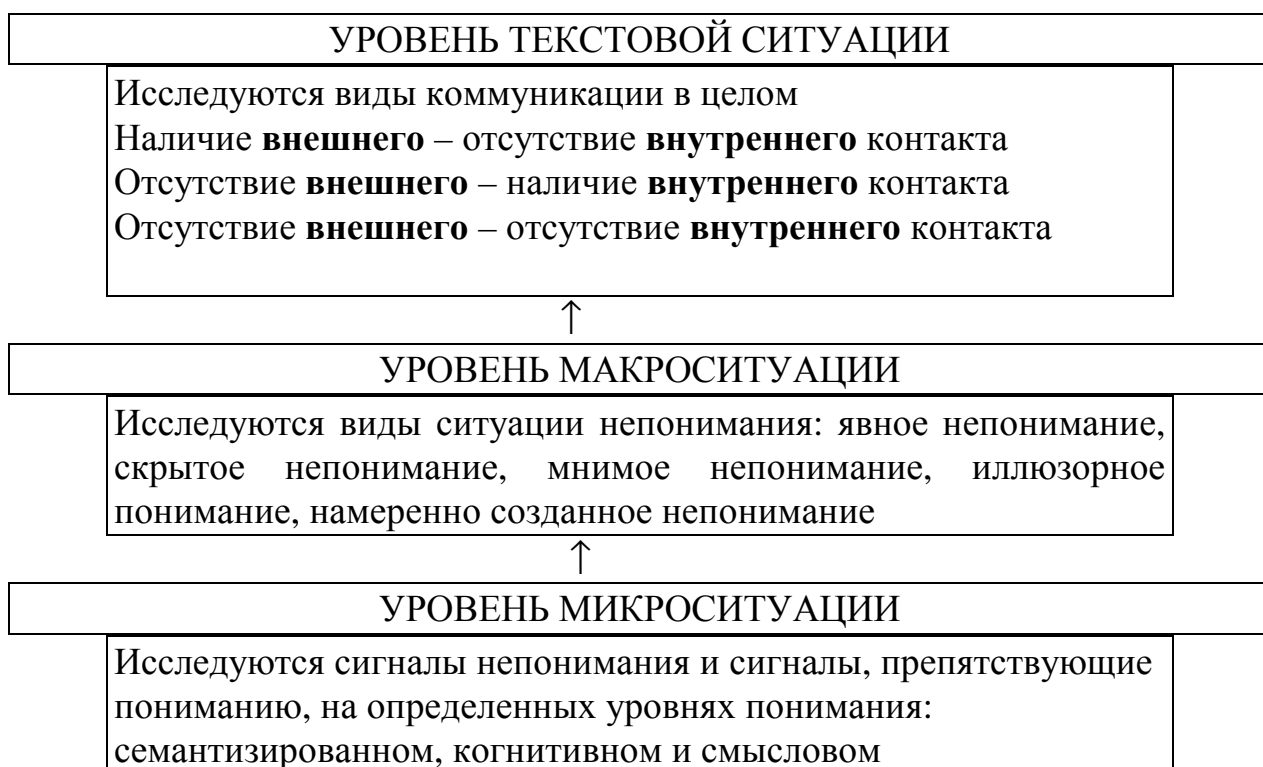
2.2 Структура ситуации непонимания на уровне микро–, макроситуации и на уровне текстовой ситуации художественного текста В. М. Шукшина

Структура ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина представляет собой взаимодействующее функционирование следующих элементов: сигналов, препятствующих пониманию; сигналов непонимания; причины непонимания; объектов внешнего мира (постоянные; переменные: сигналы непонимания и сигналы, препятствующие пониманию (речевые и неречевые)); объектов внутреннего мира (постоянные; переменные: сигналы, препятствующие пониманию; сигналы непонимания (речевые и неречевые)). В настоящем разделе предлагается исследование ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина на уровне микро–, макроситуации и на уровне текстовой ситуации.

На уровне микроситуации исследуются сигналы непонимания и сигналы, препятствующие пониманию, – на определенных уровнях понимания: семантизированном, когнитивном, смысловом (по Г. И. Богину).

На уровне макроситуации исследуются виды ситуации непонимания (явное непонимание, скрытое непонимание, мнимое непонимание, иллюзорное понимание, намеренно созданное непонимание).

На уровне текстовой ситуации исследуются виды коммуникации в целом: наличие внешнего и отсутствие внутреннего контакта; отсутствие внешнего и наличие внутреннего контакта; отсутствие внешнего и отсутствие внутреннего контакта (по К. Э. Штайн). Общая картина названной логики исследования в диссертации представлена в схеме (стрелки обозначают поэтапное движение анализа ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина):

Сигнал непонимания – речеповеденческие фрагменты коммуникативной деятельности персонажа, свидетельствующие о неадекватном декодировании поступающего сообщения. Чаще всего является прерогативой слушающего.

Сигнал, препятствующий пониманию – речеповеденческие фрагменты коммуникативной деятельности персонажа, способствующие возникновению непонимания. Чаще прерогатива говорящего.

Сигнал непонимания обычно (но необязательно) следует в тексте за сигналом, препятствующим пониманию.

Данные сигналы могут быть как в речи персонажей, так и в речи повествователя и являются объектами внутреннего и внешнего мира.

По своей направленности сигналы непонимания и сигналы, препятствующие пониманию, могут быть *ложными* (пустыми, нулевыми). Например, реплика медсестры в рассказе «Психопат» (– *Не понимаю...*) на высказывания Психопата о том, что она не умеет ставить уколы, – является ложным, пустым сигналом непонимания. Он не свидетельствует о непонимании – он свидетельствует о состоянии растерянности девушки в данный момент коммуникации. Аналогичный ложный сигнал непонимания наблюдаем в «Светлых душах».

Пример.

– *Ань, ты не видела карбюратор?*

– *Какой карбюратор? Не видела я никаких карбюраторов. Началось там опять.*

Автор названных высказываний задался целью показать свое нежелание говорить на заданную тему, но никак не сообщить о своем непонимании. Лексема «опять» отсылает к постоянству действий, свидетельствует о повторяемости представленной ситуации. В силу чего вопрос «*Какой карбюратор?*» в данном случае является не прагматическим, а риторическим.

Сигнал, препятствующий пониманию, может быть **риторического направления**. Так, персонажи используют однотипные «придирки» в качестве создания ситуации непонимания, провокации конфликта и однотипные же реакции на них собеседников в тексте (Князев: – *Вы в курсе*

дела, как насыпаются курганы? – (реакция) – При чем здесь курганы? («Штрихи к портрету»); Психопат: – Вы читали Толстого? – (реакция) – При чем здесь Толстой? («Психопат»)).

В тексте рассказов В. М. Шукшина может быть нарушена последовательность расположения сигналов, а именно: сигнал непонимания не всегда следует за сигналом, препятствующим пониманию («Психопат»).

Элементом создания ситуации непонимания в тексте рассказов В. М. Шукшина является также и **нарушение структуры силлогизмов** (соответственно имеющее отношение к риторическим приемам; ср. высказывание Психопата, представляющее собой силлогизм с нарушенной структурой: [Она (медсестра) **не читала** Толстого, поэтому **не умеет** ставить уколы. Врач **читал** Толстого, поэтому он тоже ничего **не умеет**]. Противоречие в рассуждениях Психопата свидетельствует об умении персонажа создать провокацию конфликта, за которым, как рассчитывает герой, последует продуктивный диалог на равных. Однако персонаж не вполне верно ведет свою коммуникативную политику: после конфликта – разрушительной силы коммуникации – трудно восстановить не только доверие, но и стремление понять другого. Нарушение структуры силлогизма наблюдаем и в «Светлых душах».

Пример.

– Я давеча примерила - как влитое сидит!

– Взять это полупальто. Чего думать?

– погоди ты! Разлысил лоб... Денег-то нету. А я вот что придумала: давай **продадим** одну овечку! А себе ягненка возьмем...

– Правильно!

– Что правильно?

– Продать овечку.

– Тебе хоть все **продать**.

Противоречие в собственных суждениях служит возникновением непонимания со стороны собеседника.

Ложный сигнал непонимания может послужить средством создания коммуникантом ситуации мнимого непонимания.

Пример.

– *Слышал, как я выступал? Как, по-твоему?*

– *По-моему, плохо.*

– *Почему плохо?* («Правда»).

Фраза персонажа (Аксеныча) *«Почему плохо?»* является ложным сигналом непонимания, о чем свидетельствует его внутренняя речь: *«Завидует, лысан! Сам не умеет выступать и завидует другим»*. Истинное намерение Аксеныча – скрыть свое понимание.

Таким образом, дифференцирующим признаком в определении коммуникативной структуры текста к какому-либо из типов ситуации непонимания (иллюзорное понимание, явное непонимание, скрытое непонимание, мнимое непонимание, намеренно созданное непонимание) является внутренняя речь персонажа, непосредственно речь персонажа, речь повествователя.

Взаимосвязь мотива понимания и мотива непонимания «работает» и на возникновение ситуации непонимания, и на возникновение ситуации понимания. Лингвистическая и экстралингвистическая база структуры ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина позволяет коммуникативной ситуации пребывать в движении. Динамическая основа структуры ситуации непонимания состоит из нескольких элементов. В диалоге может возникать коммуникативное влияние одного персонажа на коммуникативное сознание другого. При этом происходит «перетекание»: из состояния ситуации непонимания в состояние ситуации понимания.

Пример.

«И так он хорошо улыбнулся, что Аксенов почему-то вдруг поверил: этот развернется» (мотив непонимания все еще присутствует: сигнал непонимания в речи повествователя: *«Что-то такое было у него припрятано про запас - и чувствуешь, но не понимаешь, что именно»*) («Правда»).

Риторическая уверенность Аксеныча в данном диалоге ослаблена.

Пример.

«И удивительное дело: сам он не поверил в то, в чем хотел убедить нового директора, и почувствовал фальшь в своем самонадеянном, ни на чем не основанном тоне» («Правда»).

Смена мотива понимания / непонимания происходит за счет возможности, появившейся у персонажа: посмотреть на себя со стороны, увидеть свою ситуацию глазами Другого. Осуществился первый и главный шаг к пониманию: само стремление понять.

Пример.

«Хотелось уже теперь досидеться до той поры, когда самому возможно будет взглянуть в них, в эти глаза, и чувствовать себя при этом спокойным и уверенным» («Правда»).

Наконец, динамика ситуации непонимания себя оправдывает – ситуация непонимания переходит в ситуацию понимания: *«Давно уже Аксеныч не говорил таких простых, хороших слов, давно уж не испытывал такого горячего участливого уважения к человеку»*(«Правда»).

Выделение среди объектов внутреннего мира (они же - сигналы, препятствующие пониманию) ценза «профессия» в качестве классификационного основания – не вполне адекватно исследованию «странности» персонажа в тексте В. М. Шукшина. Поэтому в качестве оценки уровня «странности» разумно выделить такой объект внутреннего мира как **«страсть к какому-либо виду деятельности»**. Данное основание подчеркивает потенциал личностного подхода к проблеме коммуникации в

тексте В. М. Шукшина. В первой главе настоящего исследования отмечены уровни понимания коммуникативной ситуации. В тексте В. М. Шукшина присутствуют все три уровня понимания (семантизированный, когнитивный и смысловой), однако в отличие от устной разговорной коммуникации - в художественном тексте писателя присутствует **сопряжение когнитивного и смыслового уровней понимания**. Причина состоит в том, что опыт персонажа (жизненный, языковой, чувственный) в художественном тексте говорит не только о его *знаниях*, но и о его *личностных*, в том числе - *коммуникативных характеристиках*. То, каким способом персонаж заявляет о себе, - составляет его речевой и поведенческий потенциал. Для определенного персонажа (или персонажей) характерен (но не обязательно) тот или иной тип сигнала непонимания и/или сигнала, препятствующего пониманию. Закономерность данного соотношения свидетельствует о наличии в текстах рассказов В. М. Шукшина *структуры* ситуации непонимания.

Разделение двух уровней понимания (когнитивного и смыслового) в тексте В. М. Шукшина возможно при условии наличия возрастного ценза в качестве основы коммуникативной структуры. Так, в рассказе «Солнце, старик и девушка» незнание каких-либо моментов ситуации и жизни в целом (когнитивный уровень) свидетельствуют не о личностных характеристиках девушки, а о принадлежности ее к молодому поколению.

Наоборот, в рассказе «Леля Селезнева с факультета журналистики» когнитивный и смысловой уровни (в котором присутствует личностный аспект как основной для текстов В. М. Шукшина) *сопряжены, несмотря на наличие возрастного ценза*. Незнание персонажем (Лелей) каких-либо фактов свидетельствует не о ее принадлежности к молодому поколению, (возрастной ценз), а о ее личностных коммуникативных характеристиках: невнимание, отсутствие коммуникативной гибкости, заключающейся в способности учитывать

ситуативные данные и верно их интерпретировать. Так же, как и в тексте рассказа «Правда», – в рассказе «Леля Селезнева с факультета журналистики» наблюдается динамика ситуации непонимания. Возникновение динамики происходит за счет пересмотра позиций объектов внешнего мира. Начальная интерпретация Лелей ситуации в тексте рассказа показывает следующее распределение объектов внешнего и внутреннего мира: *Леля и Аношкин* (объекты внутреннего мира) – *бригада* (объекты внешнего мира). В результате определенных событий в тексте, повлиявших на интерпретацию Лелей ситуации в тексте, – происходит пересмотр позиций, и структура ситуации непонимания имеет теперь следующие составляющие: *Леля и бригада* (объекты внутреннего мира) – *Аношкин* (объекты внешнего мира). Раскрытие личностного коммуникативного уровня персонажа в тексте В. М. Шукшина осуществляется посредством когнитивного уровня в коммуникации. Подобное наблюдается и в тексте рассказа «Страдания молодого Ваганова». Постоянная интерпретация персонажем своей ситуации, узнавание для себя все новых фактов о жизни и людях, его окружающих, – все способствует смене позиций в тексте и смене позиции в жизни самого Ваганова. Личностные коммуникативные характеристики персонажа даются в тексте в речевом аспекте, сопряженном с проблемой «слово-дело»: от длинного, искусственного по своей сути письма Ваганов переходит к коротким формулировкам и, в конце концов, решает вовсе ничего не посылать Майе, тем самым создав максимальный эффект в коммуникации для создания ситуации *понимания*. Объектом внешнего мира в структуре ситуации непонимания в тексте является письмо Майи, благодаря которому персонаж имеет возможность посмотреть на себя со стороны, оценить свою ситуацию в жизни и понять, что на самом деле он собой представляет. Оппозиция «слово-дело» в тексте полностью подтверждается речевым поведением персонажа, выбирающего дело и реальную жизнь.

Ситуация непонимания в тексте рассказа «*Экзамен*» характеризуется вторым – **когнитивным – уровнем понимания**, предполагающим совпадение/несовпадение опыта коммуникантов. Происходит перенесение (метонимия): понимание человека (студента) осуществляется за счет понимания его состояния (состояния человека в плену). Понимание состояния человека в плену достигается посредством обращения к разному опыту коммуникантов. Понимание профессором состояния человека, находящегося в плену, происходит посредством понимания профессором художественного образа князя Игоря, который в сознании профессора ассоциируется с образом студента. Для студента объектом понимания становится образ князя Игоря, состояние которого студент может соотнести со своим состоянием, таким образом, поняв частично образ князя Игоря, а далее – и состояние профессора, сопереживающего человеку, находящемуся в плену.

Динамика структуры ситуации непонимания осуществляется за счет смены мотива непонимания мотивом понимания. Сигналом, препятствующим пониманию, является здесь следствие **влияния коммуникативного сознания на поведения собеседника** (профессора): *«Студент вежливо улыбнулся. Положил билет. Разговор принимал совсем странный характер – он не знал, как держать себя»* [с. 35]. Вначале разговора оба собеседника боятся, что их настоящее состояние не будет понято: *«У профессора на лице отразилось сложное чувство – он как-будто нечаянно проговорился о чем-то весьма сокровенном и теперь ... опасался, что его не поймут...»* (с. 35). Но именно благодаря такому откровенному поведению ситуация непонимания обретает структуру ситуации понимания.

Мотив непонимания сменяется мотивом понимания в силу разрушения в тексте ситуации мнимого понимания:

Пример.

(Студент) – *Нет, почему... Мне кажется, я понимаю вас.*

(Профессор): *«Врет. Не хочет обидеть»* [с. 36].

Сигнал непонимания (речь повествователя): *«Повисла неловкая пауза. Два человека смотрели друг на друга и не понимали, что им, собственно, требуется сейчас выяснить»* [с. 36].

После сигнала непонимания, принадлежащего ситуации непонимания, следует сигнал непонимания, принадлежащий уже ситуации понимания (момент разрушения ситуации мнимого понимания): (Студент) – *«Я немного не понимаю, - осторожно заговорил студент, - причем здесь Подол?»* [с. 36].

Наблюдается характерная для образной системы текстов В. М. Шукшина закономерность давать в повествовании коммуникативные характеристики, проводя параллель образа персонажа с какой-либо исторической личностью. В тексте рассказа «Экзамен» таковой параллелью является «образ студента – образ князя Игоря». В тексте рассказа «Стенька Разин» существует параллель «образ Васеки – образ Стеньки Разина». Тождественность образов дается в тексте в качестве элемента ситуации непонимания. И Васека, и Стенька Разин являются жертвами непонимания со стороны объектов внешнего мира. Странным образом непонимание и любовь в данном тексте дают положительный результат коммуникации (в отличие от отрицательного результата коммуникации в рассказах «**Классный водитель**», «**Степкина любовь**», имеющих обратную логику сопряжимых в тексте понятий «непонимание» и «любовь»: непонимание перерастает в нелюбовь). Напротив, в тексте рассказа «*Стенька Разин*» сопряжение двух понятий (непонимание и любовь) дает положительный результат коммуникации: непонимание усиливает любовь.

Пример.

(О Стеньке Разине): *«Он любил людей, но он знал их»* [с. 24].

(Васека): – *«Я все про людей знаю... На самом деле они меня любят. И я их тоже люблю.»*

В структуре ситуации непонимания данного рассказа объектом внутреннего мира является «талант понимать», который, однако, сопряжен с проблемой непонимания персонажем собственной жизненной функции: *«Он любил свои родные края, горы свои, Захарыча, мать... всех людей. И любовь эта жгла и мучила – просилась из груди. И не понимал Васека, что нужно сделать для людей. Чтобы успокоиться»* [с. 24]. Объект внутреннего мира «талант понимать» функционирует в контексте рассмотрения образа Стеньки Разина. Для сотворения произведения искусства персонаж должен окунуться в процесс понимания образа: *«Работа над Стенькой Разиным подвигалась туго»* [с. 23]. В результате заметно восприятие Васекой своего детища как живого человека: *«Чаще всего Захарыч засыпал тут же, в горнице. А Васека уходил к Стеньке»* [с. 24]. В тексте данного рассказа ситуация непонимания имеет в своей структуре **семантизированный уровень** понимания, выражающийся в разной интерпретации (называния) предметов – результата деятельности Васеки. Для объектов внешнего мира (кузнеца и других) – это «куклы».

Пример.

(Кузнец) – *Ты скажи мне: **какая тебе польза**, что ты смолокура вырезал? Это же все-таки кукла.*

(Васека) – *Я нервничаю, когда так говорят.* [с. 22].

Причина непонимания кроется в разных аспектах восприятия предметов своего труда: кузнец переносит прагматическую функцию своих предметов (подков) и в область творения предметов Васеки, где **прагматическая функция** не имеет силы. Сигналом, препятствующим пониманию, является клишированное восприятие, взгляд со своей колокольни, в котором главное препятствие – «индивидуальный контекст» коммуниканта (кузнеца). Ср.: *«Кузнец вернул Васеке смолокура. – Похожий. – Это что! – воскликнул Васека, заворачивая смолокура в тряпку. – У меня разве такие есть! – Все смолокуры? (= Все подковы?).»*

Предметы Васеки носят *эстетическую функцию*. Способность к эстетическому восприятию есть лишь у Захарыча: (после просмотра композиции, сделанной Васекой):

– Ну как, Захарыч?

– Это... Никак. – Захарыч сел на лавку и заплакал горько и тихо. – Как они его ... а? За что же они его?! За что? Гады они такие, гады. – Слабое тело Захарыча содрогалось от рыданий. Он закрыл лицо маленькими ладонями» [с. 25].

Молчание как средство выражения коммуникативного намерения может быть и сигналом непонимания, и сигналом, препятствующим пониманию. Так, в рассказе «**Экзамен**», частые паузы, молчаливые взгляды свидетельствуют о дискомфортной, напряженной атмосфере разговора, **способствующей возникновению непонимания**: «Некоторое время смотрели друг на друга» [с. 32]; «Они минуту молчали» [с. 33]; «Минута была глупая и тяжелая» [с. 33]; «Помолчали. Немножко дольше, чем требуется для беседы на такую тему» [с. 34]; «Замолчали. Студент все глядел в злополучный билет» [с. 35]; «Повисла неловкая пауза. Два человека смотрели друг на друга и не понимали, что им, собственно, требуется понять» [с. 36]; «Долго после этого молчали - отходили» [с. 36]. **Молчание может быть сигналом непонимания**. Так, в рассказе «**Ленька**» - молчание сопровождает само описание ситуации непонимания, являясь свидетельством такового: «Из кино шли молча. Ленька был доволен молчанием. Ему не хотелось говорить. Да и идти с Тamarой уже тоже не хотелось. Хотелось остаться одному» [с. 74].

Часто в тексте рассказов В. М. Шукшина **молчание имеет функцию скрыть сигнал непонимания**: в рассказе «Игнаха приехал» внезапно стихший разговор Васьки и отца при появлении Игнатия контрастирует с бурным обсуждением проблемы непонимания и недовольства Игнатием со стороны отца до появления Игнатия: «Когда Васека вышел на берег, они о

чем-то негромко и горячо заговорили. Отец доказывал свое, даже прижимал к груди руки, Васька бубнил свое. Когда Игнатий доплыл к ним, они замолчали» [с. 152]. Экспликация сигнала непонимания присутствует далее в тексте в речи Васьки:

(Игнатий) – *Чего он? – Игнатия не на шутку встревожило настроение отца.*

(Васька) – *Так ... Ждал тебя долго. Сейчас пройдет. Песню спой с ним какую -нибудь. – Васька улыбнулся.* [с. 153].

В структуре художественного текста В. М. Шукшина функционируют элементы коммуникативной ситуации, которые влияют на исход и характер протекания беседы. В данном случае речь идет о *событийности*. Даже на поверхностном уровне рассмотрения текста (названия) заметна важность некоторого события, на котором все строится. Ср. названия рассказов: «Как помирал старик», «Случай в ресторане», «Операция Ефима Пьяных», «Нечаянный выстрел», «Игнаха приехал», «Как зайка летал на воздушных шариках» и др. Какая-либо экстренная ситуация (в эстетическом смысле - не в прагматическом) может нарушить привычный ход событий. В тексте функция события заключается в возможности коммуникативной ситуации переходить в разные ее типы: коммуникативная ситуация может стать в тексте ситуацией непонимания; в свою очередь, ситуация непонимания может стать ситуацией понимания (динамический ее аспект).

Сигналом, препятствующим пониманию является в текстах В. М. Шукшина и такой объект внутреннего мира, как **«профессионал / дилетант»**. В рассказе «Артист Федор Грай» данная коррелятивная пара функционирует в личностном аспекте смыслового уровня понимания. Наблюдается своего рода «перевертыш» в системе означивания формы и значения: профессионал оказывается некомпетентным в вопросах искусства (режиссер и сценарист пьесы), в то время как дилетант (в данном случае актер-любитель) показывает себя профессионалом (Федор Грай). В силу

названного факта активное начало в тексте (*Грай*) актуализируется, пассивное - нейтрализуется (*Играй*).

Сигналом, препятствующим пониманию, может быть в тексте и такой объект внутреннего мира персонажа, как **«моделирование ситуации»**. В тексте рассказа «Воскресная тоска» персонаж-писатель желаемое выдает за действительное, в результате чего возникает эффект обманутого ожидания, работающий на возникновение ситуации непонимания в тексте. В данном случае речь идет о композиции «рассказ в рассказе». Таким образом, на уровне структуры текста функционирует структура ситуации непонимания. «Рассказ – 1» (понимание между персонажами – Сергеем и его девушкой (желаемая ситуация)) и «рассказ – 2» (непонимание между данными персонажами (реальная ситуация)) создает в тексте В. М. Шукшина ситуацию непонимания на уровне структуры текста. При этом в тексте сохраняется корреляция «понимание/непонимание». Ситуации в «рассказе – 1» и «рассказе – 2» характеризуются разными сигналами, препятствующими пониманию. В первом случае таковым сигналом является **молчание** Сергея: *«Если бы я описывал эту сцену, я бы, конечно, влетел сюда и «шалый ветерок» и шелест листьев. Ничего же этого нет! Есть, конечно, но не в этом дело. Просто идут по аллейке двое: парень и девушка. Парень на редкость длинный и нескладный. Он молчит. Она тоже молчит, потому что он молчит. Молчит, как проклятый. Молчит, потому что у него отняли его логарифмы, кнд ... Молчит, и все»* [с. 85]. Во втором случае сигналом, препятствующим пониманию, является **«застенчивость» как объект внутреннего мира персонажа**. На речевом уровне сигналом непонимания в данном случае является **использование** персонажем **косвенного речевого акта**: *«Он любит эту маленькую опрятную головку, любит тихо, упорно и преданно. И не говорит ей об этом. А она какая-то странная: не понимает этого. Сидят часами вместе, делают расчет какого-нибудь узла двигателя внутреннего сгорания. Серезу седьмой пот прошибает – волнуется,*

оглобля такая. Не смотрит на девушку – ее зовут Лена, – орет, стучит огромным кулаком по конспекту: – Какой здесь кнд?!» [с. 83].

Своим поведением персонаж пытается не прямо, но косвенно открыться коммуниканту в своем чувстве. Данное поведение говорит не только о застенчивости персонажа, но и о его досаде на свою застенчивость, на то, что он не способен прямо высказать свои мысли и чувства. В данном случае можно даже говорить об **использовании персонажем ситуации непонимания в качестве возможности** хотя бы косвенно выказать свои чувства девушке (**частично реализовать коммуникативное намерение**).

Двойственность мотивов (понимания / непонимания) осложняется двойственностью структуры ситуации непонимания в тексте. Имеются в виду две линии взаимодействия следующих компонентов структуры (коммуникантов): (1) Сергей и Лена (характер коммуникации – мнимое (внешнее, ложное) непонимание); (2) Сергей и персонаж – писатель (результат коммуникации – понимание (с начальной позицией непонимания)). В коммуникации «*Сергей – Лена*» ситуацию непонимания создают *мнимые сигналы непонимания*.

Пример.

(Лена) – *Не кричи, Сережа!*

(Сергей) – *Как же не кричать, когда тут элементарных вещей не понимают!*

И далее идет речь автора-повествователя, свидетельствующий о мнимом непонимании: «*Я подозреваю, что она давно все понимает и сама тоже любит Серегу*» [с. 84].

Аналогичные результаты анализа текста «*Степкина любовь*»: внутренний контакт при отсутствии внешнего.

Семантизированный уровень понимания имеет место в рассказе «Классный водитель». Сигнал, препятствующий пониманию, способствует возникновению определенной расстановки в отношениях объекта

внутреннего мира (= Павел и Настя) и объекта внешнего мира (= Гена).

Данный сигнал присутствует в речи Павла:

(Павел) – *Сыграем в пешки?*

(Гена) – *В пешки? Может, в шахматы?* [с. 134].

В данном диалоге высказывание «Сыграем в пешки?» создает в тексте лексико-семантическую триаду понятия «игра в шахматы»: **шашки – шахматы – пешки**. При этом наблюдается три типа связи: антонимическая связь «шашки – шахматы», синонимическая связь «шашки – пешки» и метонимическая связь «шахматы – пешки». Ситуация непонимания возникает в результате несовпадения актуализированных значений для каждого из персонажей – коммуникантов. В речевом сознании Павла актуализируется синонимическая связь «шашки – пешки». В речевом сознании Гены актуализируется метонимическая связь «шахматы – пешки». На данной контаминации смыслов построен принцип возникновения сигнала, препятствующего пониманию, в речи Павла. Далее следующий сигнал непонимания в речи Гены (– *В пешки? Может, в шахматы?*) основан на актуализированной антонимической связи («шахматы – шашки»), из чего и следует дальнейшее непонимание предложения Павла сыграть не в «пешки», не в шахматы, а в игру под названием «любовь» и посмотреть, кто выйдет победителем, а кто окажется пешкой. Скрытый намек Павла на игру именно в пешки – не вызывает адекватной расшифровки. В дальнейшем это выясняется: (1) на речевом уровне (Гена: «*Я проиграл*»); (2) на уровне структуры текста: Павел приводит Настю к Гене после ссоры и мирит их, являя этим свидетельство того, что Павел победил в этой игре прежде всего себя и тем самым показал пример благородства. Пешкой оказался Гена: человек, не способный вершить свою судьбу.

Многие мотивы текстов писателей русской и зарубежной классической литературы по-своему осмыслены В. М. Шукшиным (ср. его первоначальные варианты названий рассказов: «Отец Сергей» («Беспалый»); есть и простые

аллюзии («Страдания молодого Ваганова»)). Чеховская тоска и скука – непреодолима и в сибирской деревне 20-го века: *«Люди - по домам, в тепле. Разговаривают, обед налаживают, обсуждают ближних... Есть – выпивают, но и там веселого мало»* [«Верую!», с. 539]. Если Гриньку Малюгина «никакими уговорами нельзя было заставить работать в воскресенье» (физическая работа) [«Гринька Малюгин», с. 116], то для Максима («Верую!») необходимо было работать (работа души). Именно эту работу трудно, но необходимо выполнять героям В. М. Шукшина. Воскресенье отводится для работы души, для ее воскресения, очищения. Однако очищения не происходит, поскольку не происходит полного взаимопонимания собеседников. Пытаясь найти истину в слове Божиим, Максим неверно выбирает место общения, собеседника и «средство» общения: обычная бытовая изба соседа (не церковь), пьяный поп (*«такому не катилом махать, а от алиментов скрываться»* [540]) и алкоголь (не Библия). Явно просматривается искажение русской веры в советское время как средство создания ситуации непонимания. Мотив «in vino veritas» не срабатывает у В. М. Шукшина в положительном смысле. Комическая ситуация, пронизанная мотивом непонимания, создается за счет контраста возвышенного стиля проповеднических речей попа и его пьяным состоянием; контраста стилей слова персонажей и слова повествователя, строящего ситуацию в целом.

Пример.

– *Что такое Христос? Это воплощенное добро, призванное уничтожить зло на земле. Две тыщи лет он присутствует среди людей как идея - борется со злом.*

Илюха заснул за столом [«Верую!», с. 541].

Единение собеседников происходит только после обоюдного раскрытия, решающего высказывания персонажей (ср. «Экзамен»). В тексте

этот элемент структуры ситуации непонимания совпадает с кульминацией сюжета / композиции:

– *А куда бежим-то?*

– *На Кудыкину гору. Какая тебе разница – куда? Все в одну сторону – добрые и злые.*

– *Что-то я не чувствую, чтобы я устремлялся куда-нибудь, – сказал Максим.*

– *Значит, слаб в коленках. Паралитик. Значит, доля такая – скулить на месте.*

Максим стиснул зубы... Въелся горячим злым взглядом в попа.

– *За что же мне доля такая несчастная?*

– *Слаб. Слаб, как... вареный петух. Не вращай глазами.*

– *Попяра!.. А если я сейчас, например, тебе дам разок по лбу, то как?*

[«Верую», с. 544].

И далее (после конфликта): «Максим чувствовал, что тоже начинает любить попа» [с. 545]; оба собеседника (исключая третьего – Илью Лапшина, хозяина избы) спелись в буквальном смысле слова: «Когда Илюха Лапшин продрал глаза, он увидел: громадина поп мощно кидал по горнице могучее тело свое, бросая с маху вприсядку и орал, и нахлопывал себя по бокам и по груди:

Эх, верую, верую!

Ту-ды, ту-ды, ту-ды - раз!

Верую, верую!

М-на, м-на, м-на - два!

Верую, верую!..

А вокруг попа, подбоченясь, мелко работал Максим Яриков и бабьим голосом громко вторил:

У-тя, у-тя, у-тя - три!

Верую, верую!

*Е-тя, е-тя – все **четыре!*** [с. 545 - 546].

Введение третьего лица (прием, часто встречающийся в структуре ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина) организует диалогическое пространство текста, делает возможным представление контакта центральных персонажей более «выпуклым», ярким, театрально выраженным (влияние на В. М. Шукшина эстетики театра и кино). Исповедь превращается в вакханалию, обещающую на утро все расставить (а, вернее, оставить) на свои места: *«Илюха посмотрел-посмотрел на них и пристроился плясать тоже. Но он только время от времени тоненько кричал: «И-ха! Их-ха!».* **Он не знал слов»** [с. 546].

Непонимание персонажей на семантизированном уровне (« – *Опять перебиваешь! – Все. Больше не буду. Только ты это ... **попонятней говори. И не торопись***» [с. 542]), сменившееся пониманием, переходит в тексте на уровень непонимания (несовпадения) жизненных позиций (на смысловой уровень понимания (по Г. И. Богину)). И лишь затем непонимание сменяется пониманием, но понимание это происходит, скорее, на эмоциональном уровне. «Мозгового» осмысления ни собеседника, ни жизни - не происходит. Поп оказался прав: « – *Возможно, что мне, человеку, не дано и знать ее (высшую силу. – Ю. Л.), и познать, и осмыслить. В таком случае я отказываюсь понимать свое пребывание здесь, на земле. Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей больной душой пришел точно по адресу: у меня тоже болит душа. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это – океан. И стаканами нам его не вычерпать. И когда мы глотаем вот эту гадость... – Поп выпил спирт, промокнул скатертью губы. – Когда мы пьем это, мы черпаем из океана в надежде достичь дна. Но – стаканами, сын мой! Круг замкнулся – мы обречены»* [с. 542].

Понимание все же осуществляется именно потому, что собеседники находятся на равных: внешне социальный статус различен (поп и простой

обыватель), но в диалоге выясняется, что поп – такой же обыватель, как и Максим, разбирающийся несколько больше в философии жизни (« – Ты какой-то интересный поп. Разве такие попы бывают? – Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо» [с. 542]).

В целом в текстах рассказов В. М. Шукшина заметен мотив неудачной попытки коммуникации с воплощением образа церкви (священники, попы, иконы, храм и т. д. («Мастер», «Верую» и др.)). Так, в «Мастере» – поп Герасим, к которому обращается Семка Рысь с просьбой отреставрировать старую церковь, отправляет Семку к «светскому» человеку, зная, что будет отказ (« – А пока ты будешь ехать, я ему позвоню, – он уже будет знать, что к чему, примет тебя» [с. 504]). Создается впечатление, что церковь и атеистическая контора – одного поля ягоды. И Семка это понимает, но все еще оставляет шанс Советской власти: «Он решил, что действительно лучше иметь дело с родной Советской властью. Эти попы темнят чего-то... И хочется им, и колетса, и мамка не велит» [с. 505]. Однако степень разочарования переходит все ожидаемые границы: (ответ работника облисполкома) «Как памятник архитектуры ценности не представляет, так как ничего нового для своего времени, каких-то неожиданных решений или поиска таковых автор здесь не выказал. Более или менее точная копия владимирских храмов» [с. 508]. И далее: «С тех пор он (Семка. – Ю. Л.) про талицкую церковь не заикался, никогда не ходил к ней, а если случалось ехать талицкой дорогой, он у косогора поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, курил и молчал» [с. 509]. Церковь не представляет ценности ни для представителя Советской власти, ни для представителя Института церкви, интересующегося больше собственным благосостоянием, нежели благосостоянием души русского народа («Семка, когда уходил от митрополита, отметил, что живет митрополит – дай бог! Домина – комнат, наверно, из восьми... Во дворе «Волга» стоит. Это неприятно удивило Семку» [с. 505]). **Образ церкви**, понимаемый как образ

веры в светлость души человека – разрушился в сознании героя В. М. Шукшина. Таким образом, можно говорить об образе церкви как об элементе структуры ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина.

Виды объектов внутреннего мира в тексте рассказов В. М. Шукшина (странность, абсурдность, непредсказуемость и др.) выражаются в конкретном поступке и высказывании персонажа и объясняются такой обязательной категорией художественного текста, как немотивированность.

Немотивированность в тексте В. М. Шукшина может иметь функцию создания комического (персонаж вдруг раскрашивает коляску малыша («Чудик»); персонаж использует неожиданные вопросы в адрес собеседника, вопросы компрометирующего характера («Срезал», «Штрихи к портрету»).

Немотивированность в тексте В. М. Шукшина может иметь функцию создания трагического (самоубийство как крайняя форма результата непонимания персонажа и окружающих, и своего собственного мира, и мира вообще («Сураз», «Жена мужа в Париж провожала»).

Немотивированность в тексте В. М. Шукшина может иметь функцию создания трагикомического (персонаж неожиданно вскакивает на загривок собеседнику, для которого данный поступок является некоторой дикостью: внешняя комичность, внутренняя трагичность («Свояк Сергей Сергеевич»). Названные виды функций в данном случае распространяются на способ раскрытия мотива непонимания.

В текстах рассказов В. М. Шукшина часто **сигналом, препятствующим пониманию, является конфликт персонажа с собственным внутренним миром, с самим собой**. В данном случае имеет значение непонимание собственного назначения в жизни, смысла своего существования (« *И не понимал Васека, что нужно сделать для людей. Чтобы успокоиться*» («Стенька Разин»); неудачная попытка самоубийства («Нечаянный выстрел»); часто **процесс написания письма и чтение его** является средством раскрытия в тексте мотива понимания/непонимания

мира и себя самого («Письмо», «Страдания молодого Ваганова», «Дядя Ермалай»)).

Песня как средство сближения собеседников в текстах В. М. Шукшина) также является элементом структуры ситуации непонимания, функционирующим в качестве элемента не только сближающего, дающего шанс понять друг друга, но и в качестве сигнала, препятствующего пониманию.

Пример.

– *Чего это он? – Игнатия не на шутку встревожило настроение отца.*

– *Так... Ждал тебя долго. Сейчас пройдет. **Песню спой с ним какую-нибудь.** – Васька улыбнулся.*

– *Какую песню? **Я их перезабыл все** [«Игнаха приехал», с. 153].*

Тексты рассказов В. М. Шукшина наполнены амбивалентностью понятия «понимание / непонимание». **Ситуация понимания часто является приемом усиления непонимания в тексте.** Краткий миг понимания часто свидетельствует о непонимании как норме в коммуникации персонажей, при этом наивысшей точкой конфликта является именно понимание как аномально возникающее явление («Одни»).

Наряду с любовью как высшим способом понимания, в текстах рассказов В. М. Шукшина функционирует и такой объект внутреннего мира как «умение прощать» – **понимание как прощение.** В данном случае речь может идти о смысловом уровне понимания (по Г. И. Богину), когда персонажи общаются, находясь в разных информационных полях («Вянет, пропадает», «Сапожки»).

Пример.

– *Вообще что жизнь? – громко заговорил он. – Все кончится – и все! – Он глядел на женщину – ждал, что она поймет его . – Ну, сделаем мы какое-то свое дело, то есть будем стараться!.. – Художник досадно*

поморщился – слова были глупые, мелкие. – Черт возьми!.. Ты понимаешь? Ну, сделаем – ну и что? А всю жизнь будем себя за горло держать! Такие уж ... невозможно хорошие мы, такие уж ... А посмотри - лес, степь, небо ... Все истомилось! Красотища! Любить надо, и все! Любить, и все! Все остальное – муть. – Но как будто спорил с кем, доказывал – говорил запальчиво, взмахивал рукой ... И смотрел на женщину. Ждал.

Она внимательно слушала. Она хотела понять. Мужчина тронул ее за руку.

– Ну, что смотришь? Не понимаешь меня? – Положил руку на ее мягкое плечо, хотел привлечь к себе.

Женщина резко вывернула плечо, в упор, до обидного спокойно, просто – как по лицу ударила – глянула на него. Сказала чужим резким голосом:

– Понимаю. – И отвернулась («Кукушкины слезки»).

Женщина остается в информационном пространстве философских рассуждений собеседника, в то время как сам собеседник, задавший философскую линию, переходит на уровень личного (и даже физического) контакта. Желание женщины понять философию собеседника осуществляется средствами философскими; желание же мужчины быть понятым осуществляется жестовыми средствами – средствами перехода с философского уровня на уровень физиологии. Женщина, заметившая этот резкий переход, отвечает на вопрос «*Не понимаешь меня?*», заданный еще в рамках философского информационного поля, – «*Понимаю*», – уже имея ввиду физиологический уровень, на который перешел ее собеседник. Тем не менее в результате происходит непонимание, поскольку для мужчины осуществляемые им жесты не являются ни намеком, ни оскорблением (каковыми они являются для женщины), поэтому мужчина все же не понимает обиды женщины, но, тем не менее, сожалеет, что обидел ее («*– Вы это ... извините меня. Наговорил я тут, самому тошно*» [с. 267]). Понимание как прощение выражается в тексте в речеповедении женщины: «

– *Ничего, – сказала она, и уголки губ ее дрогнули в насмешливой, но какой-то очень доброй, необидчивой улыбке. – И лес, и поле – все в ход пошло?»* [с. 267]. В названном тексте также функционирует **молчание на как сигнал непонимания** (ср. рассказ «Экзамен»).

Часто в структуре ситуации непонимания функционирует в качестве результативного элемента **«коммуникативное самоубийство»** («Вянет, пропадает», «Боря»). Имплицитный характер коммуникативной структуры выражается в сознательном нежелании персонажа идти на открытый вербальный контакт. В данном случае речь идет о типе взаимодействия «отсутствие внешнего и внутреннего контактов» (по К. Э. Штайн), при котором оба собеседника знают, что сигналов понимания лучше не подавать друг другу, поскольку понимание не приведет к эффективному результату. Так, в тексте рассказа «Вянет, пропадает» одно из свидетельств выше сказанного является поведение матери Славки: *«Здравствуйте, Владимир Николаевич, - приветливо откликнулась мать. Славка перестал было играть, чтоб поздороваться, но вспомнил материн наказ - играть без передыху, кивнул дяде Володе и продолжал играть»* («Вянет, пропадает»). Для создания отсутствия какого-либо внешнего контакта, женщина использует поведенческий ход: переводит внимание и тему диалога на сына. Свидетельством намеренного нарушения контакта с пришедшем мужчиной в коммуникативной ситуации является внутренняя речь Славки, выраженная в тексте в слове повествователя: *« – Я говорила с ихнем учителем-то: шибко, говорит, способный». Когда говорила?! О, боже милостивый!... Что с ней?»*; *« – Все играешь, Славка? – спросил дядя Володя. – Играет! – встряла мать. – Приходит из школы и начинает – надоело уж... В ушах звенит». Это была несусветная ложь; Славка изумлялся про себя»* [с. 270]. Поведение женщины имеет свое объяснение: лучше идти каждый раз на «коммуникативное самоубийство», чем начинать разговор, в котором первый шаг должен сделать мужчина. **Скрытое понимание** (а внешнее

непонимание) обретает характерное постоянство, поскольку в диалоге нет смелых, решительных фраз, способствующих возникновению открытого понимания. Отсутствие открытого разговора сопровождается в тексте В. М. Шукшина наличием скрытого понимания: *«Мать смотрела на дядю Володю с таким выражением, как будто ждала, что он вот-вот возьмет и скажет что-то не про телевизор, не про софу, не про медвежью шкуру - что-то другое»*; *« – Руль, – с досадой сказала мать, глядя в окно. – Чего ходит?.. – Тоска, – сказал Славка. – Тоже ж один кукует. Мать вздохнула и пошла в кухню готовить ужин. – Чего ходить тогда? – еще раз сказала она и сердито чиркнула спичкой по коробку. – Нечего и ходить тогда. Правда что Гусь-Хрустальный»* («Вянет, пропадает»). Проблема понимания обретает судьбоносный характер: понимать то, что с тобой происходит и никак не изменять ситуацию. И это не проявление слабости, напротив: глубокое понимание обстоятельств. Свобода, заключающаяся в несвободе поступка. В этом состоит парадоксальность шукшинского персонажа, находящегося в ситуации непонимания: понимающий человек обречен на бездействие, приводящее в одном из случаев к самоубийству - коммуникативному или физическому (ср. в тексте рассказа «Боря» коммуникативное самоубийство становится сигналом понимания в противовес сигналу непонимания в речеповедении объекта внешнего мира («гориллы»)).

Пример.

*Как-то горилла зашел в нашу палату, хохочет. – Этот, дурак ваш ... дал ему сигарету: ешь, говорю, сладкая. Всю съел! – Мы молчали. Когда вот так является хам, крупный хам, и говорит со смехом, что он только что сделал гадость, то всем становится горько. **И молчат. Молчат потому, что разговаривать бесполезно*** («Боря»).

В целом проблема определения роли молчания в общении как средства осуществления коммуникативного намерения имеет довольно многогранную перспективу решения. Молчание в тексте В. М. Шукшина имеет статус и

сигнала, препятствующего пониманию, и статус сигнала непонимания, а также статус сигнала понимания. В связи с этим для размышления актуальна следующая мысль: «Доверившись прочно укоренившемуся в нас предрассудку о «разговоре по душам», якобы приводящем людей к взаимопониманию, мы с таким простодушием говорим и слушаем друг друга, что в конце концов окончательно перестаем друг друга понимать, во всяком случае меньше, чем если бы, молча, пытались угадать мысли другого» [Ортега-и-Гассет 1991: 451].

Одна из функций ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина - функция раскрытия сути характера собеседника, уровня его коммуникативного сознания и поведения («Хмырь»). Неоднозначная оценка личности персонажа со стороны повествователя выражается в тексте В. М. Шукшина в изменении позиций при расстановки во взаимоотношениях объектов внешнего и внутреннего мира (отсюда – можно утверждать, что таковая противопоставленность - ситуативная, она имеет непостоянный характер и создает динамику в структуре ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина). Начальная позиция «ОВнешМ (= **Хмырь**) – ОВнутрМ (= пассажиры автобуса)» (ср.: *«Хмыря уже ненавидели в автобусе»*) в результате коммуникативного процесса в тексте меняется на следующую: «ОВнешМ (= **огромный мужчина**) – ОВнутрМ (= пассажиры автобуса)» (ср.: *« – Черт возьми!.. – с досадой, тихонько сказал старичок-ревматик огромному соседу. – А теперь его жалко. – Кого? – не понял сосед. – Да вон его ... в шляпе»* («Хмырь»). Меняется оценка сознания и поведения личности персонажа: «Хмырем» теперь становится «огромный сосед», не понимающий, что он собственно, натворил (*«Большой мужчина ничего не сказал. Посмотрел на курносого Хмыря, потом - осторожно назад... Пожал плечами. Он ничего не понял. И стал опять смотреть в окно – на пейзаж»*).

Подобная ситуация наблюдается во многих рассказах В. М. Шукшина («Генерал Малафейкин», «Штрихи к портрету», «Срезал» и др.).

Часто повествователь помещает в тексте несколько видов ситуаций непонимания. Так, в рассказе «Билетик на второй сеанс» есть и скрытое понимание (между персонажами), и явное непонимание (самого себя, своего назначения и состояния (ср.: *«Тимофею не хотелось объяснять дураку-сторожу, отчего болит душа. Да и не понимал он. Сам не понимал»*), и параллельно идущие ситуация понимания и ситуация непонимания (за счет использования приема изменения позиций во взаимодействии (ОВнешМ – ОВнутрМ). В тексте совмещение двух противоположных ситуаций является средством создания эффекта неожиданности.

Пример скрытого понимания.

Пил со сторожем у себя на складе (он был кладовщиком перевалочной товарной базы) – не брало. Не то что не брало - легче не делалось.

- С чего эт тебя так? – притворно сочувствовал сторож Ермолай. Тимофей понимал притворство Ермолая, но все равно жаловался («Билетик на второй сеанс»).

Пример совмещения ситуации понимания и ситуации непонимания.

Понимание происходит со стороны Тимофея, намеренно создающего ситуацию непонимания для тестя – Николая Угодника (изменение позиций: а) «ОВнешМ (тесть) – ОВнутрМ (Тимофей)»; б) «ОВнешМ (Николай угодник) – ОВнутрМ (Тимофей)»). Тимофей использует ситуацию непонимания в целях осуществления своего коммуникативного намерения: *«Кому-нибудь так же бы вот спокойно, тихо наговорить бы гадостей»*. Свидетельством намеренно созданной ситуации непонимания Тимофеем является его спокойная реакция на сигнал **понимания** тестя, решившего прекратить игру (чуть было не поверив, что его зять (Тимофей) принимает его за Николая угодника): *«Тимофей глянул кругом .. И вдруг бухнулся в ноги старичку. И, стараясь тоже ласково, тоже кротко и благостно, сказал тихо: «Здорово, Николай-угодничек. Я сразу тебя узнал, батюшка»;*« –

Цыть! – зло сказал старичок. – *Ведь я и есть твой тесть, дьявол ты! Ворюга. Разуи глаза-то! Допился?* – **Тимофей, удовлетворенный**, поднялся с колен, отряхнул штаны и **спокойно и устало** сказал: – *Гляди-ка, правда – тесть. Тестюшка!*» (слова Тимофея): «*Прости за комедию-то. Прости великодушно*» («Билетик на второй сеанс»).

Повествователь создает инвариантную форму диалога при возможных вариантах прочтения (понимание / непонимание). Средствами создания инвариантности послужили называемые в тексте черты персонажа (тестя) (переменные: объекты внешнего мира).

Пример.

«Пришел он домой, а дома, в прихожей избе, склонившись локотком на стол, сидит ... Николай-угодник. По всем описаниям, по всем рассказам – вылитый Николай-угодник: белый, невысокого росточка, игрушечный старичочек. Сидит, головку склонил, смотрит ласково»;

«Угодник потрогал маленькой сморщенной ладонью белую бородку»;

«Цыть! – зло сказал **старичок**» («Билетик на второй сеанс»).

Однако в результате прочтения всего текста становится очевидным наличие иного – трагикомического эффекта. Пред нами – факт общения персонажа с Николаем-угодником, а по сути – диалог персонажа с самим собой о смысле своей жизни, и диалог неудавшийся. Средствами создания эффекта иллюзорного диалога с действительным Николаем-угодником служат в тексте В. М. Шукшина стилистические и лексические соответствия личности говорящего и его высказывания.

Пример.

«А ты веровал ли когда?»;

«Здорово испаскудился, – серьезно сказал Угодник»;

«Приворовываешь?» (стиль исповеди);

«Тимофей засмотрелся снизу в святые глаза Угодника» (ср. в тексте – о тесте: *«Угодник поморгал ясными глазами ... Опять засмеялся»*);

*«Да вот попроведать вас пришел, **окаянных**».*

Однако намерение свое – «нагадить» другим – персонаж не смог осуществить, поскольку довольно быстро вживается в роль и теряет контроль над ситуацией, созданной им же самим: *« – Пьяненький? – А – есть маленько! – с отчаянной какой-то веселостью, с любовью продолжал Тимофей».* Ситуация понимания повлияла на ситуацию непонимания, и средством данной трансформации в тексте стал «незапланированный» диалог Тимофея со святым.

Один из объектов внутреннего и внешнего мира (сигнал, препятствующий пониманию) – это **пол коммуниканта**.

Ситуация непонимания не случайное образование в тексте В. М. Шукшина, а закономерное, оно имеет свои функции и структуру. Параметров, определяющих характер составляющих элементов структуры ситуации непонимания, может быть несколько. В первую очередь, это личностные коммуникационные черты субъектов коммуникации (что и порождает непонимание между персонажами), а также характер и результат взаимодействия коммуникантов. Личностный аспект рассмотрения коммуникации персонажей основывается на позиции самого В. М. Шукшина: *« <...> для меня «проблема языка» возникает именно потому, что – люди очень разные»* [Шукшин 1981: 148].

«Невидимым», но основным сводящим элементом структуры ситуации непонимания является причина непонимания. Причин может быть несколько, но все они проистекают из личностных черт коммуникантов и характера их взаимодействия. Одной из коммуникативных черт является пол коммуниканта. Думается, что разделение субъектов коммуникации по половому признаку имеет определенные основания. Сам В. М. Шукшин отмечал в своих записях: *«Эпоха великого наступления мещан. И в первых рядах этой страшной армии – женщины. Грустно, но это так»* [Шукшин 1999: 584]. Разумеется, данное разделение коммуникантов на мужчин и женщин не

суть важное, однако как структурообразующий компонент это разделение имеет заметное значение. Известно явное расхождение не только в психологии восприятия мужчины и женщины, но порой и абсолютное несовпадение коммуникативных намерений, целей и средств, используемых мужчиной и женщиной в речи [Таннен 1996].

Проблема речевой коммуникации «мужчина – женщина» имеет у В. М. Шукшина не столько прагматический, сколько философский аспект. В. М. Шукшин постоянно сталкивает мужское и женское коммуникативное сознание, поскольку хочет, чтобы осуществилось единение, чтобы персонажей покинуло чувство одиночества. Но единения не происходит. И это не вина, а беда коммуникантов. Э. Фромм в одной из своих работ называет творческую деятельность одним из средств достижения единения: «В процессе любой творческой деятельности творец сливается со своим материалом, представляющим внешний мир» [Фромм 2001: 87]. Понимание Другого возможно, когда возможно на минуту посмотреть на мир «Другими» глазами, потом вернувшись вновь к своему ракурсу видения. У В. М. Шукшина творческая деятельность, напротив, приобретает в тексте черты негативного явления, разрушающего саму возможность понимания между мужчиной и женщиной. Дело в том, что именно творческая деятельность персонажа-мужчины позволяет ему окунуться в свой внутренний мир, в то время как внешний мир для него перестает существовать, а вместе с ним и женщина. Но женщина женщине рознь. В русской философии известна амбивалентность феминного. Причем данная двойственность понятия «женщина» получило отражение в оппозиции «добрая жена – злая жена», широко распространенная в дидактической литературе еще со времен «Повести временных лет». Более того, в древнерусской философии, как напоминает в своей работе О. В. Рябов, «женственность была представлена как Евой, погубившей человечество, так и Марией, даровавшей жизнь Спасителю» [Рябов 1999: 19]. В шукшинском тексте представлен и

негативный образ Евы (молодой современницы писателя: «Жена мужа в Париж провожала», «Раскас», «Ленька» и др.), и образ непорочной Девы Марии (женщины-матери, излучающей свет: «Далекие зимние вечера», «Вянет, пропадает» и др.).

Однако раскрашивание текста в черно-белый цвет не характерно для В. М. Шукшина. Из его рабочих записей: «Во всех рецензиях только: «Шукшин любит своих героев... Шукшин с любовью описывает своих героев...» Да что я, идиот, что ли, всех подряд любить?! Или блаженный? Не хотят вдуматься, черти. Или – не умеют. И то и другое, наверно» [Шукшин 1999: 581]. Поэтому следует сказать и о нейтральных персонажах-женщинах – о девушках до-школьного и после-школьного возраста, которые еще и не укоренившиеся в жизнь женщины-Евы, и не накопившие еще достаточно тепла женщины-Девы Марии (ср.: «Материнское сердце» (Таля), «Леля Селезнева с факультета журналистики» (Леля), «Солнце, старик и девушка» (девушка-художница)).

На наш взгляд, есть смысл рассматривать женщин в тексте В. М. Шукшина как персонажей в определенном аспекте: в функциональном (мать), в функционально-социальном (замужняя женщина), в возрастном (девочка, девушка, женщина, пожилая), в социально-родовом (сноха, сестра, свекровь, теща), в интенциональном (цель и смысл в жизни: самовлюбленная, влюбленная, богоискательница, независимая).

Данное дробление имеет непосредственное отношение к коммуникативному поведению женщины и мужчины в процессе их общения.

Проблема коммуникации полов осложняется у В. М. Шукшина проблемой взаимодействия поколений внутри мужской, внутри женской «братии», а также внутри их содружества.

Анализ коммуникативной ситуации типа «мужчина-мужчина» обнаружил интересные результаты. Так, коммуникация деда и внука - это понимание как норма («Солнце, старик и девушка», «Критики», «Демагоги»,

«Космос, нервная система и шмат сала»). Возникновение понимания между отцом и сыном носит ситуативный характер (при постоянном непонимании как норме): понимание между отцом и сыном возникает при наличии объекта внешнего мира, стоящего в оппозиции по отношению к ним обоим. В рассказе «И разыгрались же кони в поле», например, таковым объектом становится служащий ВДНХ. Коммуникация ровесников характеризуется непониманием как нормой («Свояк Сергей Сергеевич», «Одни» и др.). В результате оказывается видна закономерность в характере коммуникации мужчин: чем меньшая разница в возрасте, тем большая вероятность возникновения непонимания.

Коммуникация между поколениями женщин предположительно имеет следующий характер. Женщины могут общаться как родственницы. В этом случае «очная» коммуникация - неконфликтного характера, вследствие коммуникативной гибкости старшего поколения («Игнаха приехал»). «Заочно» же женщина-дочь агрессивна по отношению к женщине-матери («Жена мужа в Париж провожала»). Причем, агрессивность и конфликтная направленность коммуникации со стороны женщины-дочери является средством создания ситуации непонимания в коммуникации женщины-дочери и мужчины-мужа (ср.: в рассказе «Жена мужа в Париж провожала» жена Кольки, Валя, провоцирует конфликт с мужем, используя в качестве средства реализации коммуникативного намерения свою агрессивность по отношению к женщине-матери (матери Кольки)).

Коммуникация между мужчиной и женщиной окрашена не столько проблемой взаимодействия поколений, сколько проблемой отношений влюбленных. В этом случае любовь либо как проверка на способность/неспособность понимать, и тогда в результате данного процесса коммуникации любовь-понимание трансформируется в любовь-непонимание, а затем в нелюбовь («Степкина любовь»). Либо любовь как

высший уровень понимания, и тогда результатом коммуникации становится душевный покой персонажа («Классный водитель»).

Таким образом, коммуникация типа «мужчина-мужчина», «женщина-женщина», «мужчина-женщина» в тексте В. М. Шукшина имеет определенную структуру взаимодействующих элементов, влечет за собой причины возникновения непонимания между персонажами и является основополагающим принципом создания ситуации непонимания, являющейся средством донесения художественной информации автором-повествователем. Коммуникативная ситуация типа «мужчина-мужчина» носит в тексте В. М. Шукшина философский характер, тогда как коммуникативная ситуация типа «женщина-женщина» характеризуется диалогом откровения, задушевной беседой, что, кстати, совпадает с фактами исследования коммуникации полов в жизненной реальности. Понимание в коммуникативной ситуации типа «мужчина-женщина» носит ситуативный характер при постоянном непонимании как норме.

Не следует забывать, что женщина в тексте В. М. Шукшина - член советского общества. Отсюда ее сложная натура, ее странные, неоднозначные поступки. Советская женщина в тексте В. М. Шукшина не может полностью осуществить себя адекватно своей функции: забота, спасение души ближнего, единение окружающих. Женщина В. М. Шукшина запуталась в истинных и ложных ощущениях своей сути. Мужчина же в тексте (также член советского общества) не в состоянии помочь «слабому полу» или же не хочет. Парадокс состоит в том, что мужчине такое положение и состояние женщины не выгодно: ему необходима в данной ситуации женщина в первоначальной сущности, женщина-мать, поскольку «русский мужчина от любви к женщине ждет не огненных страстей, но того же успокоения, что дает родина» [Рябов 1999: 294]. Но при этом — мужчине в тексте В. М. Шукшина легче сохранить свою первоначальную сущность в условиях несвободы: он уходит в свой мир и творит свои мечты. И кажется,

что ему не нужно никакого понимания со стороны женщины, он вполне самодостаточен, он занят любимым делом. Но в понимании нуждается каждый, и мужчина ждет его, не прилагая, однако для этого особых усилий. Возможно, потому, что устал, возможно, не хочет лишних скандалов. Но от этого в его душе не становится меньше места для любящей женщины или преданного понимающего друга. Итак, он довольствуется плодами своей страсти, будь то страсть к искусству театральному («Артист Федор Грай», «Миль пардон, мадам!»), пластическому («Мастер», «Стенька Разин»), художественно-ораторскому («Штрихи к портрету», «Воскресная тоска») или же просто страсть к технике («Светлые души», «Упорный»). И хранит в сердце образ матери-родины, дающей покой, который в тексте реализован и в качестве природы (белые березки), и в качестве материнской любви к сыну, и в качестве церкви – последнего пристанища для беспокойной души.

Персонаж-мужчина в тексте В. М. Шукшина мог бы выйти из своей скорлупы, если бы открылся и доверился в общении своей ровеснице, так как она способна разрушить состояние несвободы, в котором находится советский человек, поскольку «путь спасения России от тоталитаризма лежит в восстановлении значения вечно-женственного с его любовью, терпением, молитвой» (*что и воплощает в себе женщина-Дева Мария для персонажа В. М. Шукшина. – Ю. Л.*) [Рябов 1999: 235]. Но ровесница не сможет стать для персонажа полезным и интересным собеседником. Дело в том, что неблагоприятные поступки «злой жены» имеют под собой основания.

Первое – находится внутри самого текста: известное поведение является средством для выхода из своей ситуации, «ситуации второстепенного объекта» [Бовуар 1997: 724]. «Злая жена» гремит посудой на кухне во время «умного» разговора («Штрихи к портрету»), она не слушает беспокойные философские высказывания мужа («Думы»), она не дает ему заниматься любимым делом («Одни», «Светлые души»).

Второе основание исходит от повествователя. Он вполне сознательно и намеренно вводит в структуру коммуникативной ситуации образ «злой жены», и возникает ситуация непонимания, на самом деле необходимая персонажу как воздух: герой творит не благодаря, а вопреки. Таким образом, ситуация непонимания, возникающая в тексте, имеет конструктивную функцию (при деструктивной своей сущности).

В некоторой степени можно говорить о синтагмо-парадигматическом методе реализации художником своего коммуникативного намерения в общении с читателем. Повествователь создает целостное линейное образование (= ситуацию непонимания), извлекая из парадигмы (= мотив понимания) необходимые для этого средства. Таким образом, деструктивная сущность ситуации непонимания приобретает в тексте В. М. Шукшина смыслообразующую функцию, «работающую» на выражение художественной идеи.

Одним из продуктивных методов анализа структуры ситуации непонимания нам представляется метод, предложенный К. Э. Штайн. Автор называет три формы реализации диалога: «(1) диалог с наличием внешнего и отсутствием внутреннего речевого контакта; (2) диалог с наличием внутреннего (чаще всего невербального) и отсутствием внешнего контакта; (3) диалог с отсутствием внешнего и внутреннего контактов» [с. 90].

Таким образом, во втором разделе настоящей главы проведено функционально-эстетическое исследование структуры ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина на уровне микро-, макроситуации и на уровне текстовой ситуации в целом. На уровне микроситуации функционируют виды сигналов, препятствующие пониманию, и сигналы непонимания (на семантизированном, когнитивном и смысловом уровнях понимания (по Г. И. Богину)).

Сигналы, препятствующие пониманию, формируют причину непонимания в структуре ситуации непонимания. Сигналы,

препятствующие пониманию, в одном из случаев, представляют семантизированный уровень понимания в качестве сигналов риторического направления. Лингвистические и экстралингвистические средства диалога в тексте В. М. Шукшина «работают» на создание форм высказываний персонажей, с разной степенью намеренности и по разным причинам неточно выражающих мысль. В данном случае задействованы такие приемы, как нарушение логики в суждениях («Светлые души», «Психопат»), использование принципа игры слов («Срезал», «Классный водитель») и др. Функционально-эстетическая направленность изучения средств диалога текстов В. М. Шукшина позволяет относить такой элемент семантизированного уровня понимания как знание/незнание значения какого-либо слова (лексический аспект) к эстетически незначимым, если узнавание значения слова или выражения является самоцелью (ср. пример из разговорной речи: (взрослый – перед отъездом) – Присядем на дорожку. – (ребенок) – Не буду: здесь мокро и холодно (указывая на снег)). В художественном тексте подобные сигналы, препятствующие пониманию, как формирующий элемент структуры ситуации непонимания в преобладающем количестве – с функционально-эстетической точки зрения – незначимы, поскольку прагматическая направленность диалога в художественном тексте В. М. Шукшина преобразуется в эстетическую. Знание / незнание значения какого-либо слова со стороны коммуниканта в художественном тексте В.М. Шукшина не только создает (как сигнал, препятствующий пониманию) ситуацию непонимания, но и раскрывает персонажа-коммуниканта, характер его отношений с окружающими, а также способствует раскрытию художественной идеи. Молчание в тексте В. М. Шукшина имеет широкий спектр действий. Молчание как сигнал, препятствующий пониманию, может стать в тексте В. М. Шукшина таким риторическим ходом, как маневр умолчания: персонаж скрывает свое непонимание. В данном случае молчание как сигнал, препятствующий пониманию, функционирует на

семантизированном уровне («Игнаха приехал»). Однако молчание как сигнал, препятствующий пониманию, может находиться и на смысловом уровне понимания. В данном случае имеет место ситуация непонимания – вследствие дискомфортной атмосферы общения, создаваемой ситуацией молчания («Экзамен»). Молчание в тексте В. М. Шукшина может способствовать созданию ситуации непонимания, результат которой – коммуникативное самоубийство. Коммуникативное самоубийство как элемент структуры ситуации непонимания функционирует на смысловом уровне понимания и часто характеризует статичное положение вещей: коммуникативное самоубийство (добровольное молчание, бездействие) в тексте В. М. Шукшина создает эффект повторяемости и статичности ситуации («Вянет, пропадает», «Боря»). Заметное количество сигналов, препятствующих пониманию, **на неречевом уровне** в текстах В. М. Шукшина выражено в таких объектах внутреннего мира, как «пол», «возраст», «профессионал / дилетант», «склонность к суициду», «религиозность / атеистичность», «страсть к какому-либо виду деятельности», «застенчивость», «стремление к истине». Данные сигналы, препятствующие пониманию, функционируют на смысловом уровне понимания (наиболее глубоком уровне общения). Смысловой уровень понимания при исследовании ситуации непонимания в текстах В. М. Шукшина предполагает оперирование такими понятиями, как «индивидуальный смысловой контекст» и «личностный уровень общения». В связи с этим актуальна коммуникативная гибкость / негибкость как характерная черта персонажа, формирующая причину понимания / непонимания в коммуникативной ситуации в тексте В. М. Шукшина. Коммуникативная гибкость в текстах В. М. Шукшина проявляется в таком объекте внутреннего мира, как «умение понимать» («Стенька Разин»). Коммуникативная негибкость (или отсутствие коммуникативной гибкости) проявляется в таком объекте внутреннего мира, как «моделирование

ситуации» («Воскресная тоска»). Чаще всего сигналом, препятствующим пониманию, является конфликт персонажа с самим собой. Сигналы, препятствующие пониманию, как и сигналы непонимания могут быть представлены как в «слове персонажа», так и в «слове повествователя».

Сигнал непонимания – это элемент структуры ситуации непонимания, формирующий следствие непонимания. Однако сигнал непонимания в тексте В. М. Шукшина не всегда заканчивает коммуникацию персонажей: сигнал непонимания может функционировать на уровне микродиалога и даже положительно влиять на исход коммуникации (понимание). Таким образом, ситуация непонимания в тексте В. М. Шукшина – это коммуникативная структура, имеющая в своем составе **необязательный** компонент результативности «непонимание». Непонимание (сигналы непонимания) может способствовать возникновению понимания. И напротив, момент понимания в коммуникативной ситуации текста В. М. Шукшина часто усиливает «эффект непонимания». Динамичный аспект структуры ситуации непонимания раскрывается не только в способности типов ситуации непонимания (уровень макроситуации) сменять друг друга, но и в способности самих объектов внутреннего и внешнего мира взаимозаменяться («Леля с факультета журналистики», «Хмырь»). Динамика структуры ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина выражается и в способности ситуации переходить с одного уровня понимания на другой («Верую!»), а также сопрягать в себе уровни – когнитивный и смысловой («Леля с факультета журналистики»). Динамика структуры ситуации непонимания также «работает» и на уровне текстовой ситуации в целом (типы соотношений внешнего / внутреннего контактов (по К. Э. Штайн). Так, в рассказе «Кукушкины слезки» понимание сменяется непониманием вследствие перемены типов соотношения контактов: внутренний контакт между собеседниками нарушается за счет появления физического контакта

(тактильного), – в результате чего взаимодействие персонажей переходит на уровень «отсутствие внешнего и внутреннего контакта».

Интересно, что в текстах рассказов В. М. Шукшина **ситуация непонимания может иметь статус контекстно возникающей** (общение только что познакомившихся персонажей: «Кукушкины слезки»), **статус постоянной** (непонимание как норма: «Одни») и **статус прошлой** (осмысление диалога с собеседником из прошлого: «Страдания молодого Ваганова»).

2.3 Ситуация непонимания как организующее начало текста рассказа В. М. Шукшина «Штрихи к портрету»

В третьем разделе главы второй предполагается рассмотрение ситуации непонимания на текстовом уровне, поэтому закономерно обращение к предложению как к элементу текста В. М. Шукшина, функционирующему в качестве формирующего ситуацию непонимания.

2.3.1 Текст рассказа В. М. Шукшина «Штрихи к портрету» в аспекте синтагматики и парадигматики

Предложение, рассматриваемое нами в семантическом аспекте, – это синтагма в парадигме диалога персонажей в художественном тексте. Когда говорят о семантической структуре предложения, то имеют в виду, что «предложения, имеющие разную грамматическую организацию, но близкую семантическую структуру, в некоторых исследованиях рассматриваются как трансформы, т. е. преобразования одного в другое» [Шведова 1990: 395/2]. В зависимости от изменения парадигматических вариантов меняется и содержание синтагматического. В данном контексте предложение

функционирует в качестве трансформы. «Цементирующее» начало предложения выражается в том, что оно функционирует как сквозная линия, проходящая через заданные парадигмы (= разделы текста «Штрихи к портрету») и сохраняющая смысл при формальных и семантических вариациях. Под формальными и семантическими вариациями мы подразумеваем разные типы сигналов непонимания и сигналов, препятствующих пониманию, формирующих структуру ситуации непонимания. Иными словами, «значение, заложенное в образце, переносится в конкретное предложение и модифицируется в парадигме предложения, т. е. в разных его синтаксических формах ... Однако в конкретных предложениях на значение накладывается новое, иного качества значение, идущее от лексической семантики слов, заполнивших позиции в предложении» [Шведова 1990: 395/2]. Т. П. Ломтев отмечает, что метод преобразования вырастает «на основе признания синтагматических и парадигматических отношений» [Ломтев 1976: 200]. Если предположить, что ситуация непонимания представляет собой в некотором роде сверхфразовое единство, то **предложение** как принадлежность речевой коммуникативной ситуации, «входя в текст в качестве его структурообразующего компонента, вместе с другими единицами **организует соответствующее сверхфразовое единство** и соотносит его части с другим» [Шведова 1990: 395/3]. Предложение служит вестителем коммуникативной информации. По Т. П. Ломтеву, «предмет, который именуется предложением, есть некоторое информационное содержание или некоторая отдельная логическая валентность» [Ломтев 1976: 201]. При этом «одно информационное содержание может быть задано разными способами, например: *он обедал* и *он ел обед*» [там же, с. 201]. Понятие валентности в рамках нашего исследования как нельзя лучше объясняет структурно-семантические вариации предложения как «цементирующего» начала текста рассказа В. М. Шукшина «Штрихи к портрету». Нашему исследованию ближе концепция В.

Г. Гака, говорящего о «синонимических трансформациях, <...> которые не затрагивают общего смысла высказывания» [Гак 1998: 410]. Понятия «трансформация» и «синтагматическая валентность» [термин Засориной Л. Н. 1964: 102] связаны понятием «гибкость», определяющим степень готовности единиц к преобразованию. «Формируя высказывание, описывающее одну и ту же ситуацию, – пишет В. Г. Гак, – можно отбирать различные элементы этой ситуации, в связи с чем один и тот же отрезок внеязыковой действительности может быть обозначен при помощи высказываний, различающихся между собой в структурном и семантическом отношении» [Гак 1998: 411]. И в бытовой коммуникации, и в художественной – предложение является формой сообщения. Однако в бытовой коммуникации предложение может выступать только в качестве высказывания говорящего. В художественном тексте предложение представлено более широко: это и слово персонажа, и слово повествователя. Предложение в художественном тексте имеет возможность разворачивать смысл целого, – и в этом состоит его организующее начало. Проводя параллель с исследуемым текстом, состоящим из четырех разделов, будем иметь ввиду, что «смысл художественного произведения может быть понят из его сюжета, а сюжетная линия <...> выводится из содержания ведущих предложений сверхфразовых единств (= *ситуаций непонимания*. – Ю. Л.), находящихся на этой линии. Если содержание произведения построено на 2-х, трех и более сюжетных линиях (*в нашем случае таких линий четыре*. – Ю. Л.), то и общий смысл его может быть выведен из объединения содержания (*выделено мной*. – Ю. Л.) этих сюжетных линий» [Реферовская 1989: 158].

В настоящем параграфе предлагается лингвистический анализ художественного текста В. М. Шукшина «Штрихи к портрету» (В. М. Шукшин, 1980). Текст состоит из четырех разделов, обозначенных

следующим образом: 1. «О государстве»; 2. «О смысле жизни»; 3. « О проблеме свободного времени»; 4. Конец мыслям.

Основные понятия, определяющие контекст исследования художественного текста В. М. Шукшина «Штрихи к портрету»: предложение, синонимичные смысловые конструкции, микроситуация, макроситуация, текстовая ситуация, ситуация непонимания.

Внешним основанием утверждения синтезирующего начала четвертого раздела текста (4. Конец мыслям) может служить факт, касающийся способа подачи названия каждого из разделов. Название четвертого раздела не заключено в кавычки, также как и общее название (Штрихи к портрету). Оформление в кавычки предложений-названий первого, второго и третьего разделов текста отсылает к анализу коммуникативных позиций по отношению к сообщаемой информации.

Так, предложения-названия, помещенные в кавычки, - свидетельство субъектной позиции персонажа в коммуникативной ситуации: Князев выступает в качестве субъекта. Содержание первых трех разделов подтверждают это: Князев сам задает тему разговора (о государстве, о смысле жизни, о проблеме свободного времени).

Предложения-названия без кавычек – свидетельство объектной позиции персонажа: Князев выступает в качестве объекта коммуникации. Содержание четвертого раздела подтверждает это: Князев становится предметом насмешек и непонимания со стороны собеседников.

Внутренним основанием синтезирующего начала четвертого раздела текста «Штрихи к портрету» служит связующая функция предложений-синонимов внутри каждого раздела (первого, второго, третьего).

Предложение рассматривается в широком смысле, это – «любое – от развернутого синтаксического построения <...> до отдельного слова или словоформы – высказывание (фраза), являющееся сообщением о чем-либо и

рассчитанное на слуховое или зрительное восприятие» [Шведова 1990: 395/1].

Предложение является элементом текста, функционирующим в качестве «структурообразующего компонента» [Шведова 1990: 395/3]. Внутренним мотивом, объединяющим разделы текста «Штрихи к портрету», является мотив непонимания, выраженный в наличии структуры ситуации непонимания. Ситуация непонимания (с позиции нашего исследования) - динамическая система взаимодействия коммуникантов - объектов внутреннего мира и объектов внешнего мира, - в которой характер (степень проблемности) и результат (понимание / непонимание) данного взаимодействия зависит от коммуникативной гибкости говорящего и слушающего. Коммуникативная гибкость заключается в умении пользоваться вербальными и невербальными средствами как средствами донесения информации и адекватного ее декодирования. Коммуникативная гибкость зависит от уровня развития личности как коммуниканта. Ситуация непонимания в контексте исследования В. Л. Каракчиевой [Каракчиева 2000] имеет, с нашей точки зрения, статус макроситуации. По В. Л. Каракчиевой, текст имеет следующую структуру: «На вершине <...> находится текстовая ситуация, охватывающая содержание в целом, далее следуют макроситуации, выражаемые крупными отрезками текста, <...> на низшей ступени находятся микроситуации, соотносимые с отдельными предложениями или сложным синтаксическим целым» [Каракчиева 2000: 16].

Таким образом, ситуация непонимания в контексте нашего исследования, представляет собой некий медиум, соединяющий высший и низший уровни текста. Выражается это в том, что ситуация непонимания включает в себя микроситуации. Взаимосвязь ситуации непонимания с текстовой ситуацией выражается в том, что ситуация непонимания может

представлять из себя целый текст и как бы «накладываться» на текстовую ситуацию в целом.

Предложение как структурообразующий, «цементирующий» компонент текста функционирует на уровне микро-, макроситуации и на уровне текстовой ситуации.

Следует отметить актуальность анализа средств создания (внимание на авторский метатекст) и причин возникновения непонимания (внимание на межтекст персонажей). К средствам создания ситуации непонимания относится в том числе и композиционная структура диалогов, характеризующаяся цикличностью. Причины непонимания возникают в результате функционирования в тексте определенных средств коммуникации: вербальных и невербальных. Так, Л. М. Шелгунова, говоря о разного рода повторах как характерной черте диалогов текстов В. М. Шукшина, – приводит яркий для данного средства создания когерентности диалогических реплик пример: «пример прямого непонимания: – Ты от себя только? – Как от себя?-- не понял Семка. – Сам ко мне-то или выбрали да послали?» («Мастер»). [Шелгунова 2001: 124]. Данный факт подтверждает наше мнение о том, что повтор в коммуникативной ситуации текстов В. М. Шукшина является средством создания ситуации непонимания.

Предложения на уровне микроситуации функционируют как синонимичные конструкции внутри раздела. Так, в разделе втором («О смысле жизни») повторяемость синонимичных конструкций формирует цикличность композиционной структуры повествования, способствующую возникновению ситуации непонимания. Данная цикличность характеризуется особыми субъектно-предикатными отношениями внутри раздела, в которых субъект (предмет диалога), имеющий несколько предикатов (сообщений и подходов к предмету), не получает своего развития.

Пример.

а)– *Вы кто по профессии?*

– *Какое это имеет значение?*

– *Ну все же?*

– *Художник-гример.*

б)– *Вы в курсе дела, как насыпаются курганы?*

– *Причем здесь курганы?*

– *Ну, в кино-то видели же?*

– *Ну... допустим.* [Шукшин 1980: 167]

Синонимичные конструкции, функционирующие на уровне микроситуации, создают цикличность композиции раздела текста «Штрихи к портрету» и тем самым формируют макроситуацию: ситуацию непонимания.

Принцип функционирования синонимичных конструкций на уровне макроситуации – порождает аналогичное действие принципа и на уровне текстовой ситуации в целом (Штрихи к портрету). Предложения на уровне текстовой ситуации рассматриваются в структурно-семантическом аспекте: основные моменты сюжета поданы тождественными синтаксическими конструкциями, наполненными разным семантическим содержанием; при этом, однако, сохраняется общий для всех четырех разделов смысл. Можно назвать это своего рода структурно-семантическими вариациями. Парадигма предложения как понятие в данном случае является основой для подобных утверждений. Основой для построения структурно-семантических вариаций в нашем случае являются «узловые» моменты развития ситуации непонимания в тексте «Штрихи к портрету»:

- 1) начало развития ситуации непонимания (зачин);
- 2) представление собеседников в тексте (Объекты внутреннего и Объекты внешнего мира);
- 3) характер взаимоотношений коммуникантов;
- 4) результат взаимоотношений коммуникантов.

Для дальнейшего хода анализа обозначим разделы: Т1 (1. «О государстве»); Т2 (2. «О смысле жизни»); Т3 (3. «О проблеме свободного времени»); Т4 (4. Конец мыслям).

Зачины в разделах представлены следующими синонимичными конструкциями:

Т1: *В райгородок Н. приехали эти, которые по вертикальной стене на мотоциклах ездят* [Шукшин 1980: 157];

Т2: *Летом, в июле, Князев получил отпуск и поехал с семьей отдыхать в деревню* [с. 165];

Т3: *Как-то Николай Николаевич Князев был в областном центре по делам своей телевизионной мастерской* [с. 173];

Т4: синтезирующее начало четвертого раздела выражается в наличии «нулевого» зачина - отсутствии нормативной структуры зачина. Наблюдается своеобразный диалог текста раздела с названием раздела, ср.: 4. Конец мыслям (и далее идет текст): *Ну, может, не конец еще, но какой-то срыв целеустремленной души – тут налицо* [с. 179].

Представление собеседников друг другу происходит следующим образом (обозначим Князева как **А**, его собеседника как **В**).

Т1: представление **А** (оценка повествователя): *Вошел невысокий человек лет 45, голубоглазый, в галстук, усмешливый, чуть нахальный* [с. 157];

представление **В** (оценка повествователя): *Кайгородов, крепкий, красивый мужик, пожал руку гостя* [с. 157];

Т2: представление **А** (оценка со стороны самого собеседника): *Сильченко посмотрел на Князева, отметил его нездешний облик – галстук, запонки с желтыми кружочками* [с. 166];

представление **В** (оценка повествователя): *Приехал в то семейство – тоже отдохнуть - некто Сильченко, тоже зять, тоже горожанин и тоже несколько ушибленный общими вопросами* [с. 166];

Т3: представление **А** (оценка собеседника собеседником) (реплика молодого человека милиционеру): – *Он на меня начал говорить, что я блюю где попало* [с. 178];

представление **В а)** (оценка автора-повествователя): *Мужчина молодой и очень приветливый* [с. 173]; **б)** (оценка собеседника собеседником): *Князева обозлила спокойная уверенность, налаженность, с какой этот молодой дурак проделывал свою подлую операцию: булькал из бутылки в стакан* [с. 175];

Т4: синтезирующее начало отражено в том, что в четвертом разделе собеседники не нуждаются в представлении друг другу: они очень хорошо знакомы; однако это не снимает проблемы непонимания между ними, напротив, конфликт обостряется: (Князев) – *Разберись, Сергей Николаич: может, в твоей тыкве хоть полторы извилины есть* (с. 180); (Сергей Николаевич – Князеву): – *Поговори, поговори. Покричи. Вконец свихнулся?* [с. 180]; в Т4 налицо «нулевое» представление собеседников по причине их некоторого знания друг о друге; оценка же существует со стороны Князева, но по отношению ко всей ситуации: – *Спинозу ведут! Не видели Спинозу? Вот он – я! А сзади несут чявой-то про гасударство. Удивительно, да? Какой еще! Ишь чяво захотел!.. Мы-то не пишем же! Да? мы те попишем!* [с. 181].

В целом заметна динамика оценочных позиций. В Т1 дается автором-повествователем; в Т2 – собеседником; в Т3 – оценка также собеседником, но не в речи автора-повествователя, а в речи самого персонажа (подробней о сложной повествовательной структуре текстов В. М. Шукшина смотрите в работах Г. В. Кукуевой).

Характер взаимоотношений коммуникантов складывается из конкретного речевого поведения субъекта коммуникации – Князева. Его коммуникативное намерение заключается в создании проблемной ситуации, в условиях которой коммуникация получит непредсказуемый результат.

Князев достигает своей цели путем нарушения норм ведения коммуникации. Персонаж использует «легкие» придирки, он как бы «рубит с плеча». Т1: – *А номерок-то не очень, а?* [с. 157]; Т2: – *Поудить нету желания?* - (Князев) *Не люблю* [с. 174]. Т3: – *Примешь?... Полстакашка* – (Князев) *Не пью* [с. 174]. Персонаж использует вопросы тематического характера, идущие в разрез с настоящими интересами собеседника. Т1(вопрос спортсмену): – *Иконами интересуетесь?* [с. 157]. Т2 (вопрос художнику-гримеру): – *Вы в курсе дела, как насыпаются курганы?* [с. 167]. Т3 (философский вопрос задан электрику в ситуации отдыха в зоопарке): (Князев) – *Все, оказывается, просто ... с проблемой свободного времени? – Какого свободного времени?* [с. 174]. Т4: синтезирующее начало четвертого раздела выражается в том, что Князев сам становится жертвой своих вопросов-ловушек, в результате чего не справляется с ситуацией конфликта: *Все взорвалось в Князеве злым протестом, все вскипело волной гнева. Он закричал неприлично: – Дура! Дура ты пучеглазая!.. Что ты сидишь квакаешь? Что?! Ты хоть слово «государство» напишешь правильно? Ведь ты же напишешь «гасударство»!* [с. 179-180].

В результате анализа характера взаимоотношений коммуникантов становятся очевидными варианты взаимоотношений: в Т1 субъектно-объектные отношения (S – Князев, O – его собеседник); в Т2 объектно-субъектные (O – Князев, S – его собеседник); в Т3 равные позиции в отношении корреляции «гость / хозяин»: оба приехали из сел в областной центр, вследствие чего возможны варианты взаимодействия: субъектно-субъектные или объектно-объектные. В результате собеседники не хотят сближаться и становятся друг для друга чуждыми объектами, непонимающими друг друга. В Т4 субъектно-субъектные отношения, однако это выражается не в наличии понимания между собеседниками, напротив, в усугублении непонимания между ними. Непонимание создается за счет несоответствия внешнего сочувствия (и, следовательно, ложного понимания)

и действительного понимания Князева собеседниками: ... он (Князев. – Ю. Л.) уловил в ее глазах (глазах почтальониши. – Ю. Л.) то противное жалостливое участие, вполне искреннее, но какое особенно бесило Князева – опять он на него наткнулся [с. 179].

Результатом взаимодействия коммуникантов является непонимание вследствие создания конфликтной ситуации. Мотив непонимания выявляется посредством сигналов непонимания, которые свидетельствуют о том, что собеседник не понял другого собеседника. Т1 (слово персонажа) **В:** – *Да я и не обижаюсь... Но с другой стороны, я не пойму* [с. 158]. Т2 (слово повествователя): *Кайгородову теперь уж даже хотелось поскорей выйти отсюда с Князевым – понять, наконец, что это за человек и чего он хочет* [с. 159]. Т2 (слово персонажа) **В:** – *Не улавливаю* [с. 168]; – *Да я серьезно не понимаю!* [с. 169]; (слово повествователя): *Князев согласно кивал головой. Но ждал чего-то еще, а чего, Сильченко никак не мог опять уловить* [с. 170]. Т3 (слово персонажа) **В:** – *Я давеча не понял: ты правда, что ли заложить меня хотел?* (с. 176). Т4: синтезирующее начало четвертого раздела проявляется в перестановке акцентов (ср.: *Князев помнил потом, что было такое ощущение, точно его стали вдруг поднимать куда-то вверх. Но не просто поднимают, а хотят вроде перевернуть вниз головой и поддержать за ноги* [с. 179]): Князев становится субъектом, которого не понимают не ситуативно, а в принципе. В этом и состоит трагедия Князева (слово автора-повествователя): *Он давно понял, что здесь ... он не найдет никого, кто оценил бы его большую сложную работу* [с. 179]; (слово персонажа): – *Да ну их к черту! Взорвался просто... Глупость человеческую не мог больше вынести* [с. 181].

Таким образом, результат анализа текста В. М. Шукшина «Штрихи к портрету» показал, что «цементирующее» начало текста функционирует в качестве структурообразующего компонента. Суть связующей функции предложения заключается в возможности предложения (предложения

Шукшина) в каждом разделе текста принимать новые формы и семантическое содержание, оставляя при этом смысловое содержание текста в целом. В ходе анализа были представлены внешние и внутренние основания синтезирующего начала четвертого раздела (4. Конец мыслям). В результате исследования текста писателя выстраивается схема соотношения разделов, отражающая структурообразующую функцию предложения: $(T1/T2/T3=T4)T$.

2.3.2 Ситуация непонимания и способы ее представления в тексте: функционально-сопоставительный аспект

Эвокационный потенциал ситуации непонимания состоит в следующем. Диалог есть жизнь. Всякое литературное художественное произведение необходимо наполняется живой жизнью. Однако гибкость диалога в художественном тексте заключается в способности быть как эксплицитно выраженным, так и имплицитным. Именно данная способность позволяет коммуникативному пространству художественного текста пребывать в разных ипостасях. Так, коммуникативная ситуация в художественном тексте может быть представлена в той или иной своей разновидности, как-то: диалог-спор, диалог-рассуждение, наконец, диалог-непонимание. Поскольку наше исследование задается целью комплексно изучить тексты В. М. Шукшина в герменевтическом аспекте, то *диалог-непонимание*, будучи продуктивным средством функционирования мотива непонимания, мы расширили до понятия *ситуация непонимания*, поскольку именно ситуация «объемизирует» текстовое пространство и сам взгляд на это пространство. Понятие эвокационного потенциала делает актуальной эстетическую функцию воспроизведенного объекта (=ситуации непонимания) в художественном тексте (=В. М. Шукшина). Вследствие этого эвокационный потенциал дает возможность выдвигать какие-либо

гипотезы относительно эстетического функционирования объекта воспроизведения в художественном тексте. Вследствие гибкости своей структуры, ситуация непонимания может реализовать себя как в разных стилях и жанрах, так и в разных художественных текстах разных писателей. Мотив непонимания, выраженный в структуре ситуации непонимания, – продуктивен. Доказательством тому служат исследования текстов как писателей русской классической литературы (Е. Г. Эткинд), так и писателей уже советской эпохи (К. Э. Штайн). Для объективности рассмотрения продуктивности ситуации непонимания в качестве воспроизведенного объекта, следует охватить как можно больше пластов художественной действительности русских текстов. Нерассмотренной с этой точки зрения остается литература русского зарубежья, представленная в нашем исследовании романом Г. Газданова «Вечер у Клэр» (1929, Париж). Сопоставительный анализ ставит задачу учитывания «чистоты эксперимента», поэтому привлекать классику было бы обращением к интертекстуальному анализу с привлечением аллюзий (ср. рассказ В. М. Шукшина «Беспалый» – первоначально: «Отец Сергей» и др.). Привлекать тексты «литературных соратников» В. М. Шукшина, как-то: В. Белов, В. Астафьев и др. [Овчинникова 1999] было бы нарушением самого принципа чистоты проводимого нами анализа.

Текст Г. Газданова актуален и с методической, и с формальной, и с функциональной точки зрения. Поскольку эвокационный потенциал, на наш взгляд, связан с реализацией ситуации непонимания в художественном тексте, постольку есть основание рассматривать структуру ситуации непонимания на текстовом уровне, а значит в условиях ее функционирования в системе гнезда родственных текстов (А. А. Чувакин). Включением в сопоставительный анализ текста Г. Газданова (1929г.) обозначается возможность выхода на социально-исторический уровень осмысления творчества. По верному замечанию В. И. Масловского, «жизнь

литературы в веках - это нескончаемая цепь творческих опытов сопряжения эпох и культур» [Масловский 1987: 138/2]. Идея гнезда родственных текстов предполагает, что «весь массив текстов... позволит осмыслить духовную культуру этноса, ее устроенность, тенденции развития» [Чувакин 1999: 7]. В нашем случае параметром измерения степени эвокационного потенциала ситуации непонимания является характер функционирования составляющих ее структуры. Переменные компоненты ситуации в тексте Г. Газданова и тексте В. М. Шукшина совпадают, но лишь на уровне формы; функционально они различаются. Данный факт подтверждает наше убеждение в высоком эвокационном потенциале ситуации непонимания, а также демонстрирует один из принципов функционирования категории гнезда родственных текстов, при котором в художественном пространстве «возникает текстообразовательная цепь, принадлежность текстов к которой и позиция в которой задается их эвокационной структурой, оцениваемой дробным числом (в знаменателе выражается степень эвокационного тождества текстов, а в числителе - степень эвокационных различий)» [Чувакин 1999: 7]. Речь идет о таком типе деривационных межтекстовых отношений, при котором «текст <...> претерпевает не формально-семантические, а функциональные изменения [Чувакин 1998: 23]. Таким образом, степень эвокационного различия, в нашем случае, выражается в разной функции, осуществляемой элементами структуры ситуации непонимания в каждом из сопоставляемых текстов.

По нашему убеждению, сопоставительный анализ аналогичных (структурно и содержательно) текстов позволит не только наиболее полно раскрыть суть лингвоэвокационной методики, но и выделить оригинальные компоненты структуры ситуации непонимания именно в тексте В. М. Шукшина, определить их функцию в сравнении с текстом другого писателя. Суть нашего анализа состоит в сопоставлении двух коммуникативных ситуаций в функциональном плане: отрывок романа Гайто Газданова «Вечер

у Клер» и раздел второй текста рассказа В. М. Шукшина «Штрихи к портрету» – «О смысле жизни» (см. Приложение).

Выбор писателя и текста не случаен.

Обоснование выбора писателя.

«Родственность душ» В. М. Шукшина и Г. Газданова заметна как на уровне творческого направления, так и на уровне биографии (включая некоторую «магию чисел»: Г. Газданов выпустил в свет свой первый - ставший затем известным – роман «Вечер у Клэр» в 1929 году; в 1929 году родился В. М. Шукшин; когда В. М. Шукшину было 29 лет, его рассказ («Двое на телеге») впервые публикуется в центральном издании («Смена»)). Г. Газданов, как и В. Шукшин, с раннего детства жил без отца и поэтому очень дорожил матерью. Г. Газданова рано интересовали проблемы социальных процессов в России. Возможно, поэтому, для обретения собственного опыта и знания, в 1919 году пошел добровольцем на гражданскую войну (воевал на стороне белых). Война сделала Г. Газданова вынужденным эмигрантом: в 16 лет он простился с матерью навсегда. Попытка вернуться в СССР была связана только с сочувственными действиями М. Горького, который вскоре скончался. Мать Г. Газданова умерла в 1939 году в Советской России, так и не дождавшись сына. Мотив тоски по Родине аналогичен в текстах Г. Газданова мотиву тоски по матери. Те же мотивы наблюдаем и в творчестве В. Шукшина. Позиция отдаленности (пространственной, но не духовной) сына от матери объединяет писателей. В. Шукшин: «Родина ... Я живу с чувством, что когда-нибудь вернусь туда навсегда < ... > не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу» [Шукшин 1985: 645]. В данном случае не важен источник ностальгии - важен сам характер тоски по родине. Неизвестно, что труднее: оставаться изгоем вдалеке от своей страны или жить на родине в качестве ее пасынка. Не следует обольщаться по поводу признания творчества В. Шукшина его

современниками: Шукшин печатался, но многие открыли и открывают его только сейчас. Таким же «запоздалым» литературным открытием стал для новой России 1990-х Г. Газданов. Оба писателя находились долгое время в ситуации непонимания. То, что мы читаем о творчестве Г. Газданова, можно в равной степени отнести и к В. Шукшину: «Он (*Газданов. – Ю. Л.*) мучительно переживал то, что не мог в своих книгах с достаточной полнотой передать, выразить переполнявшие его мысли и чувства. В его произведениях не раз прорывается сожаление о бессилии понять ход событий и человеческих поступков, о невозможности заглянуть в сокровенные глубины души и постичь импульсы, побуждающие человека совершать действия, зачастую приводящие к разрушению и саморазрушению (*ср. мотив коммуникативного и физического самоубийства в текстах В. Шукшина. – Ю. Л.*)» [Никоненко 1990:19]. Современность (то есть актуальность проблем, затрагиваемых в творчестве обоих писателей), антидидактическая направленность творчества, наконец, мотив поиска смысла жизни – все это связывает Газданова и Шукшина. Мотив непонимания, сопряженный с мотивом поиска смысла жизни персонажами, выражен в текстах, предлагаемых для сопоставительного анализа.

Обоснование выбора текста.

Для сопоставительного анализа в аспекте гнезда родственных текстов выбран фрагмент романа Г. Газданова «Вечер у Клэр», поскольку структура коммуникативной ситуации фрагмента содержит аналогичные (структурно и содержательно) переменные компоненты (как наполнители постоянных: объекты внутреннего и объекты внешнего мира). Таким образом, суть сопоставления заключается в обозначении сходства и различия на функциональном уровне, что отражает специфику функционирования ситуации непонимания в художественном тексте вообще в качестве объекта эвокационного воспроизведения. Фрагментарность романа Г. Газданова заключается, по замечанию исследователей (Ф. Геблер, Л. Костюков и др.), в

законченности текстов в структурном и смысловом отношении внутри целостного произведения. Выбранный нами текст относится к последнему периоду жизни персонажа – периоду гражданской войны (среди череды остальных периодов: раннее детство, время проведения в кадетском корпусе и период пребывания в гимназии).

Итак, отрывок из романа Г. Газданова аналогичен шукшинскому не только тематически (сопряжение темы смысла жизни и проблемы понимания/непонимания), но и структурно-семантически. Совпадение идет на уровне лексическом, на уровне речи персонажей, их поведения и отношения с окружающими (с объектами внешнего мира). Так, персонаж романа Г. Газданова дядя Виталий «снисходителен» к окружающим, при этом считает всех «идиотами» (ср. Князев (о собеседнике): *«Бред, галиматъя, рассуждение на уровне каменного века»*). Снисходительность Князева более разнообразна. В отличие от дяди Виталия, имеющего в поведении добрую снисходительность к людям (*«в личном отношении к людям был, в общем, добр и снисходителен»* – с. 92), Князев антонимичен: *«Тут Князев вовсе осмелел: синие глаза его загорелись веселым насмешливым огнем, он стал нахально-снисходителен»* [с. 167]; *«Князев посмеялся снисходительно, но уже и не очень терпеливо, зло»* [с. 168]. В целом же характер отношений персонажа и объектов внешнего мира – совпадает в своей антагоничности: (Г. Газданов) *«Дядя Виталий всегда ругал и всем был недоволен»* ... *«Почти каждую свою речь дядя начинал словами: – Эти идиоты...»* [с. 92]; (В. Шукшин) *«Николай Николаевич сох над тетрадями, всюду с ними совался, ему говорили, что это глупость, бред, пытались отговорить. Много раз хотели отговорить, но все без толку»* [с. 165 - 166]. Оценка персонажем объектов внешнего мира происходит одинаково негативно: свое снисходительное отношение к жителям деревни Князев выражает в назывании их «колхозниками – совхозниками»; дядя Виталий окрестил всех «идиотами». Однако на этом сходство

коммуникативного пространства текстов писателей, касающегося персонажей, – заканчивается. Главное различие анализируемых текстов в том, что персонажи Г. Газданова, несмотря на разные позиции в жизни собеседников, – все же приходят к взаимопониманию. Персонажи В. Шукшина остаются на позиции взаимонегативного отношения. Различное функционирование аналогичных элементов структуры коммуникативной ситуации приводит к различным результатам. Несмотря на присутствие в обоих текстах мотива непонимания и темы смысла жизни, – направленность и характер коммуникации персонажей в том и в другом тексте – различны. Суть различий кроется в разной функции, выполняемой каждым из элементов текста. В тексте В. Шукшина негативность имеет функцию распространения агрессии в коммуникативном пространстве. В тексте Г. Газданова негативное отношение персонажа к Объектам внешнего мира призвана не столько создать агрессивность, сколько направить коммуникацию в положительное русло, дающее в результате понимание: *«Виталий попрощался со мной спокойно и холодно, и в его глазах опять было постоянно-равнодушное выражение, готовое тотчас перейти в насмешливое. Мне же было жаль покидать его, потому что я его искренно любил, – а окружающие его побаивались и не очень жаловали. – Каменное сердце, – говорила о нем его жена. – Жестокий человек, – говорила тетка. – Для него нет ничего святого, – отзывалась его невестка. **Никто из них не знал настоящего Виталия.** Уже потом, размышляя о его печальном конце и неудачливой жизни, я жалел, что так бесцельно пропал человек с громадными способностями, с живым и быстрым умом, – и ни один из близких даже не пожалел его. Расставаясь с ним, я знал, что вряд ли мы потом еще встретимся, мне хотелось обнять Виталия и попрощаться с ним, как с близким мне человеком, а не просто знакомым, явившимся на вокзал»* [с. 101–102].

Непонимание со стороны жены (у Князева аналогичная ситуация), странность героя (как и странность Князева), любовь к философским и социальным наукам (каковая есть и у Князева), размышление о целесообразности и смысле жизни (о чем говорит и Князев), использование наглядных примеров для эффективного понимания (что делает и Князев), фраза «Обрати внимание» (ср. такую же фразу в речи Князева), образ реки и отношение к стихии – все эти элементы художественно-коммуникативного пространства имеют разные характер и функцию.

Так, непонимание персонажа текста Г. Газданова со стороны жены не имеет конфликтной подоплеки (ср.: « – Я Александру Павловну (она же далее тетя Женя. – Ю. Л.) упрекнул за то, что она все какую-то Лаппо-Нагродскую читает, и она мне тоже сказала, что я все, по обыкновению, ругаю. Нет, не все. Я литературу, слава Богу, знаю лучше и больше люблю, чем моя жена. Если я что-нибудь браню, значит, у меня есть для этого причины ... чем же я виноват, что тетя Женя этого не понимает? [Газданов 1990: 95]. Конфликт присутствует в коммуникации Князева и объектов внешнего мира: « – Пиши, пиши, – говорила Алевтина грустно. Она больно переживала эту неистребимую, несгораемую страсть мужа - писать, писать и писать, чтобы навести порядок в государстве, ненавидела его за это, стыдилась, умоляла – брось! Ничто не помогало» [Шукшин 1980: 165].

В отличие от Князева, желающего и готового ответить четко на вопрос «В чем смысл жизни?», персонаж Г. Газданова имеет своего рода позицию стойка: не искать смысла в жизни, а просто жить, иначе для человека все может закончиться трагично: « – У меня был товарищ, который тоже спрашивал меня о смысле жизни ... Он все спрашивал, ... зачем становиться инженером, или адвокатом, или писателем, или офицером, зачем такие унижения, такой стыд, такая подлость и трусость? Я говорил ему тогда, что есть возможность существования вне таких вопросов: живи, ешь

бифштексы, целуй любовниц, грусти об изменах женщин и будь счастлив. И пусть Бог хранит тебя от мысли о том, зачем ты все это делаешь. Но он не поверил мне, он застрелился. Теперь ты спрашиваешь меня о смысле жизни. Я ничего не могу тебе ответить. Я не знаю» [Газданов 1990: 101].

Условно «позицию» Князева занимает в тексте Г. Газданова персонаж, говорящий от первого лица: « – Смысл? – удивился Виталий. – Смысла действительно нет, да он и не нужен. – Этого не может быть. Есть закон целесообразности. – Нет, милый мой, смысл это фикция и целесообразность тоже фикция» [с. 99].

Позиция персонажа Г. Газданова (дяди Виталия) может показаться позицией нигилиста, однако его позицию, скорее, можно назвать позицией человека, мыслящего диалектически: он не утверждает ни то, ни другое, – он допускает взаимодействие явлений: «-
Послушай меня, – говорил между тем Виталий. – Тебе в ближайшем будущем придется увидеть много гадостей. Посмотришь, как убивают людей, как вешают, как расстреливают. Все это не ново, не важно и даже не очень интересно. Но вот что я тебе советую: никогда не становись убежденным человеком, не делай выводов, не рассуждай и старайся быть как можно более простым. И помни, что самое большое счастье на земле - это думать, что ты хоть что-нибудь понял из окружающей тебя жизни. Ты не поймешь, тебе будет только казаться, что ты понимаешь; а когда вспомнишь об этом через несколько времени, то увидишь, что понимал неправильно. А еще через год или два убедишься, что и второй раз ошибался. И так без конца. И все-таки это самое главное и самое интересное в жизни» [с. 99].

Наглядные примеры, используемые обоими персонажами в коммуникативном поведении, имеют разные художественные функции. В тексте Г. Газданова наглядный пример имеет объяснительную функцию, что способствует созданию понимания между персонажами.

Пример.

– Помнишь ли ты, как образуются коралловые острова? – Помню, – сказал я. – Я помню, как они возникают; и, кроме того, я сейчас вспоминаю их красные изгибы, окруженные белой пеной моря, это очень красиво; я видел такой рисунок в одной из книг моего отца. – Процесс такого же порядка происходит и в истории, – продолжал Виталий. – Одно отмирает, другое зарождается. Так вот, грубо говоря, белые представляют из себя нечто вроде отмирающих кораллов, на трупах которых вырастают новые образования. Красные – это те, что растут [Газданов 1990: 96-97].

В тексте В. Шукшина наглядный пример имеет риторическую функцию, что способствует созданию непонимания между персонажами.

Пример.

– Вы в курсе дела, как насыпаются могильные курганы? – спросил он. Чувствовалось удовольствие, с которым он подступает к изложению своих мыслей.

Сильченко никак не ждал этих курганов, он недоумевал.

– При чем здесь курганы? [Шукшин 1980: 167].

Даже попытки Князева сблизиться с собеседником посредством перехода «на ты» – терпят неудачу в стремлении быть понятым, поскольку его обращение «Обрати внимание» звучит подчеркнуто декларативно: «Князев все больше воодушевлялся – это были дорогие минуты в его жизни; есть перед глазами слушатель, который хоть ерепенится, но внимает. - **Обрати тогда внимание вот на что:** на несоответствие величины холма и горстки земли. Что же случилось? Ведь вот – горсть земли, – Князев показал ладонь, сложенную горстью, – а с другой стороны – холм. Что же случилось? Чудо? Никаких чудес: накопление количества» [Шукшин 1980: 167]. Персонаж Г. Газданова, напротив, призывая к вниманию собеседника, добивается интимности, доверительности в диалоге: «**Я и тебя люблю. И вот перед твоим отъездом я хочу сказать тебе одну вещь: обрати на нее внимание**» [Газданов 1990: 99].

Дейктический элемент коммуникативной ситуации текстов также совпадает: река. Однако функция их – разная. Различие – на уровне взаимоотношения персонажей со стихией воды – символом движения и развития жизни. Виталий прислушивается к реке, ища в ней объяснения всему сущему.

Пример.

– *Значит, ты уезжаешь, Николай,* – сказал он, когда мы углубились в парк. – *Слышишь, как речка шумит?* – перебил он себя внезапно. *Я прислушался: сквозь ровный шум, который доносился сначала, слух различал несколько разных журчаний, одновременных, но не похожих друг на друга. - **Непонятная вещь,*** – сказал Виталий. – *Почему этот шум так меня волнует? И всегда, уже много лет, как только я слышу его, мне все кажется, что до сих пор я его не слышал* [Газданов 1990: 98].

Князев же, напротив, сразу обрывает возможность общения с символом жизни и истины.

Пример.

– *Поудить нету желания? А то мы вот налаживаемся с Юрием Викторовичем.*

– ***Не люблю,*** – сказал Князев [Шукшин 1980: 166].

На функционально-эстетическом уровне развития идеи в художественном тексте ситуация общения / не-общения с рекой порождает определенный тип ситуации непонимания. Динамичная река в тексте Г. Газданова способствует созданию типа ситуации непонимания, в которой персонажи не понимают друг друга в силу разных жизненных позиций. Ситуация непонимания в тексте Г. Газданова имеет функцию создания примиряющей позиции в осмыслении проблемы гражданской войны в России. И тот, и другой персонаж в тексте Г. Газданова имеют право на свою точку зрения. Повествователь пытается создать динамику, развитие, ситуацию неоднозначности явлений жизни – создать динамичным образом

реки. В тексте В. М. Шукшина восприятие реки персонажем негативно - река статична и не раскрывается в своей положительной символике. Статика реки способствует «замутнению» истины и непониманию.

Таким образом, степень значимости структуры ситуации непонимания в тексте определяется лингвоэвокационным функционированием элементов данной структуры в определенном (авторском) художественно-коммуникативном пространстве.

Выводы

Во второй главе проведено функционально-эстетическое исследование структуры ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина. Ситуация непонимания как объект воспроизведения в художественном тексте имеет в составе своей структуры динамические элементы, способствующие рассмотрению ситуации непонимания в тексте В. М. Шукшина в качестве процессуально-функциональной единицы художественного пространства. Лингво-эвокационный аспект рассмотрения структуры ситуации непонимания отсылает к функциональному уровню исследования: эстетическая функция ситуации непонимания выражается в возможности быть маркированной ненормой (норма – ситуация понимания). В данном факте отражен принцип амбивалентности рассматриваемой нами ситуации непонимания. Ситуация непонимания – это не антоним ситуации понимания, а противовесное взаимодействие с ней. В. М. Шукшину всегда были интересны ситуации крайние, «ненормальные», выходящие за рамки обычного. Следует поэтому принять закономерность выдвижения ситуации непонимания в качестве художественного средства раскрытия информации для читателя. Типы художественной коммуникации («персонаж - персонаж»

и «повествователь - читатель») соотносимы с микро– и макроуровнем исследования и с уровнем текстовой ситуации в целом. **Коммуникация «персонаж – персонаж» формирует микроуровень** (на основе модели взаимодействия объектов внешнего мира и объектов внутреннего мира (речевое/неречевое выражение сигналов, препятствующих пониманию, и сигналов непонимания)) и **макроуровень** (типы ситуации непонимания: явное непонимание, скрытое непонимание, мнимое непонимание, иллюзорное понимание, намеренно созданное непонимание). При исследовании ситуации непонимания на уровне текстовой ситуации - берется за основу коммуникация «повествователь – читатель». Исследование структуры ситуации непонимания имеет парадигматическое и синтагматическое решение. Парадигматический пласт затрагивает исследование сигналов непонимания и сигналов, препятствующих пониманию. **Парадигма** представлена в самой структуре диалога: последовательность реплик персонажей (так называемая Вертикаль). Данное исследование проведено в параграфе втором настоящей главы. **Синтагматический** пласт затрагивает исследование сигналов непонимания и сигналов, препятствующих пониманию как предложений художественного текста (так называемая Горизонталь). В третьем разделе настоящей главы проведено исследование текста рассказа В. М. Шукшина «Штрихи к портрету» в аспекте парадигматики и синтагматики, что отсылает к факту проведения целостного анализа предложенного текста. Результаты функционально-сопоставительного анализа позволили утвердить гипотезу о действенности лингвоэвокационного метода в исследовании текстов рассказов В. М. Шукшина. Эстетическая функция ситуации непонимания в шукшинских текстах заключена в работе сигналов непонимания, сигналов, препятствующих пониманию, формирующих тип ситуации непонимания, а также в сверткстовой задаче (задаче произведения): создание трагического, комического или трагикомического. Большой процент текстов

с трагикомическим началом свидетельствует об адекватности средств выражения идеи (ср. аналогичное стремление к неоднозначности позиции в публицистике В. М. Шукшина). «Презумпция непонимания» как основной пункт в «списке прав коммуниканта» в текстах рассказов В. М. Шукшина свидетельствует о трагическом уклоне трагикомического настроения текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главные результаты проведенного исследования таковы.

Вариант решения проблемы понимания / непонимания в коммуникативной ситуации может быть представлен в художественном дискурсе в виде текстового образования – ситуации непонимания.

Рассмотрение *понимания / непонимания* повлекло за собой осмысление динамичной природы ситуации непонимания, заключающейся в способности видов ситуации непонимания – явное непонимание, скрытое непонимание, мнимое непонимание, иллюзорное понимание, намеренно созданное непонимание – взаимодействовать в тексте.

Для настоящего исследования *понимание / непонимание* – это ***бинарная категория, отражающая динамику сближения / отдаления позиций «чужое» / «свое-чужое» в системе взаимодействия субъектов коммуникации (говорящий / слушающий как коммуницирующие личности, межтекст (высказывание) и метатекст (обстоятельства)), называемой коммуникативной ситуацией.***

Амбивалентность понятия *понимание / непонимание* реализуется в текстах рассказов В. М. Шукшина, и реализация эта выражается во взаимодействии ситуации непонимания и ситуации понимания.

Эвокационный аспект актуализирует потенциальную эстетическую функцию текстовых образований. Одним из таких текстовых образований - в рамках аспекта настоящего исследования – является ситуация непонимания. Для обретения статуса текстового пре-образования элементы ситуации непонимания подвергаются трансформации и являются уже эстетически значимыми в художественном дискурсе.

Таким образом, ситуация непонимания, исследуемая нами в эвокационном аспекте, представляет собой объект воспроизведения, который, в результате преобразований – вследствие попадания в художественную среду – становится продуктом воспроизведения, то есть продуктом эстетической деятельности коммуниканта. Трансформация объекта воспроизведения (= ситуация непонимания в бытовой коммуникации) в продукт воспроизведения (= ситуация непонимания в художественном дискурсе) осуществляется благодаря преобразующей функции переменных компонентов как наполнителей постоянных.

Настоящее исследование определило возможность системного функционирования в художественном тексте коммуникативных сигналов (в герменевтическом аспекте): сигналов непонимания и сигналов, препятствующих пониманию. Данные сигналы являются переменными – наполняющие – постоянных компонентов и выполняют трансформационную задачу. Таким образом, ситуация непонимания – это динамичная система взаимодействующих сигналов коммуникации в герменевтическом аспекте.

Лингвоэвокационное исследование ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина заострило проблему речевой коммуникации персонажей в художественном дискурсе: осмысление *понимания/непонимания* как амбивалентного понятия спровоцировало вопрос о возможности не только чередования и взаимодействия ситуации непонимания и ситуации непонимания в тексте, но и полного наложения одной на другую. Данный факт свидетельствует об определенной специфике трансформационных средств с высокоэффективной эстетической нагрузкой.

Постановка вопроса о степени эвокационного потенциала отсылает к методике лингвоэвокационного исследования воспроизведенной ситуации непонимания в текстах рассказов В. М. Шукшина. Суть методики заключается в поэтапном рассмотрении феномена непонимания на уровне микроситуации, макроситуации и на уровне текстовой ситуации в целом.

Микроситуативными элементами воспроизведения ситуации непонимания в художественном тексте в настоящем исследовании стали виды сигналов непонимания и сигналов, препятствующих пониманию, – на семантизированном, когнитивном и смысловом уровнях понимания (по Г. И. Богину).

Макроситуативные элементы – переменные компоненты «эвокационной матрицы» – заполняют ячейку «виды ситуации непонимания и характер их взаимодействия».

Уровень текстовой ситуации определяет направленность, общий результат и эстетическую функцию ситуации непонимания в целом. Исследование эвокационного потенциала ситуации непонимания как текстового образования отсылает к проблеме межтекстовых отношений, в которых текст предстает системой взаимодействующих эвокационных преобразователей. В связи с этим, актуальными в работе являются следующие виды межтекстовых отношений: «Шукшин – Шукшин» и «Шукшин – не-Шукшин». Подобные механизмы воспроизведения ситуации непонимания в художественном тексте позволяют исследованию развиваться в русле функционально-сопоставительного анализа. Данное положение влечет за собой возможность рассмотрения ситуации непонимания как потенциально реализующуюся внутритекстовую сущность в творчестве других писателей.

На основе проведенного лингвоэвокационного исследования ситуации непонимания, мы полагаем, что любой художественный текст того или иного писателя содержит в себе модель «эвокационной матрицы» и готов принять некоторое количество – не нарушающее художественной гармонии – переменных компонентов определенной номинации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова-Славская К. А. Личностный аспект проблемы общения // Проблема общения в психологии. М., 1981. С. 218–241.
2. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975. – 276 с.
3. Ажар Эмиль (Ромен Гари). Псевдо. Страхи царя Соломона. Жизнь и смерть Эмиля Ажара: Романы, эссе. СПб., 2000. – 473 с.
4. Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Матер. всерос. конф., посвященной 120-летию Томского университета (27–29 марта 1998 г.). Томск, 1998. – 238 с.
5. Апухтина В. А. Проза В. М. Шукшина. М., 1986. – 96 с.
6. Арндт Х. Ситуация человека // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 131–141.
7. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 106–117.
8. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. М., 1988. – 388 с.
9. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. т. 40. Вып. 4. С. 356–67.
10. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.
11. Баранов А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 84–99.
12. Баранов В. А. Членство в группе как фактор самочувствия личности // Личность. Общение. Групповые процессы. М., 1991. С. 75–89.
13. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997. – 464 с.

14. Баткин Л. М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 104–115.
15. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. – 543 с.
16. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. – 424 с.
17. Берестенев Г. И. Самосознание личности в аспекте языка // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 60–84.
18. Бовуар С. Второй пол. М.; СПб., 1997. – 832 с.
19. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982. – 86 с.
20. Богин Г. И. Школа рефлексии и рефлексивности // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. Барнаул, 2000. С. 41–51.
21. Борев Ю. Б. Эстетика в 2-х т. Т. 2. М., 1997. – 638 с.
22. Бранский В. П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 112–129.
23. Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988. – 301 с.
24. Бревдо И. Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. – 20 с.
25. Брудный А. А. Мир общения. Фрунзе, 1977. – 71 с.
26. Брудный А. А. Другому как понять тебя? М., 1990. – 64 с.
27. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М., 1998. – 336 с.
28. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.40. Вып. 4. 1981. С. 333–372.
29. Бутакова Л. О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование: Монография. Барнаул, 2001. – 283 с.
30. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. М., 1979. С. 299–313.
31. Васильев В. К. Тема самоубийства в позднем творчестве В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина как целостность. Барнаул, 1998. С. 50–55.

32. Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста: Филос. Пробл. Киев, 1988. – 240 с.
33. Виноградов В. В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи. М., 1958. – 50 с.
34. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. – 240 с.
35. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. – 654 с.
36. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980. – 360 с.
37. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. – 614 с.
38. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. – 255 с.
39. Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя: Избранные труды. М., 1990. – 386 с.
40. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. – 492 с.
41. Винокур Г. О. Русский язык: исторический очерк. М., 1945. – 190 с.
42. Винокур Г. О. Собрание трудов. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М., 1999 – 415 с.
43. Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990 (1991). – 451 с.
44. Винокур Т. Г. Говорящий и Слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993. – 172 с.
45. Волкова Н. А. Текстовая модальность в рассказе В. М. Шукшина «Петька Краснов рассказывает» // Языки и литературы народов Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2002. С. 82 – 84.

46. Волкова Е. В., Оруджева С. З. Тона и обертона серьезного в философии М. Бахтина // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 102–118.
47. Вязанцев Е. Мысли об истории // Вечерний Барнаул. 15 окт. 1997. С. 3.
48. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. – 367 с.
49. Гадамер. Г.-Г. Истина и метод. М., 1960. – 699 с.
50. Газданов Г. Призрак Александра Вольфа: Романы. М., 1990. – 701 с.
51. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. С. 349 – 372.
52. Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998. – 768 с.
53. Гамалей Н. С. К проблеме непонимания // Текст: варианты интерпретации: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Бийск, 2001. С. 78–80.
54. Гвоздева О. Л. Особенности понимания нестандартных художественных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. – 21 с.
55. Геблер Ф. Время и воспоминания в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» // Литература. 2001. № 45. С. 2–3.
56. Гильдебранд Г. Метафизика коммуникации. СПб., 2000. – 373 с.
57. Голев Н. Д. Внутренняя форма, внутренние конфликты, внутренняя речь в текстах рассказов В. М. Шукшина // Провинциальная экзистенция. К 70-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина: Тез. докл. V Всерос. науч. конф. (21–23 июля 1999 г., Барнаул). Барнаул, 1999. С. 4–6.
58. Голикова Т. А. Аспекты исследования проблемы понимания // Текст: варианты интерпретации: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Бийск, 1999. С. 3 - 6.
59. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969. – 464 с.

60. Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. - 416 с.
61. Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии: Филос. - гносеол. анализ. М., 1985. – 192 с.
62. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. – 312 с.
63. Дементьев В. В. Косвенное общение персонажей В.М. Шукшина (К вопросу о типологии речевых жанров) // Творчество В. М. Шукшина как целостность. Барнаул, 1998. С. 4–83.
64. Дементьев В. В. Речевая любовная игра как фатический метажанр у В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина. Поэтика. Стиль. Язык. Барнаул, 1994. С. 122 –134.
65. Деминова М. А. Синтаксические приемы диалогичности в публицистических текстах В. М. Шукшина (риторический аспект): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Барнаул, 2002. – 20 с.
66. Демьянков В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов: Сб. ст. М., 1986. С. 223–234.
67. Джалагония Л. А. Речь и музыка как формы общения // Вопросы психологии. 2001. №1. С. 130–133.
68. Дигмай В. Н. Абзац, сложное синтаксическое целое, компоненты текста. Общее и различное // Филологические науки. 2002. № 2. С. 57–66.
69. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. М., 1988. С. 6–18.
70. Дорошенко А. В. Побудительные речевые акты в косвенных контекстах // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 76–91.

71. Дуров А. А. Трансформация традиционного образа дурака в прозе В. М. Шукшина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 1996. – 21 с.
72. Загадка человеческого понимания. М., 1991. – 352 с.
73. Залевская А. А. Текст и его понимание: Монография. Тверь, 2001. – 177 с.
74. Зарайский Д. А. Управление чужим поведением. Технология личного психологического влияния. Дубна, 1997. – 272 с.
75. Засорина Л. Н. Трансформация как метод лингвистического эксперимента в синтаксисе // Трансформационный метод в структурной лингвистике. М., 1964. С. 99–113.
76. Иванова Е. Н. Эффективное общение и конфликты. Петербург; Рига, 1997. – 74 с.
77. Ивин А. А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 31–43.
78. Искусство разговаривать и получать информацию. М., 1993. – 303 с.
79. Каганов Г. Город и «культ личности» горожанина // Звезда. 2001. № 6. С. 194–203.
80. Калакуцкая Е. Л. Лексико-семантическая тема «уныние - меланхолия - задумчивость - забвение» в русском языке и культуре 2-ой половины XVII века» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 142–147.
81. Кантор В. К. О национальном мифе непонимания // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 34–39.
82. Каракчиева В. Л. Лексические средства обозначения эмоций в художественном тексте (на материале рассказов В. М. Шукшина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000. – 20 с.

83. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
84. Кафкова О. О роли контекста в разных типах коммуникатов // Синтаксис текста. М., 1979. С. 236–247.
85. Кессиди Ф. Х. О парадоксе России // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 87–91.
86. Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов: Сб. ст. М., 1986. С. 270–321.
87. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 63–71.
88. Козлова С. М. Поэтика рассказа // Рассказ В. М. Шукшина «Срезал»: Проблемы анализа, интерпретации, перевода. Барнаул, 1995. С. 69–95.
89. Ковалев С. Двое друг с другом // Знание - сила. 1985. № 8. С. 36–38.
90. Колшанский Г. В. Паралингвистика. М., 1974. - 81 с.
91. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. – 231 с.
92. Косенкова К. Г. Монтажность как принцип сотворения человека и мира в советской культуре 20-х годов // Человек. 2002. № 1. С. 157–168.
93. Костюков Л. Судьба как точка на земле // Первое сентября. 1998. 14 февраля. С. 6.
94. Краевская Н. М. Ситуация как фактор дифференциации типов устной речи // Лингвистические особенности научного текста. М., 1981. С. 113–131.
95. Красников Г. Абсолютно русское явление // Алтай. 2000. № 1. С. 154–159.

96. Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 194–241.
97. Куайн У. В. О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 24–98.
98. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. – 156 с.
99. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. – 192 с.
100. Кукуева Г. В. Речевая партия повествователя как элемент диалога «автор – читатель» в собственно рассказах В. М. Шукшина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. – 17 с.
101. Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах. М., 1995. – 271 с.
102. Левонтина И. Б. Время для частных бесед // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 71–75.
103. Леонтьев А. А. К определению речевой ситуации // Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков в специальном языковом вузе: Тез. докл. науч.-метод. конф. М., 1973. С. 58–60.
104. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. – 304 с.
105. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. – 685 с.
106. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. – 752 с.
107. Личность пациента и болезнь. Томск, 1995. – 327 с.
108. Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. М., 1988. – 127 с.

109. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. – 204 с.
110. Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. – 188 с.
111. Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М., 1976. – 381 с.
112. Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. – 944 с.
113. Лупьян Я. А. Барьеры общения, конфликты, стресс. Мн., 1986. – 206 с.
114. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д., 1998. – 416 с.
115. Малов В. И. Лингвистическое исследование асемантического текста: Автореф. дис. ... канд. наук. Екатеринбург, 2001. – 21 с.
116. Масловский В. И. Историко-функциональное изучение литературы // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. – 752 с.
117. Матюшкин А. М. Основные модели проблемных ситуаций. Сообщение II. Неспецифические основания классификации проблемных ситуаций // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. № 2–4. М., 1967. С. 15–16.
118. Менг К. Семантические проблемы лингвистического исследования коммуникации // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 221–236.
119. Минеева С. А. Риторика диалога - путь к воспитанию личности с толерантным сознанием и поведением// Риторика диалога: проблемы исследования и освоения в школе и вузе: Тез. докл. на Всерос. сессии - науч.-метод. конф. Пермь, 3–5 декабря 2001 года. Пермь, 2001. С. 61–63.
120. Михайличенко Н. А. Риторика. М., 1994. – 96 с.
121. Михальская А. К. Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996. – 416 с.

122. Морецкий Д. Ф. Общение в конфликтной ситуации // Формирование потребности личности в общении. Новосибирск, 1981. С. 101–109.
123. Мурзин Л. Н., Литвинова М. Н. Текст художественного произведения: к проблеме специфики // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1988. С. 122–128.
124. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Понимаю, ибо абсурдно // Человек. 1998. № 6. С. 22–36.
125. Мышкина Н. Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск, 1991. – 212 с.
126. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. – 203 с.
127. Никитин Е. П., Харламенкова Н. Е. Самоутверждение человека // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 96–117.
128. Никишаева В. П., Гузь Н. А. Мотив отчуждения в рассказах В. Шукшина // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1994. С. 17–18.
129. Никишаева В. П. Опыты лингво-стилистического анализа художественного текста. Монография. Бийск, 1998. – 159 с.
130. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976. – 168 с.
131. Никоненко С. Дороги Гайто Газданова // Газданов Г. Призрак Александра Вольфа: Романы. М., 1990. С. 3–20.
132. Нишанов В. К. Феномен понимания: когнитивный анализ. Ф.; И., 1990. – 228 с.
133. Новиков Вл. NOS НАВЕБИТ HUMUS. Реквием по филологической поэзии // Новый мир. 2001. № 6. С. 167–178.
134. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5. М., 1970. – 452 с.

135. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов: Сб. ст. М., 1986. – 424 с.
136. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М., 1986. – 392 с.
137. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – 313 с.
138. Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика. М., 1975. – 486 с.
139. Норакидзе В. Г. Типы характера и фиксированная установка. Тбилиси, 1966. – 160 с.
140. Овчинникова О. С. Шукшин и Белов: опыт синхронизации // Текст: варианты интерпретации: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Бийск, 1999. С. 65–69.
141. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: Сб. ст. М., 1991. – 639 с.
142. Павлов А. В., Доценко Е. Л. Две встречи (понимание непонятого) // Человек. 1999. № 1. С. 46–59.
143. Панченко Т. К вопросу о мимикрии соционических типов // Эниостиль. Гармония энерго-информационного общения с людьми и природой. Барнаул. Вып. 2. С. 37–38.
144. Петров В. В. Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 5–23.
145. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъективности. Ростов н/Д., 1996. – 512 с.
146. Пешкова С. Н. Смешанная языко-ситуативная коммуникация в рассказах-сценках В. М. Шукшина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1999. – 17 с.

147. Пищальникова В. А. Представление менталитета жителя алтайской деревни в речевых характерах героев В. М. Шукшина // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество: Тез. докл. III Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 1992. С. 98–100.

148. Поляков Л. В. Понимание и творчество // Загадка человеческого понимания. М., 1991. С. 235–244.

149. Пономарева Т. Потаенная любовь Шукшина // Барнаул. 2001. № 2. С. 87–130.

150. Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. – 285 с.

151. Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000. – 480 с.

152. Разлогова Е. Э. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. М., 1988. С. 98–106.

153. Разов В. Н. О некоторых элементах национальной психологии // Вестник МГУ. Серия философии. 1967. № 2. С. 70–80.

154. Рассказ В. М. Шукшина «Срезал»: Проблемы анализа, интерпретации, перевода. Барнаул, 1995. – 150 с.

155. Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л., 1989. – 165 с.

156. Рикер П. Герменевтика, этика, политика: Институт философии РАН, 1995. – 160 с.

157. Розина Р. И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 52–56.

158. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. – 320 с.

159. Рябов О. В. Русская философия женственности (XI - XX века). Иваново, 1999. – 359 с.

160. Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 82–97.
161. Сарбина Е. В. Ирония в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Текст: варианты интерпретации: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Бийск, 2001. С. 254–258.
162. Сартр Ж.-П. Ситуации. М., 1998. – 431 с.
163. Сахно С. Л. «Свое – чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 95–101.
164. Селиванова Н. В. Уровни понимания в общении и их моделирование в системах искусственного интеллекта // Модели диалога в системах искусственного интеллекта. Тарту, 1987. С. 113–126.
165. Сергеева А. Б. О роли неологизма в построении высказывания // Вестник Московского университета. Серия филологии. 1996. № 5. С. 19–27.
166. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 195–222.
167. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 151–169.
168. Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия и исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 242–263.
169. Синцзянь Гао. Обоснование литературы // Иностранная литература. 2001. № 5. С. 221–232.
170. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Об определении понятия «риторический прием» // Филологические науки. 2002. № 2. С. 75–80.
171. Соловьева И. В. Типология герменевтических ситуаций. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. – 20 с.

172. Сологуб Ю. П. Текстобразующая функция символа в художественном произведении // Филологические науки. 2002. №2. С. 46–55.
173. Станиславский К. С. Работа актера над собой // Искусство разговаривать и получать информацию. М., 1993. С. 177–220.
174. Степун Ф. А. Дух, лицо и стиль русской культуры // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 155 - 165.
175. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 130–151.
176. Судаков А. К. Любовь к жизни и запрет самоубийства в кантианской метафизике нравов // Вопросы философии. 1996. № 8. С. 54–65.
177. Сухих С. А. Структура коммуникантов в общении // Языковое общение: Процессы и единицы: Межвуз. сб. науч. трудов. Калинин, 1988. С. 22–29.
178. Сэо М. Творчество В. М. Шукшина в Японии // Язык прозы В. М. Шукшина. Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. Барнаул, 2001. С. 38–48.
179. Тарасов Е. Ф., Сорокин Ю. А. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. – 205 с.
180. Тарасова И. П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 103–110.
181. Таннен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга. М., 1996. – 432 с.
182. Творчество В. М. Шукшина как целостность. Барнаул, 1998. – 119 с.
183. Творчество В. М. Шукшина. Поэтика. Стиль. Язык. Барнаул, 1994. – 210 с.

184. Текст: варианты интерпретации: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Бийск, 1999. – 140 с.
185. Текст: варианты интерпретации: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Бийск, 2001. – 347 с.
186. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989. – 197 с.
187. Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. 2001. № 3. С. 56–65.
188. Тульчинский Г. Л. Меланома понимания // Звезда. 1991. № 10. С. 176–179.
189. Утробина Т. Г. Экспериментальное исследование языковых репрезентаций комического смысла: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1997. – 17 с.
190. Филатов В. П. Парадоксы эмпатии // Загадка человеческого понимания. М., 1991. С. 176–195.
191. Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 139–159.
192. Формирование потребности личности в общении: Сб. ст. Новосибирск, 1981. – 120 с.
193. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Мн., 1999. – 624 с.
194. Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1988. – 168 с.
195. Хеккхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М., 1986. – 406 с.
196. Хисамова Г. Г. Коммуникативно-речевая дисгармония «чудика» // В. М. Шукшин: проблемы и решения: Сб. ст. Барнаул, 2002. С. 193–200.
197. Хундснуршер Ф. Основы, развитие и перспективы анализа диалога // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 38–50.

198. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. – 281 с.
199. Чувакин А. А. Гнездо родственных текстов: интерпретационный уровень // Текст: варианты интерпретации: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Бийск, 1999. С. 6–7.
200. Чувакин А. А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Матер. всерос. конф., посвященной 120-летию Томского университета (27–29 марта 1998). Томск, 1998. С. 23–24.
201. Чувакин А. А. Заметки об объекте современной филологии // Человек - Коммуникация - Текст. Вып 3. Барнаул, 1999. С. 3–10.
202. Чувакин А. А. Основы эвокационной теории художественной речи. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Барнаул, 1996. – 26 с.
203. Чувакин А. А. Понятие о ситуативно-речевом блоке // Лингвистические средства текстообразования: Межвуз. сб. науч. статей. Барнаул, 1985. С. 163–174.
204. Чувакин А. А. Ситуативная речь. Барнаул, 1987. – 106 с.
205. Чувакин А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995. - 126 с.
206. Чувакин А. А. Функциональная классификация топонимов профессора И. А. Воробьевой как инструмент лингвистического исследования // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тез. докл. Барнаул, 1999. С. 35–36.
207. Швалб Ю. М., Данчева О. В. Одиночество. К., 1991. – 270 с.
208. Шведова Н. Ю. Предложение // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 395 / 2.
209. Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971. – 104 с.

210. Швейцер А. Д. Современная социалингвистика: Теория, проблемы, методы. М., 1977. – 176 с.
211. Швырев В. С. Понимание в структуре научного знания // Загадка человеческого понимания. М., 1991. С. 8–24.
212. Шелгунова Л. М. Диалог в прозе В. М. Шукшина // Язык прозы В. М. Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. Барнаул, 2001. С. 123–129.
213. Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст – 1989. М., 1989. С. 231–260.
214. Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст – 1991. М., 1991. С. 215–253.
215. Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. – 601 с.
216. Шпет Г. Г. Философские этюды. М., 1994. – 376 с.
217. Штайн К. Э. К вопросу о диалоге «непонимания» в рассказах В. М. Шукшина // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1989. С. 89–91.
218. Штофф В. А. Роль моделей в познании. Л., 1963. – 128 с.
219. Шукшин В. М. Вопросы самому себе. М., 1981. – 256 с.
220. Шукшин В. М. Наказ. Рассказы. Барнаул, 1980. – 272 с.
221. Шукшин В. М. Рассказы. Киноповесть. Повесть для театра. Сказки. Статьи. Рабочие записи. Екатеринбург, 1999. – 608 с.
222. Шукшин В. М. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3. Рассказы 1972 – 1974 годов. Повести. Публицистика. М., 1985. – 671 с.
223. Щедровицкий П. Г. Лекции по образованию. <http://z-kon.narod.ru/elib/shedp003/00000010.htm>
224. Эниостиль. Гармония энерго-информационного общения с людьми и природой. Барнаул. Вып. 2. – 69 с.

225. Эрвин-Трипп С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика. М., 1975. С. 336–362.
226. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопоетики русской литературы XVIII - XIX вв. М., 1999. – 448 с.
227. Язык и личность. М., 1989. – 216 с.
228. Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тез. докл. Барнаул, 1999. – 177 с.
229. Яковлев А. А. Что является объектом понимания? // Загадка человеческого понимания. М., 1991. С. 53–71.
230. Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. – 207 с.
231. Яноушек Я. Коммуникация трех участников совместной деятельности // Проблема общения в психологии. М., 1981. С. 168 – 177.
232. Яржембовский С. Это сладкое слово «свобода» // Звезда. 2001. № 6. С. 204–207.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

В. М. Шукшин «Штрихи к портрету»:

2. «О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ»

Летом, в июле, Князев получил отпуск и поехал с семьей отдыхать в деревню. В деревне жили его тесть и теща, молчаливые, жадные люди; Князев не любил их, но больше деваться некуда, поэтому он ездил к ним. Но всякий раз предупреждал жену, что в деревне он тоже будет работать – будет писать. Жене его, Алевтине, очень хотелось летом в деревню, она не ругалась и не ехидничала.

– Пиши... Хоть запишись вообще.

– Вот так. Чтобы потом не было: «Опять за свое!». Чтобы этого не было.

– Пиши, пиши, – говорила Алевтина грустно. Она больно переживала эту неистребимую, несгораемую страсть мужа – писать, писать и писать, чтобы навести порядок в государстве, ненавидела его за это, стыдилась, умоляла – брось! Ничто не помогало. Николай Николаевич сох над тетрадями, всюду с ними совался, ему говорили, что это глупость, бред, пытались отговорить... Много раз хотели отговорить, но все без толку.

У Князева в деревне были знакомые люди, и он, как приехали, пошел их навестить. И в первом же семействе встретил человека, какого и хотела постоянно встретить его неумная душа. Приехал в то семейство - тоже отдохнуть - некто Сильченко. тоже зять, тоже горожанин и тоже несколько ушибленный общими вопросами. И они сразу сцепились.

Это произошло так.

Князев в хорошем, мирном расположении духа прошелся по деревне, понаблюдал, как возвращаются с работы домой «колхозники-совхозники»

(он так называл сельских людей), поздоровался с двумя-тремя... Все спешили, поэтому никто с ним не остановился, только один попросил прийти глянуть телевизор.

– Включишь – снег какой-то идет...

– Ладно, потом как-нибудь, – пообещал Князев.

И вот пришел он в то семейство, где был Сильченко. Он там знал старика, с которым они говорили. То есть говорил обычно Князев, а старик слушал, он умел слушать, даже любил слушать. Слушал, кивал головой, иногда только удивлялся:

– Ишь ты!.. – негромко говорил он. – Это сурьезно.

Старик как раз был в ограде, и тот самый Сильченко тоже был в ограде, налаживали удочки.

– А-а! – весело сказал старик. – Поудить нету желанья? А то мы вот налаживаемся с Юрьем Викторовичем.

– Не люблю, – сказал Князев. – Но посижу с вами на бережку.

— Рыбалку не любите? - спросил Сильченко, худощавый мужчина таких же примерно лет, что и Князев, – около сорока. – Чего так?

– Трата времени.

Сильченко посмотрел на Князева, отметил его нездешний облик - галстук, запонки с желтыми кружочками... Сказал снисходительно:

– Отдых есть отдых, не все ли равно, как тратить время.

– Существует активный отдых, – отбил Князев эту нелепую попытку учить его, – и пассивный. Активный предполагает вместе с отдыхом какое-нибудь целесообразное мероприятие.

– От этих мероприятий и так голова кругом идет, – посмеялся Сильченко.

– Я говорю не об «этих мероприятиях», а о целесообразных, – подчеркнул Князев. И посмотрел на Сильченко твердо и спокойно. – Улавливаете разницу?

Сильченко тоже не понравилось, что с ним поучительно разговаривают:

– Нет, не улавливаю, объяснитесь, сделайте милость.

– Вы кто по профессии?

– Какое это имеет значение?

– Ну все же...

– Художник-гример.

Тут Князев вовсе осмелел: синие глаза его загорелись

веселым насмешливым огнем, он стал нахально-снисходителен.

– Вы в курсе дела, как насыпаются могильные курганы? – спросил он.

Чувствовалось удовольствие, с каким он подступает к изложению своих мыслей.

Сильченко никак не ждал этих курганов, он недоумевал.

– При чем здесь курганы?

– Вы видели когда-нибудь, как их насыпают?

– А вы видели?

– Ну, в кино-то видели же!

– Ну... допустим.

– Представление имеете. Я хочу, чтобы вы вызвали умственным взглядом эту картину: как насыпают курган. Идут люди, один за одним, каждый берет горсть земли и бросает. Сперва засыпается яма, потом начинает расти холм... Представили?

– Допустим.

Князев все больше воодушевлялся – это были дорогие минуты в его жизни, есть перед глазами слушатель, который хоть ерепенится, но внимает.

– Обрати тогда внимание вот на что: на несоответствие величины холма и горстки земли. Что же случилось? Ведь вот - горсть земли, - Князев показал ладонь, сложенную горстью, – а с другой стороны – холм. Что же случилось? Чудо? Никаких чудес: накопление количества. Так создавались государства – от Урарту до современных суперов. Что может сделать слабая человеческая рука?.. – Князев огляделся, ему на глаза попалась удочка, он взял ее из рук старика и показал обоим. – Удочка. Вот тоже произведение рук человеческих - удочка. Верно? - Он вернул удочку старику. - Это - когда один человек. Но когда они непрерывно идут друг за другом и бросают по горстке земли - образуется холм. Удочка - и холм. - Князев победно смотрел на Сильченко и на старика тоже, но больше на Сильченко. - Улавливаете?

- Не улавливаю, - сказал Сильченко вызывающе. Его эта победность Князева раздражала. - При чем здесь одно и при чем другое? Мы заговорили, как провести свободное время... Я высказал мысль, что чем бы ты ни занимался, но если тебе это нравится, значит, ты отдохнул хорошо.

– Бред, галиматья, – сурово и весело сказал Князев. – Рассуждение на уровне каменного века. Как только вы начинаете так рассуждать, вы тем самым автоматически выходите из той непрерывной цепи человечества, которая идет и накапливает количество. Я же вам дал очень наглядный пример: как насыпается холм! - Князев хоть был возбужден, но был и терпелив. – Вот представьте себе: все прошли и бросили по горстке земли... А вы – не бросили! Тогда я вас спрашиваю: в чем смысл вашей жизни?

– Чепуха какая-то. Вот уж, действительно, галиматья-то. Какой холм? Я вам говорю: вот я приехал отдохнуть... На природу. Мне нравится рыбачить... вот я и буду рыбачить. В чем дело?

– И я тоже приехал отдохнуть.

– Ну?..

– Что?

– Ну и что, холм, что ли, будете насыпать здесь?

Князев посмеялся снисходительно, но уже и не очень терпеливо, зло.

– То нам непонятно, когда мыслят категориями, то не устраивает... Такой уж наглядный пример! – Самому Князеву этот пример с холмом, как видно, очень понравился, он наскочил на него случайно и радовался ему, его простоте и разительной наглядности. – В чем смысл нашей жизни вообще? – спросил он прямо.

– Это – кому как, – уклонился Сильченко.

– Нет, нет, вы ответьте: в чем всеобщий смысл жизни? – Князев подождал ответа, но нетерпение уже целиком овладело им. – Во всеобщей государственности. Процветает государство – процветаем и мы. Так? Так или не так?

Сильченко пожал плечами... Но согласился - пока, в ожидании, куда затем стрельнет мысль Князева.

– Ну, так...

– Так. Образно говоря опять же, мы все несем на своих плечах известный груз... Вот представьте себе, – еще больше заволновался Князев от нового наглядного примера, – мы вдвоем – я, вы, дедушка – несем бревно. Несем – нам его нужно пронести сто метров. Мы пронесли пятьдесят метров, вдруг вы бросаете нести и отходите в сторону. И говорите: «У меня отпуск, я отдыхаю».

– Так что же, отпусков не нужно, что ли? – заволновался и Сильченко.
– Это же тоже бред сивой кобылы.

– В данном конкретном случае отпуск возможен, когда мы это бревешко пронесем положенных сто метров и сбросим – тогда отдыхайте.

– Не понимаю, чего вы хотите сказать, – сердито заговорил Сильченко.
– То холм, то бревно какое-то... Вы приехали отдыхать?

– Приехал отдыхать.

– Что же, значит, бросил бревно по дороге? Или как... по-вашему-то?

Князев некоторое время смотрел на Сильченко проникновенно и строго.

– Вы что, нарочно, что ли, не понимаете?

– Да я серьезно не понимаю! Глупость какая-то, бред!.. Бестолочь какая-то! – Сильченко чего-то нервничал и потому говорил много лишнего. – Ну полная же бестолочь!.. Ну, честное слово, ничего же понять нельзя. Ты понимаешь что-нибудь, дед?

Старик с интересом слушал эту умную перепалку. С вопросом его застали врасплох.

– А? - встрепенулся он.

– Ты понимаешь хоть что-нибудь, что этот... товарищ молотит здесь?

– Я слушаю, – сказал дед неопределенно.

– А я ничего не понимаю. Ни-чего не понимаю!

– Да вы спокойней, спокойней, – снисходительно и недобро посоветовал Князев. – Успокойтесь. Зачем же нервничать-то?

– А зачем тут чепуху-то пороть?!

– Да ведь вы даже не вошли в суть дела, а уже – чепуха. Да почему же... Когда же мы научимся рассуждать-то логически!

– Да вы сами-то.... Раз не понял – значит, чепуха, бред. Ве-ли-ко-лепная логика! Сколько же мы так отмахиваться-то будем!

– Хорошо, – взял себя в руки Сильченко. И даже присел на дедов верстак. – Ну-ка, ясно, просто, точно – что вы хотите сказать? Нормальным русским языком. Так?

– Вы где живете? - спросил Князев.

– В Томске.

– Нет, шире... В целом. – Князев широко показал руками.

– Не понимаю. Ну, не понимаю! – стал опять нервничать Сильченко. – В каком «целом»? В чем это? Где?

– В государстве живете, – продолжал Князев. – В чем лежат ваши главные интересы? С чем они совпадают?

– Не знаю.

– С государственными интересами. Ваши интересы совпадают с государственными интересами. Сейчас я понятно говорю?

– Ну, ну, ну?

– В чем же тогда ваш смысл жизни?

– Ну, ну, ну?

– Да не «ну», а уже нужна черта: в чем смысл жизни каждого гражданина?

– Ну, в чем?.. Чтобы работать, быть честным, – стал перечислять Сильченко, – защищать Родину, когда потребуется...

Князев согласно кивал головой. Но ждал чего-то еще, а чего, Сильченко никак не мог опять уловить.

– Это все правильно, - сказал Князев. - Но это все - ответвления. В чем главный смысл? Где главный, так сказать, ствол?

– В чем?

– Я вас спрашиваю. А я не знаю. Ну, не знаю, что хошь делай! Ты просто дурак! Долбо... – И Сильченко матерно выругался. И вскочил с верстака. – Чего тебе от меня надо?! – закричал он. – Чего?! Ты можешь прямо сказать? Или я тебя попру отсюда поленом!.. Дурак ты! Дубина!..

Князеву уже приходилось попадать на таких вот нервных. Он не испугался самого этого психопата, но испугался, что сейчас сбегутся люди, будут тарашить глаза, будет... Тьфу!

– Тихо, тихо, тихо, – сказал он, отступая назад. И грустно, и безнадежно смотрел на неврастеника примера. – Зачем же так? Зачем кричать-то?

– Чего вам от меня надо?! – все кричал Сильченко. – Чего?!

Из дома на крыльцо вышли люди...

Князев повернулся и пошел вон из ограды.

Сильченко еще что-то кричал вслед ему.

Князев не оглядывался, шел скорым шагом, и в глазах его была грусть и боль.

– Хамло, – сказал он негромко. – Ну и хамло же... Разинул пасть. – Помолчал и еще проговорил горько: – Мы не пойдем - нам не треба. Мы лучше орать будем. Вот же хамло!

На другой день, поутру, к Нехорошевым (тесть Князева) пришел здешний председатель сельсовета. Старики Нехорошевы и Князев с женой завтракали.

– Приятного аппетита, – сказал председатель. И посмотрел внимательно на Князева. – С приездом вас.

– Спасибо, – ответил Князев. У него сжалось сердце от дурного предчувствия. – С нами... не желаете?

– Нет, я позавтракал. – Председатель присел на лавку. И опять посмотрел на Князева. Князев окончательно понял: это по его душу. Вылез из-за стола и пошел на улицу. Через минуту-две за ним вышел и председатель.

– Слушаю, – сказал Князев. И усмехнулся тоскливо.

– Что там у вас случилось-то? – спросил председатель. Один раз (в прошлом году, летом тоже) председатель уже разбирал нечто подобное. Тогда на Князева тоже пожаловались, что он «пропагандирует». – Опять мне чего-то там рассказывают...

– А что рассказывать-то?! – воскликнул Князев. – Боже мой! Что там рассказывать-то! Хотел внушить товарищу... более ясное представление...

– Товарищ Князев, – сухо, казенным голосом заговорил председатель, – мне это неловко делать, но я должен...

– Да что должен-то? Что я?.. Не понимаю, ей-богу: что я сделал? Хотел просто объяснить ему... а он заорал, как дурной. Я не знаю... Он нормальный, этот Сильченко?

– Товарищ Князев...

– Ну, хорошо, хорошо. Хорошо! - Князев нервно сплюнул. – Больше не буду. Черт с ними, как хотят, так и пусть живут. Но, боже ж мой!.. - опять изумился он. – Что я такого ему сказал? Наводил на мысль, чтобы он отчетливее понимал свои задачи в жизни!.. Что тут такого?

– Человек отдыхать приехал... Зачем его тревожить. Не надо. Не надо, товарищ Князев, прошу вас.

– Хорошо, хорошо. Пусть, как хотят... Ведь он же гример!

– Ну?

– Я хотел его подвести к мысли, чтобы он выступил в клубе, рассказал про свою работу...

– Зачем?

– Да интересно же! Я бы сам с удовольствием послушал. Он же, наверно, артистов гримирует... Про артистов бы рассказал.

– А при чем тут... жизненные задачи?

– Он бы сделал полезное дело! Я с того и начал вчера: идет вереница людей, каждый берет горсть земли и бросает – образуется холм. Холм тире целесообразное государство. Если допустить, что смысл жизни каждого гражданина в том, чтобы, образно говоря...

– Товарищ Князев, – перебил председатель, – мне сейчас некогда: у меня в девять совещание... Я как-нибудь вас с удовольствием послушаю. Но еще раз хочу попросить...

– Хорошо, хорошо, – торопливо, грустно сказал Князев. – Идите на совещание. До свиданья. Я не нуждаюсь в вашем слушанье.

Председатель удивился, но ничего не сказал, пошел на совещание.

Князев глядел вслед ему... И проговорил негромко, как он имел привычку говорить про себя:

– Он с удовольствием послушает! Обрадовал... Иди заседай! Штаны протрете на ваших заседаниях, заседатели. Одолжение он сделает – послушает.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Фрагмент текста романа Г. Газданова «Вечер у Клэр»

Дядя мой, Виталий, скептик и романтик, оставшийся навеки драгунским ротмистром за то, что вызвал на дуэль командира полка, а в ответ на его отказ драться дал ему пощечину в офицерском собрании и сидел потом пять лет в крепости, откуда вышел очень изменившимся человеком и где он приобрел удивительную и вовсе уж для офицера необыкновенную эрудицию в вопросах искусства, философии и социальных наук и затем продолжал служить в том же полку, но не подвигался в чинах, – дядя мой сказал мне: - Возьми, Коля, десять рублей и пойдя к этому долгогривому идиоту. Попроси у него свидетельство о говении. В церковь тебе нечего

ходить, лоботрясничать. Просто дай ему деньги и возьми у него свидетельство.

Дядя Виталий всегда всех ругал и всем был недоволен, хотя в личном обращении и отношении к людям был, в общем, добр и снисходителен, и когда тетка собиралась наказывать своего восьмилетнего сына, он брал его под защиту и говорил: – Оставь ты его в покое, он не понимает, что он сделал. Не забывай, что этот ребенок поразительно глуп; и если ты его высечешь, он умнее не станет. Кроме того, бить детей вообще нельзя, и этого не знают только такие невежественные женщины, как ты. – Почти каждую свою речь дядя начинал словами: – Эти идиоты... – Мне священник не выдаст свидетельства так просто, – сказал я, – ведь я должен сначала говеть. – Это все глупости. Заплати ему десять рублей и больше ничего. Делай так, как я тебе говорю.

Я пошел к священнику. Он жил в маленькой квартире с двумя креслами ярко-желтого цвета и портретами архиереев на стенах. В ответ на мою просьбу о свидетельстве он сказал: – Сын мой, – меня покорило это обращение, – приходите в церковь, сперва исповедуйтесь, потом причаститесь, потом можно будет через недельку и свидетельство выдать. – А сейчас нельзя? – Нет. – Я бы хотел сейчас, батюшка. – Нельзя сейчас, – сказал священник, начиная сердиться на мою непонятливость. Тогда я вынул десять рублей и положил их на стол, а на священника не посмотрел, потому что мне было стыдно. Он взял деньги, засунул их в карман, отбросив назад полу рясы и обнаружив под пей узкие черные штаны со штрипками, – и позвал: – Отец дьякон! – Из соседней комнаты вышел дьякон, жуя что-то; лицо его было покрыто потом от сильной жары, и так как он был очень толст, то нот буквально струился с него; и на его бровях висели светлые капельки. – Выдайте этому молодому человеку свидетельство о говении.

Дьякон кивнул головой и тотчас написал мне свидетельство – особенным квадратным почерком, довольно красивым. – Что я тебе сказал? –

буркнул дядя. – Я, брат, их знаю... – Тетка ему заметила: – Ты бы хоть мальчику таких вещей не говорил. – И он ответил: – Этот мальчик, как и всякий другой мальчик, понимает нисколько не меньше тебя. Я, матушка, это прекрасно знаю. Уж если ты меня начнешь учить, то мне только повеситься останется.

Вечерами Виталий сидел на террасе дома, погруженный в задумчивость. – Почему ты так долго сидишь на террасе? – спрашивал я. – Я погружаюсь в задумчивость, – отвечал Виталий и придавал этому выражению такой оттенок, точно он действительно погружался в задумчивость – как в воду или в ванну.

Изредка он разговаривал со мной: – Ты в каком классе? – В четвертом. – Что же ты теперь учишь? – Разные предметы. – Глупости тебе все преподают. Что ты знаешь о Петре Великом и Екатерине? Ну-ка, расскажи. – Я ему рассказывал. Я ждал, что после того, как я кончу говорить, он скажет: – Эти идиоты... – И он действительно так и говорил: – Эти идиоты тебе преподают неправду. – Почему неправду? – Потому что они идиоты, – уверенно сказал Виталий. – Они думают, что если у тебя будет ложное представление о русской истории, как смене добродетельных и умных монархов, то это хорошо. В самом же деле ты изучаешь какую-то сусальную мифологию, которой они заменяют историческую действительность. и в результате ты окажешься в дураках. Впрочем, ты все равно окажешься в дураках, даже если будешь знать настоящую историю. – Непременно окажусь в дураках? – Непременно окажешься. Все оказываются. – А вот ты, например? – Ты говоришь дерзости. – совершенно спокойно ответил он. – Таких вопросов нельзя задавать старшим. Но если ты хочешь знать, то и я сижу в дураках, хотя предпочел бы быть в другом положении. – А что же делать? – Быть негодяем, – резко сказал он и отвернулся. – Он был несчастен в браке, жил почти отдельно от семьи и хорошо знал, что его жена, московская дама, очень красивая, была ему неверна; он был намного старше

ее. Я приезжал в Кисловодск каждое лето и всегда заставал там Виталия – до тех пор, пока меня не отделили от Кавказа движения различных большевистских и антибольшевистских войск, происходившие на Дону и на Кубани. И только за год до моего отъезда из России, во время гражданской войны, я опять приехал туда и снова увидел на террасе нашей дачи согнувшуюся в кресле фигуру Виталия. Он состарился за это время, поседел, лицо его стало еще более мрачным, чем раньше. – Я встретил в парке Александру Павловну (это была его жена), – сказал я ему, здороваясь. – У нее прекрасный вид. – Виталий хмуро на меня посмотрел. – Ты помнишь пушкинские эпиграммы? – Помню. – Он процитировал:

Тебе подобной в мире нет.

Весь свет твердит, и я с ним тоже.

Другой, что год, то больше лет,

А ты, что год, то все моложе.

– У тебя очень недовольное выражение, Виталий. – Что делать? Я, брат, старый пессимист. Ты, говорят, хочешь поступить в армию? – Да. – Глупо делаешь. – Почему? – Я думал, что он скажет «эти идиоты». Но он этого не сказал. Он только опустил голову и проговорил: - Потому что добровольцы проиграют войну. – Мысль о том, проиграют или выиграют войну добровольцы, меня не очень интересовала. Я хотел знать, что такое война, это было все тем же стремлением к новому и неизвестному. Я поступал в белую армию потому, что находился на ее территории, потому что так было принято: и если бы в те времена Кисловодск был занят красными войсками, я поступил бы, наверное, в красную армию. Но меня удивило, что Виталий, старый офицер, относится к этому с таким неодобрением. Я не вполне понимал тогда, что Виталий был слишком для этого умен и вовсе не придавал своему офицерскому чину того значения, какое ему обычно придавалось. Но все же я спросил его, почему он так думает. Равнодушно поглядев на меня, он сказал, что они, то есть те, в чьих

руках находится командование антиправительственными войсками, не знают законов социальных отношений. – Там, – сказал он, оживляясь, – там вся северная голодная Россия. Там, брат, идет мужик. Знаешь ли ты, что Россия крестьянская страна, или тебя не учили этому в твоей истории? – Знаю, – ответил я. Тогда Виталий продолжал. – Россия, – говорил он, – вступает в полосу крестьянского этапа истории, сила в мужике, а мужик служит в красной армии. – У белых, по презрительному замечанию Виталия, не было даже военного романтизма, который мог бы показаться привлекательным; белая армия – это армия мещанская и полуинтеллигентская. – В ней служат кокаинисты, сумасшедшие, кавалерийские офицеры, жеманные, как кокетки, – резко говорил Виталий, – неудачные карьеристы и фельдфебели в генеральских чинах. – Ты все всегда ругаешь, – заметил я. – Александра Павловна говорит, что это твоя *profession de foi*. – Александра Павловна, Александра Павловна, – с неожиданным раздражением сказал Виталий. – *Profession de foi*. Какая глупость! Двадцать пять лет, со всех сторон и почти ежедневно, я слышу это бессмысленное возражение: ты все ругаешь. Да ведь я думаю о чем-нибудь или нет? Я тебе излагаю причины неизбежности такого исхода войны, а ты мне отвечаешь: ты все ругаешь. Что ты – мужчина или тетя Женя? Я Александру Павловну упрекнул за то, что она все какую-то Лаппо-Нагродскую читает, и она мне тоже сказала, что я все, по обыкновению, ругаю. Нет, не все. Я литературу, слава Богу, знаю лучше и больше люблю, чем моя жена. Если я что-нибудь браню, значит, у меня есть для этого причины. Ты пойми, – сказал Виталий, поднимая голову, – что из всего, что делается в любой области, будь это реформа, реорганизация армии, или попытка ввести новые методы, образование, или живопись, или литература, девять десятых никуда не годится. Так бывает всегда; чем же я виноват, что тетя Женя этого не понимает? – Он помолчал с минуту и потом отрывисто спросил: – Сколько тебе лет? – Через два месяца будет шестнадцать. – И черт несет тебя воевать? – Да. – А почему, собственно, ты

идешь на войну? – вдруг удивился Виталий. – Я не знал, что ему ответить, замаялся и наконец неуверенно сказал: – Я думаю, что это все-таки мой долг. – Я считал тебя умнее, – разочарованно произнес Виталий. – Если бы твой отец был жив, он не обрадовался бы твоим словам. – Почему? – Послушай, мой милый мальчик, – сказал Виталий с неожиданной мягкостью. – Постарайся разобраться. Воюют две стороны; красная и белая. Белые пытаются вернуть Россию в то историческое состояние, из которого она только что вышла. Красные ввергают ее в такой хаос, в котором она не была со времен царя Алексея Михайловича. – Конец Смутного времени, – пробормотал я. – Да, конец Смутного времени. Вот тебе и пригодилась гимназия. – И Виталий принялся излагать мне свой взгляд на тогдашние события. Он говорил, что социальные категории – эти слова показались мне неожиданными, я все не мог забыть, что Виталий – офицер драгунского полка, – подобны феноменам, подчиненным законам какой-то нематериальной биологии, и что такое положение если и не всегда непогрешимо, то часто оказывается приложимым к различным социальным явлениям. – Они рождаются, растут и умирают, – говорил Виталий, – и даже не умирают, а отмирают, как отмирают кораллы. Помнишь ли ты, как образуются коралловые острова? – Помню, – сказал я. – Я помню, как они возникают: и, кроме того, я сейчас вспоминаю их красные изгибы, окруженные белой пеной моря, это очень красиво; я видел такой рисунок в одной из книг моего отца. – Процесс такого же порядка происходит в истории, – продолжал Виталий. – Одно отмирает, другое зарождается. Так вот, грубо говоря, белые представляют из себя нечто вроде отмирающих кораллов, на трупах которых вырастают новые образования. Красные – это те, что растут. – Хорошо, допустим, что это так, – сказал я; глаза Виталия вновь приняли обычное насмешливое выражение, – но не кажется ли тебе, что правда на стороне белых? – Правда? Какая? В том смысле, что они правы, стараясь захватить власть? – Хотя бы, – сказал я, хотя думал совсем

другое. – Да, конечно. Но красные тоже правы, и зеленые тоже, а если бы были еще оранжевые и фиолетовые, то и те были бы в равной степени правы. – И, кроме того, фронт уже у Орла, а войска Колчака подходят к Волге. – Это ничего не значит. Если ты останешься жив после того, как кончится вся эта резня, ты прочтешь в специальных книгах подробное изложение героического поражения белых и позорно-случайной победы красных - если книга будет написана ученым, сочувствующим белым, и героической победы трудовой армии над наемниками буржуазии – если автор будет на стороне красных.

Я ответил, что все-таки пойду воевать за белых, так как они побеждаемые.

– Это гимназический сентиментализм, – терпеливо сказал Виталий. -

Ну, хорошо, я скажу тебе то, что думаю. Не то, что можно вывести из анализа сил, направляющих нынешние события, а мое собственное убеждение. Не забывай, что я офицер и консерватор в известном смысле и, помимо всего, человек с почти феодальными представлениями о чести и праве. – Что же ты думаешь? – Он вздохнул. – Правда на стороне красных. Вечером он предложил мне пойти вместе с ним в парк. Мы шагали по красным аллеям, мимо светлой маленькой речонки, вдоль игрушечных гротов, под высокими старыми деревьями. Становилось темно, речка всхлипывала и журчала; и этот тихий шум слит теперь для меня с воспоминанием о медленной ходьбе по песку, об огоньках ресторана, который был виден издали, и о том, что, когда я опускал голову, я замечал свои белые летние брюки и высокие сапоги Виталия. Виталий был более разговорчив, чем обыкновенно, и в его голосе я не слышал обычной иронии. Он говорил серьезно и просто. – Значит, ты уезжаешь, Николай, – сказал он, когда мы углубились в парк. – Слышишь, как речка шумит – перебил он себя внезапно. – Я прислушался: сквозь ровный шум, который доносился сначала, слух различал несколько разных журчаний, одновременных, но не похожих

друг на друга. – Непонятная вещь, – сказал Виталий. – Почему этот шум так меня волнует? И всегда, уже много лет, как только я слышу его, мне все кажется, что до сих пор я его не слышал. Но я хотел другое сказать. – Я слушаю. – Мы с тобой, наверное, больше не встретимся, – сказал он. – Или тебя убьют, или ты заедешь куда-нибудь к черту на кулички, или, наконец, я, не дождавшись твоего возвращения, умру естественной смертью. Все это в одинаковой степени возможно. – Почему так мрачно? – спросил я. Я никогда не умел представлять себе события за много времени вперед, я едва успевал воспринимать то, что происходило со мной в данную минуту, и потому все предположения о том, что, может быть, когда-нибудь случится, казались мне вздорными. Виталий говорил мне, что в молодости он был таким же; но пять лет одиночного заключения, питавшие его фантазию только мыслями о будущем, развили ее до необыкновенных размеров. Виталий, обсуждая какое-нибудь событие, которое должно было, по его мнению, скоро случиться, видел сразу многие его стороны, и изощренное его воображение точно предчувствовало ту неуловимую психологическую оболочку и оболочку внешних условий, в каких оно могло бы происходить. Кроме того, его знание людей и причин, побуждающих их поступать таким или иным образом, было несравненно богаче обычного житейского опыта, естественного для человека его возраста; и это давало ему ту, на первый взгляд почти непостижимую, возможность угадывания, которую я наблюдал лишь у редких и все почему-то случайных моих знакомых. Виталий, впрочем, почти не пользовался ею, потому что был презрительно равнодушен к судьбе даже близких своих родственников, – и его доброта и снисходительность объяснялись, как мне казалось, этим, почти всегда одинаковым и безразличным, отношением ко всем. – Я очень любил твоего отца, – сказал Виталий, не отвечая на мой вопрос, – хотя он смеялся всегда над тем, что я офицер и кавалерист. Но он был, пожалуй, прав. Я и тебя люблю, – продолжал он. – И вот перед твоим отъездом я хочу сказать тебе

одну вещь: обрати на нее внимание. – Я не знал, что Виталий мне хочет сказать, в мое отношение к нему как-то не вмещалась мысль о том, что он может интересоваться мной и советовать мне что бы то ни было: он предпочитал всегда бранить меня за мое непонимание чего-нибудь или за любовь к разговорам на отвлеченные темы, в которых я, по его словам, ничего не смыслил; и однажды он чуть не до слез смеялся, когда я ему сказал, что прочел Штирнера и Кропоткина, а в другой раз он сокрушенно качал головой, узнав о моем пристрастии к искусству Виктора Гюго; он презрительно отозвался об этом, как он выразился, человеку с ухватками пожарного, душой сентиментальной дуры и высокопарностью русского телеграфиста. – Послушай меня, – говорил между тем Виталий. – Тебе в ближайшем будущем придется увидеть много гадостей. Посмотришь, как убивают людей, как вешают, как расстреливают. Все это не ново, не важно и даже не очень интересно. Но вот что я тебе советую: никогда не становись убежденным человеком, не делай выводов, не рассуждай и старайся быть как можно более простым. И помни, что самое большое счастье на земле – это думать, что ты хоть что-нибудь понял из окружающей тебя жизни. Ты не поймешь, тебе будет только казаться, что ты понимаешь; а когда вспомнишь об этом через несколько времени, то увидишь, что понимал неправильно. А еще через год или два убедишься, что и второй раз ошибался. И так без конца. И все-таки это самое главное и самое интересное в жизни. – Хорошо, – сказал я. – Но какой же смысл в этих постоянных ошибках?.. – Смысл? – удивился Виталий. – Смысла действительно нет, да он и не нужен. – Этого не может быть. Есть закон целесообразности. – Нет, мой милый, смысл это фикция и целесообразность тоже фикция. Смотри: если ты возьмешь ряд каких-нибудь явлений и станешь их анализировать, ты увидишь, что есть какие-то силы, направляющие их движения; но понятие смысла не будет фигурировать ни в этих силах, ни в этих движениях. Возьми какой-нибудь исторический факт, случившийся в результате долговременной политики и

подготовки и имеющий вполне определенную цель. Ты увидишь, что с точки зрения достижения этой цели и только этой цели такой акт не имеет смысла, потому что одновременно с ним и по тем же, казалось бы, причинам произошли другие события, вовсе непредвиденные, и все совершенно изменили. – Он посмотрел на меня: мы шли меж двух рядов деревьев, и было так темно, что я почти не видел его лица. – Слово «смысл», – продолжал Виталий, – не было бы фикцией только в том случае, если бы мы обладали точным знанием того, что когда мы поступим так-то, то последуют непременно такие, а не иные результаты. Если это не всегда оказывается непогрешимым даже в примитивных, механических науках, при вполне определенных задачах и столь же определенных условиях, то как же ты хочешь, чтобы оно было верным в области социальных отношений, природа которых нам непонятна, или в области индивидуальной психологии, законы которой нам почти неизвестны? Смысла нет, мой милый Коля. – А смысл жизни? – Виталий вдруг остановился, точно его задержали. Было совсем темно, сквозь листья деревьев едва виднелось небо. Оживленные места парка и город остались далеко внизу: слева синела Романовская гора, покрытая елями. Она казалась мне синей, хотя теперь, в темноте, глаз должен был видеть ее черной, но я привык смотреть на нее днем, когда она действительно синела: и тогда вечером я пользовался моим зрением только для того, чтобы лучше вспомнить контуры горы, а синева ее была уже готова в моем воображении – вопреки законам света и расстояния. Воздух был очень чистый и свежий; и опять, как всегда, в тишине до меня явственнее доносился далекий и протяжный звон, замирающий наверху. – Смысл жизни? – печально переспросил Виталий, и в его голосе мне слышались слезы, и я не поверил себе; я думал всегда, что они неизвестны этому мужественному и равнодушному человеку. – У меня был товарищ, который тоже спрашивал меня о смысле жизни, – сказал Виталий, – перед тем как застрелиться. Это был мой очень близкий товарищ, очень хороший товарищ,

- сказал, часто повторяя слово «товарищ» и как бы находя какое-то призрачное утешение в том, что это слово теперь, много лет спустя, звучало так же, как раньше, и раздавалось в неподвижном воздухе пустынного парка.

- Он был тогда студентом, а я был юнкером. Он все спрашивал: зачем нужна такая ужасная бессмысленность существования, это сознание того, что если я умру стариком и, умирая, буду отвратителен всем, то это хорошо, – к чему это? Зачем до этого доживать? Ведь от смерти мы не уйдем, Виталий, ты понимаешь? Спасения нет. – Нет! – закричал Виталий. – Зачем, - продолжал он, – становиться инженером, или адвокатом, или писателем, или офицером, зачем такие унижения, такой стыд, такая подлость и трусость? Я говорил ему тогда, что есть возможность существования вне таких вопросов: живи, ешь бифштексы, целуй любовниц, грусти об изменах женщин и будь счастлив. И пусть Бог хранит тебя от мысли о том, зачем ты все это делаешь. Но он не поверил мне, он застрелился. Теперь ты спрашиваешь меня о смысле жизни. Я ничего не могу тебе ответить. Я не знаю.

В тот день мы вернулись домой очень поздно; и когда сонная горничная подала нам на террасу чай, Виталий посмотрел на стакан, поднял его, поглядел сквозь жидкость на электрическую лампочку – и долго смеялся, не говоря ни слова. Потом он пробормотал насмешливо: смысл жизни! – и вдруг нахмурился и потемнел и ушел спать, не пожелав мне спокойной ночи.

Когда, спустя некоторое время, я уезжал из Кисловодска, с тем, чтобы, добравшись до Украины, поступить в армию, Виталий попрощался со мной спокойно и холодно, и в его глазах опять было постоянно-равнодушное выражение, готовое тотчас же перейти в насмешливое. Мне же было жаль покидать его, потому что я его искренно любил, – а окружающие его побаивались и не очень жаловали. – Каменное сердце, – говорила о нем его жена. - Жестокий человек, – говорила тетка. – Для него нет ничего святого, – отзывалась его невестка. Никто из них не знал настоящего Виталия. Уже

потом, размышляя об его печальном конце и неудачливой жизни, я жалел, что так бесцельно пропал человек с громадными способностями, с живым и быстрым умом, - и ни один из близких даже не пожалел его. Расставаясь с ним, я знал, что вряд ли мы потом еще встретимся, мне хотелось обнять Виталия и попрощаться с ним, как с близким мне человеком, а не просто знакомым, явившимся на вокзал. Но Виталий держался очень официально: и когда он щелчком пальцев сбросил пушинку со своего рукава, то по этому одному движению я понял, что прощаться так, как я хотел сначала, было бы нелепо и *ridicule*. Он пожал мне руку, и я уехал. Была поздняя осень, и в холодном воздухе чувствовались печаль и сожаление, характерные для всякого отъезда. Я никогда не мог привыкнуть к этому чувству; всякий отъезд был для меня началом нового существования. Нового существования – и, следовательно, необходимости опять жить ощупью и искать среди новых людей и вещей, окружавших меня, такую более или менее близкую мне среду, где я мог бы обрести прежнее мое спокойствие, нужное для того, чтобы дать простор тем внутренним колебаниям и потрясениям, которые одни сильно занимали меня. Затем мне было еще жаль покидать города, в которых я жил, и людей, с которыми я встречался, потому что эти города и люди не повторятся в моей жизни; их реальная, простая неподвижность и определенность раз навсегда созданных картин так была не похожа на иные страны, города и людей, живших в моем воображении и мною вызываемых к существованию и движению. Над одними у меня была власть разрушения и создания, над другими только клубилась моя память, мое бессильное знание; и оно был недостаточным даже для того угадывания, даром которого обладал дядя Виталий.